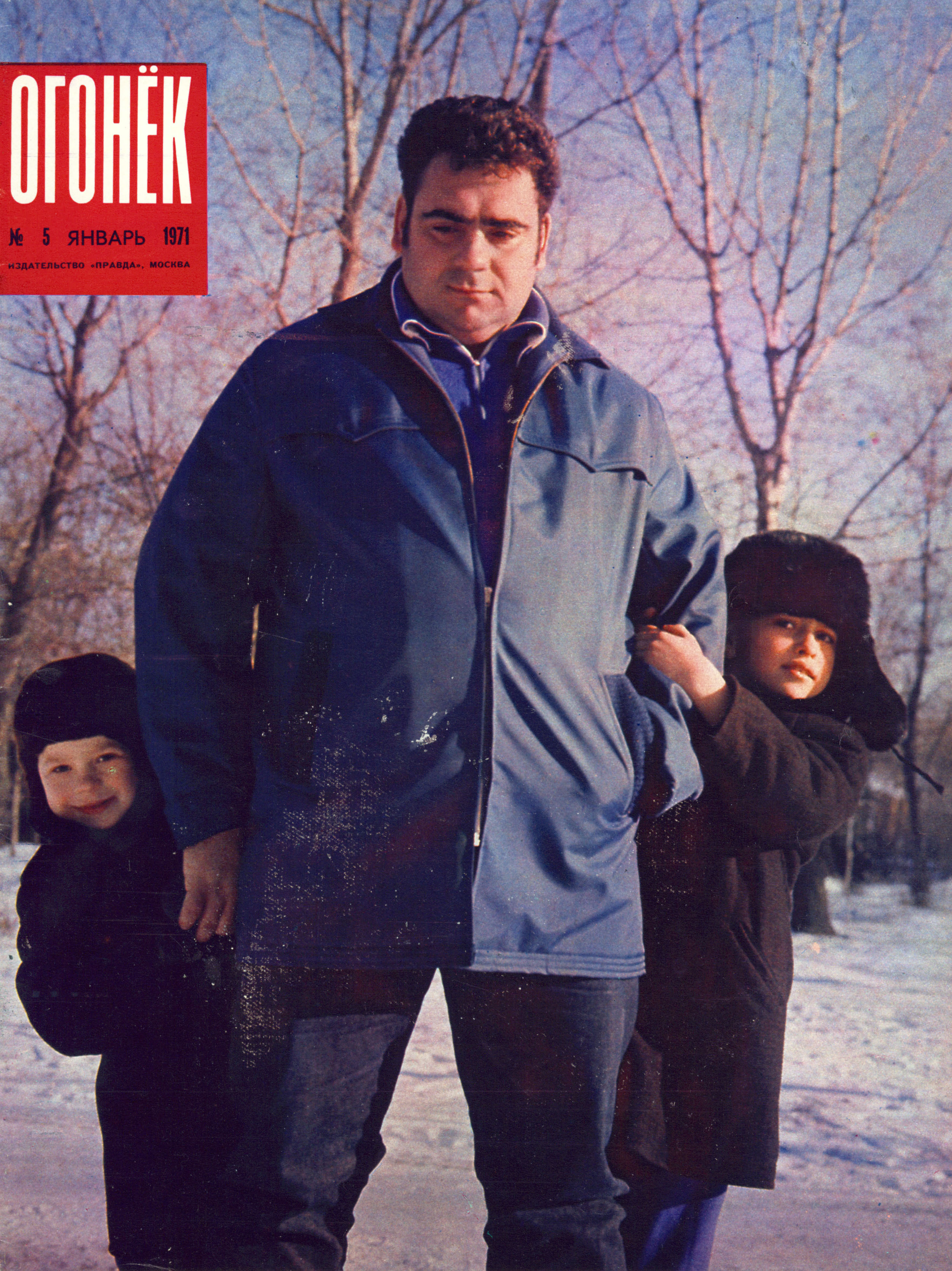

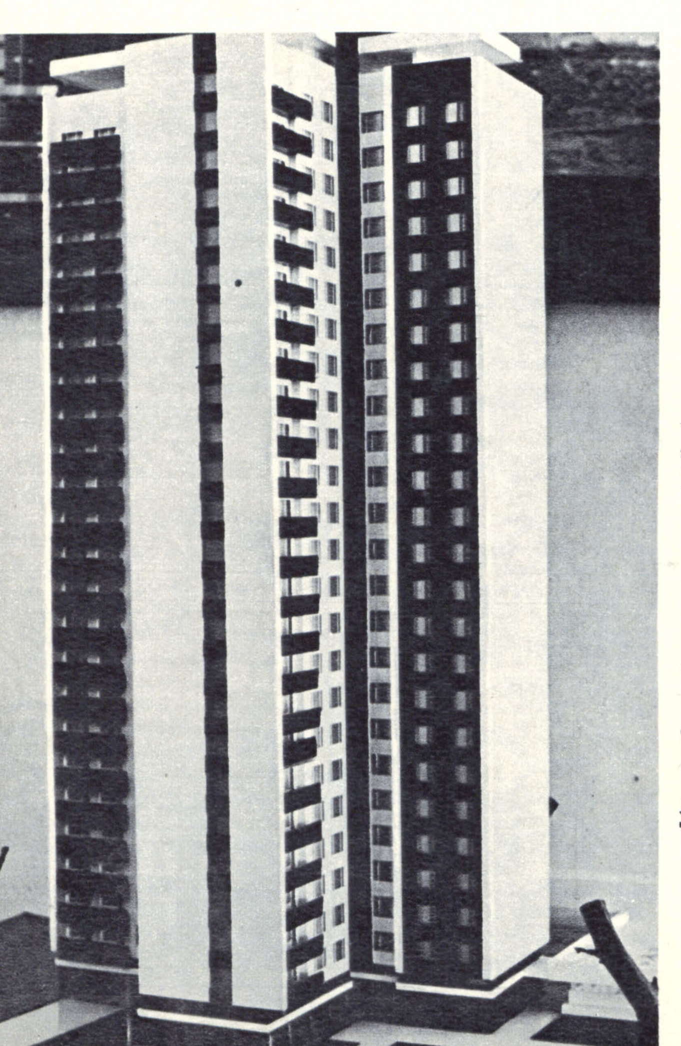
ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Дом начинается с таких унифицированных деталей.

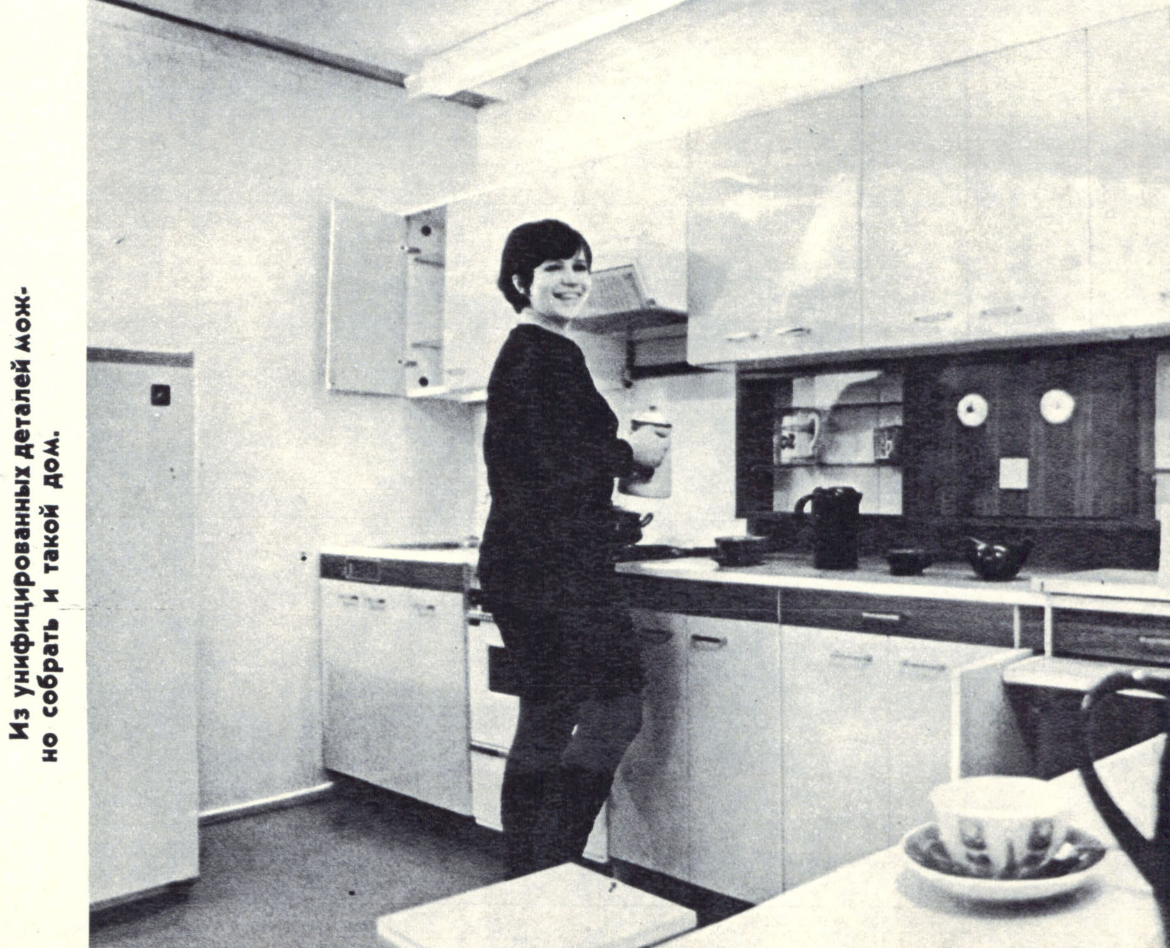
К. БАРЫКИН

Фото И. ОЛЬГИНА.

ДОМ... ОБГОНЯЕТ

Из унифицированных деталей можно собрать и такой дом.

ОГОНЁК

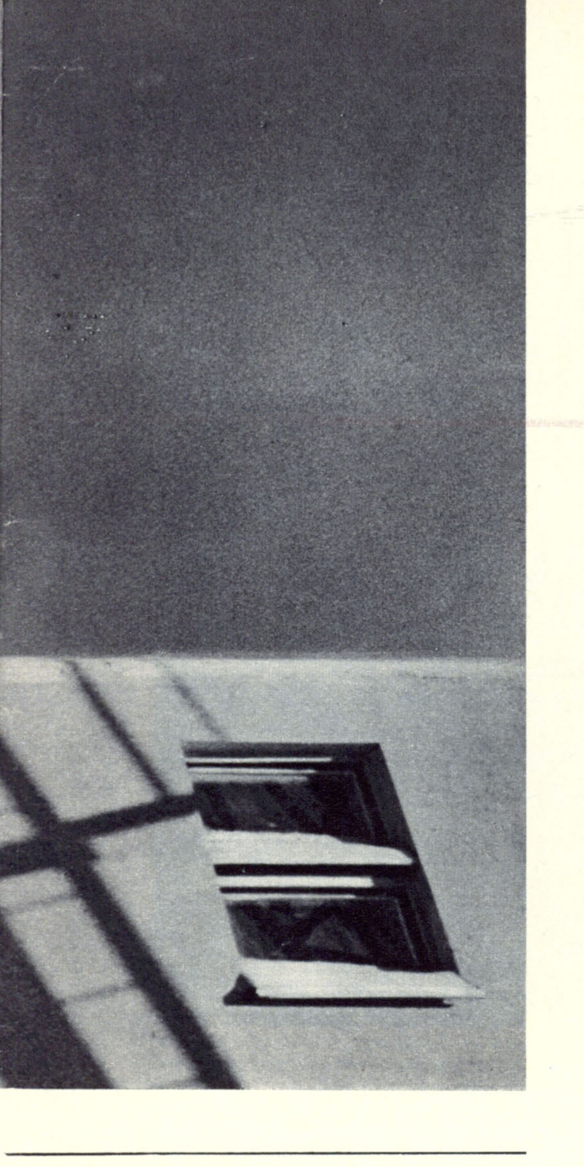
Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (2274)

30 ЯНВАРЯ 1971

КНИГУ

Дом из книжки, которую он обогнал... Шестнадцатиэтажная новостройка в Тропареве.

Кухня под стать дому. Она тоже сборная. Несколько унифицированных изделий дают возможность собрать ее. Можно и поменьше. Делаются эти кухни на тринадцатой московской мебельной фабрике.

ДРУЖЕСКИЙ ВИЗИТ

По приглашению Центрального Комитета КПСС и Советского правительства 25 января в Москву прибыли с дружеским визитом Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии Г. Гусак, член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства Чехословацкой Социалистической Республики Л. Штроугал и член Президиума, секретарь ЦК КПЧ В. Биляк.

25 января 1971 года в ЦК КПСС состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и секретаря ЦК КПСС К. Ф. Катушева с Первым секретарем ЦК КПЧ Г. Гусаком, членом Президиума ЦК КПЧ, Председателем правительства ЧССР Л. Штроугалом, членом Президиума, секретарем ЦК КПЧ В. Биляком.

Во время встречи состоялся обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития и укрепления дружеских связей и братского сотрудничества между КПСС и КПЧ, СССР и ЧССР.

Встреча советских и чехословацких руководящих деятелей, прошедшая в обстановке дружбы, сердечности и братского взаимопонимания, продемонстрировала полное единство взглядов и позиций Чехословакии и Советского Союза по всему кругу обсуждавшихся вопросов.

На снимке: перед началом встречи советских и чехословацких руководителей в ЦК КПСС.

Фото В. Егорова (ТАСС).

Каждое утро, еще затемно, мимо дома, в котором я живу, начинает тянуться вереница панелевозов. Они везут потолки, стены, балконы...

В конце концов разобрало меня любопытство, и я спросил у одного из шоферов:

— Куда путь держите?

— В Тропарево, на экспериментальный шестнадцатиэтажный...

Сел я к нему в кабину и поехал посмотреть, что за дом и стоит ли он того, чтобы детали для него едва ли не через всю Москву возить. Забегая вперед, скажу: стоит!

Поднимаемся с этажа на этаж, и мой спутник, здешний строитель, неожиданно спрашивает:

— Не приходилось вам читать книгу «Твоя будущая квартира»? Так вот сей дом эту самую книжку обогнал...

Вернувшись со стройки, я не без труда разыскал книжку, «отставшую от дома»: тираж уже весь разошелся, хотя книга вышла в издательстве «Московский рабочий» сравнительно недавно. Есть в ней такой абзац: «Сейчас проектировщики Москвы настойчиво работают над созданием каталога унифицированных деталей, внедрение которых дает возможность строителям быстрее совершенствовать жилищное строительство».

Похоже, что книга о будущем, а о нем всегда интересно поговорить со знающим человеком. И решил я встретиться с автором книги Игорем Васильевичем Пушкаревым. А когда встреча состоялась, услыхал от него такие слова:

— Я писал книгу медленнее, чем строились дома. И сейчас вижу, что многое из написанного о завтрашнем дне уже стало днем сегодняшним.

Подтверждение тому — дом в Тропареве. Он только что построен и принят с оценкой «отлично». Это — первое в Москве здание, построенное из унифицированных деталей гигантского «конструктора». Из тех же деталей, выпускаемых заводом, можно поставить на выбор или такой вот дом, в шестнадцать этажей, или «четырехлистник»: собрать изящную башню, жилые отсеки которой ответвляются от основного ствола, словно лепестки.

Каталог этих самых унифицированных деталей открывает простор для широкого архитектурного творчества, позволяет строить дома, отличающиеся не только внешним обликом, но и компоновкой квартир. В книге И. В. Пушкарева в том месте, где идет рассказ о таких квартирах, есть сноска: «Квартиры ближайшего будущего». Но жизнь обогнала предположения автора. Она уже построена, эта квартира ближайшего будущего, она словно сошла с книжных страниц и воплотилась в бетон, пластик, кафель...

Один из авторов проекта, архитектор Андрей Борисович Самсонов, познакомил меня с проектами домов, которые можно возводить, пользуясь унифицированными деталями. Здесь и башни-гиганты Юго-Запада столицы и сравнительно небольшие здания, место которым будет отведено в центре города. Есть еще одно достоинство у этих деталей: их можно делать цветными — новшество буквально последних недель. На заводе установлен агрегат, окрашивающий бетон составом, которому не страшны ни дожди, ни морозы, ни жаркие солнечные лучи. И пыль к этой краске почти не пристает.

Известно, насколько экономически выгодно заводское домостроение. Но вот проблема: «Как быть, мыслимо ли учитывать вкусы каждого члена семьи новоселов, если строят тысячи домов для десятков миллионов людей?» Вопрос этот волнует всех новоселов, и автор упомянутой книги, поставив его, отвечает: «Нам кажется, мыслимо, хотя без стандарта здесь не обойдешься. Без индустриализации, потока, конвейера просто невозможно построить столько домов, сколько сейчас строят».

Когда индустриализация и поток «дают» такой дом, как в Тропареве, остается лишь пожелать, чтобы проектировщики и строители и впредь продолжали «опровергать» строки этой книги, посвященные стандарту.

— Думаю, никто не станет возражать против таких поправок,— улыбается Игорь Васильевич.

Сейчас рядом с первым домом уже возводится второй. В специальном конструкторском бюро «Прокатдеталь» нам сказали, что он будет еще совершеннее.

...В Московском управлении учета и распределения жилой площади мне сообщили несколько цифр. ЗА ПЯТИЛЕТКУ В НОВЫЕ КВАРТИРЫ ПЕРЕСЕЛИЛОСЬ БОЛЕЕ 1 700 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК. ВСЕГО ЖЕ ЗА ЭТИ ГОДЫ УЛУЧШИЛИ СВОИ ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ПОЧТИ ДВА С ПОЛОВИНОЙ МИЛЛИОНА МОСКВИЧЕЙ.

Недавно нью-йоркский «Ньюсуик» писал: «Через какой-нибудь десяток лет весь мир признает: «Советский Союз добился наилучших жилищных условий. Программа строительства жилых домов в СССР была выполнена почти с невероятным успехом; масштабы и темпы строительства неслыханны». Тут же журнал приводит такие строки: «Согласно последним данным ООН, Советский Союз стоит впереди Соединенных Штатов в области жилищного строительства».

...Наверное, когда книга будет переиздаваться, автору придется во многих случаях сделать такие уточнения: «Это квартира сегодняшнего дня». Приятные поправки!

ВСЕ ПРОДИКТОВАЛА ПЯТИЛЕТКА

Л. СКАЛАБАН,

начальник конструкторского бюро отдела главного механика Минского завода электронных вычислительных машин имени Г. К. Орджоникидзе

Выполнена еще одна пятилетка. Страна подводит итоги. Подводит итоги и каждый из нас, размышляя о достигнутом. Я осмысливаю эти годы как инженер-конструктор современного завода и как пропагандист — руководитель цехового семинара «Экономическая реформа — творческое претворение ленинских принципов хозяйствования».

...Я готовлюсь к очередному занятию, и мысли уходят к началу пятилетки. XXIII съезд КПСС... Открываю первый из двух томов сборника «Ленинским курсом», в которых собраны выступления Леонида Ильича Брежнева,— этот двухтомник вышел недавно и сразу стал для нас, пропагандистов, настольным. Ценность его прежде всего в том, что он охватывает очень важный период в жизни страны, период, характеризующийся дальнейшим повышением роли партии во всех сферах деятельности советского народа, в частности усилением идеологической работы, ее большей направленностью, конкретностью.

Отчетный доклад Центрального Комитета партии съезду. Тов. Л. И. Брежнев говорил: **«Вся идеологическая работа должна быть тесно связана с жизнью, с практикой коммунистического строительства, без этого, как не раз подчеркивал В. И. Ленин, она превращается в политическую трескотню»**. И еще одно место из Отчетного доклада: **«Успех дела, товарищи, теперь во многом зависит от инициативы, деловитости и оперативности руководящих и инженерно-технических кадров, смелого подхода к решению сложных задач экономического развития...»**

Эти строки во многом определили содержание идеологической работы на нашем заводе.

Я уже несколько раз употребил выражение «наш завод». Пора представить его. Скоро ему исполнится пятнадцать лет. Мы делаем электронные вычислительные машины. Есть уже два поколения таких машин. Трудно найти сейчас сферу народнохозяйственной жизни, где бы вы не встретили наши «Минск-22», или «Минск-22м», или «Минск-23».

...Быть на уровне требований современности. Они отражают этап коммунистического строительства, который мы называем научно-технической революцией, требующей совершенно иного подхода к принципам хозяйствования. Теперь на первый план вышли качественные факторы экономического роста, проблемы повышения эффективности общественного производства путем его интенсификации. Пленумы ЦК КПСС, решения партии, речи Л. И. Брежнева в эти годы нацеливали всех нас на первоочередное решение именно этих задач.

...Я собираюсь говорить об этом со своими друзьями, слушателями семинара. И снова обращаюсь к выступлениям Л. И. Брежнева. **«Основной плацдарм борьбы советского народа за победу коммунизма — это экономика, создание материально-технической базы коммунизма. От того, как мы будем развивать народное хозяйство, в решающей мере зависят и темпы движения вперед советского общества, и ход соревнования двух мировых систем, и наш вклад в развитие мирового революционного процесса»**.

...Вспоминаю, как долго я готовился к разговору на одну из самых главных тем семинара — «Ускорение темпов роста производительности труда — важный фактор повышения эффективности производства». Долго искал исходную позицию. Мне хотелось, чтобы она была современна, связана с пятилеткой. Перелистал двухтомник. Доклад Л. И. Брежнева о пятидесятилетии Октября. Выписал строки: **«...задача состоит в том, чтобы помочь каждому члену общества лучше определить свое место, свою роль в процессе коммунистического строительства, такое место, на котором его талант, его способности дали бы наибольший результат»**.

Мне думалось, что это и есть исходная позиция. И я не ошибся.

Разговор на семинаре сразу принял целенаправленный характер, хотя отнюдь не походил на обычное производственное совещание. Мастер Николай Егорович Белый, возглавляющий станочный участок цеха, рассказал сперва об истоках и стимулах интенсификации труда в странах социализма и противопоставил им картину капиталистического индустриального мира. Затем мастер повел разговор о положении дел в цехе. Тут уж ему и карты в руки. Пример за примером: как часто производительность труда станочников зависит от усилий и добросовестности других рабочих, на других участках производства!

...Я внимательно слежу за беседой, направляю ее. Меня радует, что рамки разговора все расширяются.

Занятие семинара закончилось несколько неожиданно: пришли к решению составить перспективный график технического переоснащения цеха, а предварительно подготовить записку руководителям завода, изложить предложения, касающиеся улучшения условий труда, обеспечения ритмичности работы цеха, обоснованности планирования.

Слушаю, как спорят мои друзья, и думаю: а не увлекаемся ли мы обсуждением чисто практических, не имеющих прямого отношения к теории вопросов? И ответил себе: «Ведь все это идет от жизни, производственники постигают теорию и тут же ищут возможности применить ее на практике». Правильная форма! Это и есть в какой-то мере постижение тех экономических целей, которые Л. И. Брежнев сформулировал на встрече с избирателями Бауманского района Москвы в июне 1966 года: **«...Всемерное повышение эффективности общественного производства, максимальное использование богатейших возможностей и преимуществ социалистического строя»**. И задача пропагандистов — воспитать в каждом советском человеке чувство хозяина производства, болеющего, отвечающего не только за дело, порученное тебе лично, но и всему коллективу.

...На семинаре каждому из нас, о чем бы ни шел разговор, часто приходится соразмерять: пятилетка и ты, твои свершения, твои успехи, те рубежи, что остались позади.

Вот Владимир Иванович Перович. Начинал на заводе слесарем, потом стал мастером, вырос в хорошего начальника цеха. Меня как пропагандиста радует его вдумчивое отношение к изучению марксистско-ленинской теории, его стремление все постичь, и не просто постичь, а тут же «переплавить» постигнутое в полезные дела.

Внимательно наблюдаю за Виктором Иосифовичем Кондратовичем. Он тоже пришел рабочим, а сейчас — механик корпуса. В первом цехе в основном работают автоматы. Возьмется Кондратович ремонтировать автомат, разберет его и непременно найдет какой-нибудь узел, деталь, которую можно улучшить, усовершенствовать. Как-то я поинтересовался рационализаторским счетом Кондратовича — 39 его предложений внедрено в производство.

Подумаю я о таких людях, как мои товарищи по семинару, и вспоминаю слова, прочитанные в сборнике «Ленинским курсом», очень точные и меткие. Слова о том, что величайшим завоеванием социализма является уверенность каждого советского человека: его работа, его способности и энергия всегда найдут достойное применение и оценку.

И эта уверенность членов большого заводского коллектива дала свои прекрасные плоды. В поисках, в дерзании, в смелых решениях прошли для нас минувшие пять лет. Завод двигался вперед непроторенной дорогой — не дано было нам готовых рецептов.

К 1 сентября 1970 года по всем показателям завод выполнил пятилетний план. За годы пятилетки реализация продукции увеличилась в 6,5 раза. Не за счет увеличения числа рабочих, а интенсификации производственных процессов, роста производительности труда. За создание семейства машин типа «Минск» и внедрение их в серийное производство группа наших работников была удостоена Государственной премии СССР за 1970 год.

Мы готовы к выполнению новой пятилетки. Знаем главные свои рубежи, знаем, как к ним двигаться, знаем о трудном рубеже — подготовка к серийному выпуску электронных вычислительных машин третьего поколения на интегральных схемах.

А политическое просвещение... Тут тоже свои поиски, эксперименты. И глубокий смысл их сводится к одному: идейно закалять творцов новой пятилетки. А чтобы творить новое, нужно глубоко осмыслить все свершенное.

...На праздновании 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина товарищ Л. И. Брежнев говорил: **«Более чем полувековой опыт социалистического хозяйствования убедительно подтверждает, что руководство экономикой представляет собой, пожалуй, самую сложную и самую творческую задачу из всех, которые встают после революции»**.

Восьмая пятилетка прибавила нам опыта в решении этой задачи. Значит, дальше идти нам еще увереннее, еще смелее.

НАСЛЕДНИКИ КОРИЧНЕВОЙ ЧУМЫ

Владимир **КАТИН**

Коричневые форменные рубашки, какие некогда носили гитлеровские молодчики, сейчас можно увидеть лишь на восковых манекенах фашистских главарей в музее мадам Тюссо в Лондоне. Однако покрой нацистской униформы пришелся по душе новоявленному «фюреру» так называемой «лиги защиты евреев» и одурманенным наркотиками сионистской пропаганды юнцам в Соединенных Штатах. Напялив на себя голубоватые рубахи, сшитые по этому покрою, и пройдя дрессировку, погромщики взялись за работу — бить окна и нападать на советские учреждения в США, оскорблять наших сотрудников, совершать налеты на редакции прогрессивных американских изданий, избивать негров. Кривая безобразий, чинимых сионистскими бандами, круто идет вверх. Недавно распоясавшиеся молодчики на концерте советского скрипача Леонида Когана взорвали в зале бомбу, начиненную аммиаком. Американская полиция, жестоко подавляющая протесты рабочих, негров, студентов, тут оказалась «бессильной» против кучки сионистских гангстеров.

Объяснимо ли, что с этой террористической группой не может якобы сладить многотысячный полицейский аппарат? Объяснимо, и парадокса тут нет. Пресловутая «лига» не иголка в сене. Организация рекламирует себя, предает свои «подвиги» широкой огласке как в США, так и в Израиле. Получается, что «лига» пользуется у правительства США чуть ли не статусом неприкосновенности.

Кому и зачем нужна эта банда? Общеизвестно, что в Соединенных Штатах есть влиятельные силы, в том числе и в правительственных органах, яростно выступающие против Советского Союза, люто ненавидящие наш строй. Эти реакционнейшие элементы американского общества — заклятые враги мирного сосуществования государств с разными политическими системами, враги любой формы советско-американского сотрудничества, даже в области культурного обмена. Поэтому кредо предводителя «лиги» сионистов — «затруднять деятельность советских официальных лиц» было встречено в реакционных кругах США с пониманием, а вандализм — санкционирован. Вот тут-то оголтелое сионистское отребье и показало, на что оно способно. Газеты многих стран обошла фотография взорванной террористами стены здания, где размещаются наши представительства «Интуриста» и «Аэрофлота» в Нью-Йорке. Когда советский представитель в ООН заявил на пресс-конференции, что подобные инциденты ставят под угрозу советско-американские отношения, то кое-кому в Соединенных Штатах такая перспектива, очевидно, пришлась по сердцу... Трагично, когда великая держава превращает хулиганство в дело политики.

Дактилоскопические отпечатки тех же самых рук отчетливо видны и на военно-стратегических планах израильских экспансионистов. Давно и хорошо известно, что планы вероломного нападения на арабские страны составлялись при участии США, визировались в Вашингтоне. Внешняя политика государства есть продолжение его внутренней политики. Сохранение огнеопасной, чреватой взрывом ситуации на Ближнем Востоке и создание ненормальной, нервозной обстановки для деятельности советских учреждений в США — это, по сути, продолжение глобального курса на повсеместное нагнетание напряженности. Масштабы, конечно, разные, но приемы тождественны — провокации с использованием сионистов. Тот же источник субсидирований — американская казна, та же валюта — доллар.

Между столицами США и Израиля отработана синхронность провокационных акций: когда израильская военщина совершает нападения на арабские государства, в Соединенных Штатах сионистская шайка поднимает гвалт о мнимом преследовании евреев в СССР. Трюк задуман с таким расчетом, чтобы как-то амортизировать внимание мировой общественности, отвлечь ее от израильской агрессии на Ближнем Востоке. Тривиальные замашки уголовного мира! Один создает шумиху, отвлекая публику, а другой — грабит. Очередная инсценировка была проведена совсем недавно: в США по сигналу был устроен и раздут на весь мир сионистский шабаш в «защиту» советских евреев, а тем временем израильтяне совершили налет на Ливан, бомбили мирное население.

Советским людям странно и дико слышать, что граждан еврейской национальности, проживающих в нашей многонациональной стране, берутся от кого-то «защищать» фашиствующие сионисты в США. Тысячи писем, полных возмущения, негодования, присылают в редакции газет и на радио советские граждане самых разных национальностей. Изобретенный алхимиками сионизма «еврейский вопрос в СССР» рассчитан на несведущего обывателя в капиталистических странах как антикоммунистический пропагандистский прием.

Нападение на арабские страны, оккупация исконных земель арабов привели к серьезной изоляции Израиля на международной арене. В ООН сейчас практически только США поддерживают агрессора, значительно сократилось экономическое и торговое сотрудничество Израиля с внешним миром. Остракизм в мировом масштабе, которому по заслугам подвергается израильское государство, озадачивает его руководителей. Ведь в наше время ни один народ не может жить сам по себе, в отрыве от других народов. Но вместо того, чтобы наконец отбросить политику военного авантюризма и пойти на установление на Ближнем Востоке прочного и справедливого мира, реальные основы которого определены в известной резолюции Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 года, израильское правительство нагромождает преграды каверзных условий, плетет паутину антисоветской лжи.

Все это скручено в единый клубок центром международного сионизма — одного из штурмовых отрядов империализма, сменившего коричневую униформу на голубоватую, а свастику — на шестиконечную «звезду Давида».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Владимир **БОЛЬШАКОВ**

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

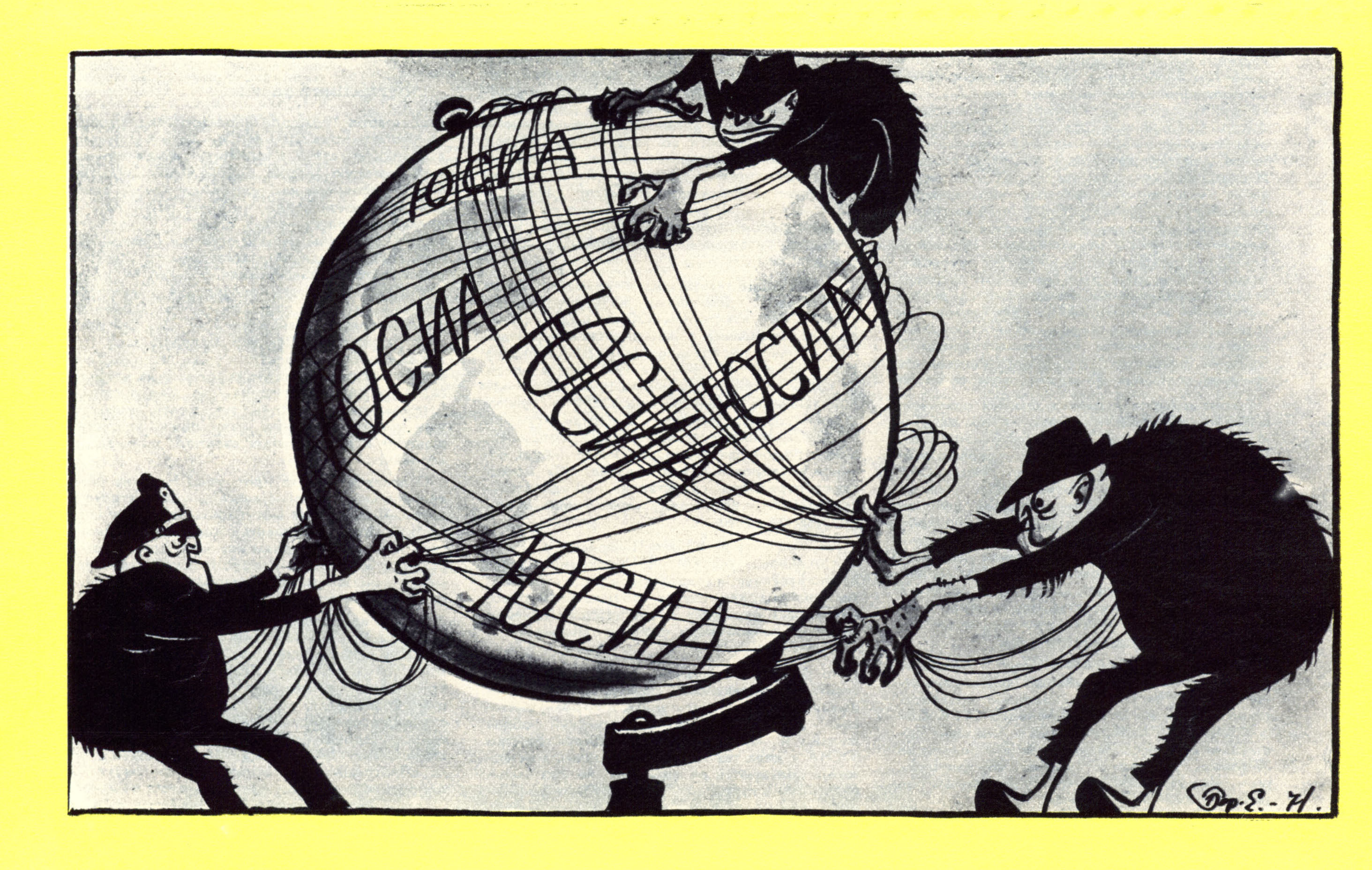
Публичные скандалы не редкость в американской столице. То проворуется какой-либо высокопоставленный конгрессмен, то просочится в печать не предназначавшаяся для нее информация. И все-таки даже привычные ко всему американцы были поражены, когда корреспондент «Вашингтон пост» Чалмерс М. Робертс сообщил 29 октября прошлого года со ссылкой на правительственный источник следующее: руководитель Информационного агентства США (ЮСИА) недавно предложил президенту Никсону прекратить переговоры с Советским Союзом об ограничении стратегических вооружений. Было указано также, что директор ЮСИА Фрэнк Шекспир в письменном меморандуме президенту Никсону предложил, чтобы США подумали о разрыве дипломатических отношений с Москвой.

Такого, как отмечал сам Робертс, не бывало даже в самые худшие годы «холодной войны».

Робертс вспомнил этот термин из политического словаря послевоенных лет не без умысла: о «холодной войне» явно затосковали в большом пятиугольном холодильнике, именуемом Пентагоном,— мороз шел по коже, когда под стенами Капитолия, где заседает конгресс США, выступали такие ястребы, как сенатор Г. Джексон. Даже люди из ближайшего окружения президента стали выступать с такими речами и интервью, от которых веяло замогильным холодом даллесовской политики «с позиции силы».

В те дни, когда Робертс писал свою статью для «Вашингтон пост», на первых полосах американских газет под леденящими душу заголовками публиковались «достоверные, поступившие из официальных источников» сведения о «строительстве на Кубе базы для советских подводных лодок». Эти «достоверные данные» оказались на поверку обыкновенным пропагандистским блефом, и слухи о «базе» после опубликования Заявления ТАСС вынуждены были опровергнуть даже представители госдепартамента США. Но старый принцип «черной пропаганды» сработал: ложь, навязанную людям прежде, чем до них дойдет правда,

выбить из их сознания почти невозможно. Американского обывателя застращали пугалом «красной опасности» прежде, чем он понял, что никакой опасности нет. Когда же до него дошло, что его надули,— было уже поздно: незадолго до нового года конгресс отштамповал новые законопроекты о новых ассигнованиях на дальнейшую гонку вооружений и помощь тель-авивским и сайгонским марионеткам, урезав и без того скудные фонды на помощь беднякам.

Анализируя события последних месяцев 1970 года, многие американцы задумывались над тем, как далеко может завести Соединенные Штаты эта «война слов», направляемая таким рьяным антикоммунистом, как нынешний директор ЮСИА Фрэнк Шекспир. Ведь даже опровергая сообщение Робертса в «Вашингтон пост», Шекспир не удержался от клеветнических выпадов в адрес нашей страны и вновь заявил, что он сторонник «твердой линии в отношении коммунистов». Такая твердолобость шефа информационного ведомства США, который запросто вхож к президенту и регулярно поставляет ему письменные и устные рекомендации, не может не настораживать. Самостоятельность ЮСИА, нежелание ее руководства считаться даже с государственным департаментом вызвали у американцев законный вопрос: насколько и кем контролируется деятельность органа, призванного «объяснять и интерпретировать за границей цели и политику правительства США»? (Именно эти слова записаны в «статуте ЮСИА», который недвусмысленно определяет роль этой **правительственной** организации как официального рупора **правительства США.**) Так насколько же «официальна» та «безответственность», с которой ЮСИА и ее радиорупор «Голос Америки» распространяют по всему миру антикоммунистические выдумки и дурно пахнущие «сенсации»? Для того, чтобы понять это, необходимо вспомнить кое-что из истории и практики ЮСИА.

ВО ЛЬДАХ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

ЮСИА родилась во льдах «холодной войны», в ступе бесноватого «охотника за ведьмами» сенатора Джозефа Маккарти. В 1950 году, с которого начался в США отсчет эры маккартизма, антикоммунистическая истерия стала весьма модной формой публичного сумасшествия американских политиков.

В том же году будущий президент Дуайт Эйзенхауэр предложил разработать «идеологический план Маршалла». Помимо свиной тушенки, он предложил экспортировать еще и антикоммунизм. Экспорт должен был идти в обход границ и таможен — через эфир.

Став президентом, Эйзенхауэр поручил трем ведомствам разработать программу идеологической войны: государственному департаменту, Пентагону и Центральному разведывательному управлению США (ЦРУ). Это были крестные отцы ЮСИА, которая окончательно

ТИНА ЮСИА

оформилась организационно к 1 августа 1953 года.

С тех пор прошло 17 с лишним лет. Штаб-квартира ЮСИА находится в Вашингтоне, неподалеку от Белого дома. На Индепенденс-авеню расположено здание «Голоса Америки». Там сейчас трудятся над лакировкой рекламного фасада Соединенных Штатов свыше 1000 человек. Всего же в ЮСИА около 13 тысяч сотрудников, действующих более чем в 100 странах. Инструкции, финансовые средства и оборудование зарубежные «информационные центры» получают из вашингтонской штаб-квартиры. Оттуда же регулярно наведываются инспектора для проверки и рекомендаций. Непосредственно их деятельностью на местах руководит посол США в той стране, где центр аккредитован. Сотрудники ЮСИА пользуются дипломатическим иммунитетом, но одновременно — гораздо большей самостоятельностью, чем работники посольства. И большей зарплатой. Средний заработок сотрудника агентства за границей составляет 23 тысячи долларов в год!

Состав центров в разных странах различен. В Южном Вьетнаме, к примеру, в нем работают 160 американцев и 500 южновьетнамцев. Такой ударный отряд необходим в первую очередь Пентагону и госдепартаменту. Ибо ЮСИА в Южном Вьетнаме поручена роль уже не просто лакировщиков неприглядной действительности «грязной войны», но и «банщиков». Расписывая «миротворческие» усилия американских карателей, ЮСИА всячески старается представить пентагоновские «зондеркоманды» вроде той, что учинила кровавую расправу в общине Сонгми, в качестве миссионеров американского образа жизни, пропагандистов цивилизации, демократии и свободы.

Радиорупор ЮСИА — «Голос Америки» использует более 100 мощных радиопередатчиков, в том числе 28 радиостанций круглосуточно вещают на 21 языке народов СССР. Общий же объем передач «Голоса Америки» составляет 850 часов радиовещания в неделю на 38 языках. Достаточно сравнить эти две цифры — 38 и 21, чтобы понять, куда главным образом направлено радиожало ЮСИА.

Помимо прямого выхода в эфир, ЮСИА снабжает радиовещательные и телевизионные станции почти всех капиталистических стран специальной информацией, тележурналами, кинохроникой, статьями и очерками, рекламирующими США как страну «подлинной демократии».

Еженедельно из штаб-квартиры ЮСИА уходят за границу записи радиопередач, рассчитанные на 13 тысяч часов вещания,— это в 16 раз больше, чем продолжительность передач самого «Голоса Америки».

Но и это не все. Телепрограммы ЮСИА передают более 5 тысяч телевизионных станций капиталистических стран Азии, Африки, Латинской Америки и Европы. Только в Латинской Америке продолжительность телепередач, подготовленных ЮСИА, составляет 7 тысяч часов в год!

«ЦЕЛЕВАЯ» АУДИТОРИЯ

Наивно думать, что весь этот массовый поток пропаганды предназначен лишь для утоления «жажды познания» американской цивилизации.

Как пишет в своей книге «Война слов: история американской пропаганды» Томас С. Соренсен, 10 лет проработавший сотрудником ЮСИА за рубежом в Бейруте, Багдаде и Каире, а затем три года на посту заместителя директора ЮСИА, информация эта распространяется прежде всего в расчете на определенную, или, как говорят в ЮСИА, «целевую» аудиторию.

«В большинстве стран,— откровенничает Соренсен,— целевая аудитория включает влиятельных представителей политических и экономических кругов,— не только тех, кто определяет политику, но и тех, кто может оказать влияние на людей, определяющих политику».

В молодых развивающихся странах, особенно там, где был избран некапиталистический путь развития, центры ЮСИА, по словам Соренсена, особое внимание уделяют «потенциальным заговорщикам»: владельцам предприятий, редакторам и журналистам массовой печати, лидерам национальных меньшинств, руководителям общественных организаций и, в частности, профсоюзов. «Почти во всех странах ЮСИА пытается оказать давление на тех, кто хочет и имеет возможность помешать своему правительству,— пишет Соренсен,— сотрудничать с Соединенными Штатами». Особенно пристально «пестуют» сотрудники ЮСИА местных журналистов, навязывая им проамериканскую ориентацию.

Такого рода «активность» нередко прямо смыкается с действиями разведывательных служб США, к которым ЮСИА имеет самое прямое отношение с момента своего рождения. «Тайная передача фондов ЦРУ,— писала газета «Нью-Йорк таймс» в 1966 году в одной из серии статей, посвященных связи ЦРУ с общественными организациями США и других стран,— государственному департаменту или Информационному агентству США, например, может помочь финансировать какое-нибудь научное исследование или издание. ЦРУ может также передавать средства на исследовательские работы и пропаганду через законные или подставные «фонды».

Так, при участии ЮСИА Центральное разведывательное управление проводило «социологические» исследования в ряде стран Латинской Америки, изучая «возможности революционных перемен» в соответствии с нашумевшими шпионскими планами «Камелот» и «Джоб-430».

Не раз ЮСИА ловили за руку вместе с агентами американской разведки, прикрывавшихся вывесками «культурных центров», выставок, рекламирующих американский образ жизни, и «Корпуса мира». Вмешательство ЮСИА в дела тех стран, гостеприимством которых пользуются ее «центры», не раз вызывало резкие протесты. 29 мая 1969 года министерство иностранных дел Индии отклонило просьбу посольства США об открытии отделения информационной службы США в административном центре штата Орисса Бхубанешваре. Это решение было принято после того, как индийской общественности стало известно, что под ширмой ЮСИА действуют матерые шпионы — агенты ЦРУ.

Особую роль в деятельности зарубежных информационных центров ЮСИА играют библиотеки, число которых достигло сейчас 223 в 84 странах. Практически это своего рода клубы с широкой программой пропагандистских мероприятий. В такой «библиотеке» можно получить бесплатную книгу, посмотреть фильм, выставку, концерт. Но подбор литературы на книжных полках этих библиотек полностью соответствует тем целям, которые перед собой ставит ЮСИА в глобальном масштабе. С приходом Фрэнка Шекспира на пост директора ЮСИА из зарубежных библиотек агентства начали изымать книги всех «либеральных» авторов, критически освещающих тот или иной аспект внутренней жизни США. Вместо этой «крамолы» в центры ЮСИА срочно доставили тюки с «произведениями» таких ультраправых авторов, как редактор махрового нью-йоркского еженедельника «Нэшнл ревью» Уильям Баккли и Барри Голдуотер. Распространяется вся эта макулатура, как правило, бесплатно. На издание американской литературы за рубежом на английском и местных языках ЮСИА получает 100 миллионов долларов в год сверх бюджета. Организуются бесплатные просмотры американских кинобоевиков и кинохроники, концерты и выставки. Бесплатно выдаются на дом даже пластинки и магнитофонные записи. Притягательность такого рода «клубов» под американским флагом для жителей развивающихся стран, где нередко вообще нет никаких бесплатных культурных центров, трудно недооценить. Так, исподволь агенты ЮСИА ведут обработку местного населения, в первую очередь национальной интеллигенции, в проамериканском духе. Человек, попавший в паутину ЮСИА, теряет способность мыслить самостоятельно, начинает пропагандировать среди своих сограждан те идеи, которые навязывают ему «дипломаты-пропагандисты».

ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЭФИРЕ

27 ноября 1970 года директор Информационного агентства США ЮСИА Фрэнк Шекспир выступил в газете «Нью-Йорк таймс» со статьей, которую многие американские обозреватели расценили как программу нового этапа идеологической войны, которую ведет ЮСИА против социалистических стран и Советского Союза. Эта война была и остается главной целью, главной задачей возглавляемого Шекспиром агентства. «Бескровная борьба за влияние и предпочтение,— писал он в «Нью-Йорк таймс»,— быстро переносится из кабинетов дипломатических канцелярий на широкий простор радиоволн». Шекспир ратовал в этой статье за «свободный доступ к умам людей». Уповая на быстрое развитие современных средств связи, он пророчествовал, что Соединенным Штатам удастся достичь тех целей, которых уже нельзя достигнуть с помощью ядерного шантажа и вооруженных авантюр, с помощью «соревнования идей».

О каких же идеях идет речь? Никаких привлекательных гуманистических идей стратеги антикоммунизма не могут предложить человечеству. Противопоставить марксистско-ленинской идеологии и идеям научного коммунизма стратеги и практики идеологической войны не могут ничего, кроме антикоммунизма в той или иной его форме.

Нельзя не признать, что за последнее время радиостанция «Голос Америки» старается отказаться от твердолобого антикоммунизма времен «холодной войны». Все чаще она выступает поборником «гуманизации», «либерализации» социализма, выступая даже с позиции «заинтересованности», «дружеской обеспокоенности» событиями, происходящими в социалистических странах. Под убаюкивающие звуки «Программы для полуночников» звучат в эфире елейные рассуждения о свободе творчества и свободе предпринимательства в Соединенных Штатах, цитируются отрывки из антисоветских книжонок, изданных «свободными» западными издательствами.

Но вся эта тихая возня моментально сменяется пожарным радиоавралом, едва только в какой-либо из социалистических стран возникают трудности, на которых спекулируют притаившиеся здесь враждебные элементы.

Так было во время памятных событий в Венгрии в 1956 году. Так было в дни наступления антисоциалистических сил в Чехословакии. Совсем недавно «Голос Америки» поспешил в три раза увеличить объем своих передач на Польшу, Венгрию и Чехословакию. Заметим, что это было первым практическим подтверждением того, что программа широкого и развернутого идеологического наступления в эфире на социалистические страны, объявленная Фрэнком Шекспиром в «Нью-Йорк таймс», активно проводится в жизнь.

Цели ЮСИА ни у кого уже не вызывают сомнений. Витийствуя в эфире, бросая все новые и новые миллионы на перевооружение своих уже не раз битых пропагандистских легионов, Информационное агентство США пытается любыми путями дискредитировать теорию и практику социализма. В ход идет все — ложь, клевета, дезинформация, искусные комбинации «маленькой правды» с «большой ложью». Противник действует по всем правилам искусства диверсантов. Нельзя закрывать глаза на тот урон, который они все-таки приносят. Несомненно, что в паутину, раскинутую ЮСИА, время от времени попадают доверчивые «мухи», ослепленные рекламной мишурой американского образа жизни. Но стратегия радиодиверсий и идеологической войны с социализмом во всех ее формах обречена на провал так же, как обречена стратегия с позиции силы, с треском провалившаяся в том же Индокитае. Ни большой, ни малой ложью нельзя одолеть великую правду коммунизма. И сколько бы ни копошились высокооплачиваемые пауки ЮСИА, рано или поздно вместе с паутиной их выбросят на свалку.

КОММУНИСТЫ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

А. СТАРКОВ

ВЕЧЕРА С МОРЯКОВЫМ

Вечер третий...

...и немножко утра.

Накануне, уходя, Евгений Николаевич сказал мне, что завтра, возможно, он будет в первой половине дня на простое. В цехе переставляют часть оборудования, чтобы высвободить площадь для двух новых токарных автоматов. Его, моряковский, станок уже передвинут на другое место, фундамент зацементирован, но вряд ли просохнет за ночь, работать придется скорее всего только после обеда.

— Воспользуюсь моментом, займусь с утра партийным хозяйством. Протоколы надо привести в порядок.

— А может быть, и для меня выкроите «окошко»?

И мы договорились встретиться в цехе в десять, если фундамент не остынет к тому времени. Мысленно я пожелал ему, фундаменту, сохнуть подольше.

В десять мы стояли с Моряковым у тех автоматов. Оба в наладке, один почти отлажен, включен. Выстрелил у меня на глазах длинную очередь гаек, которые сыпались в глубокий поднос, мигом его наполнив.

— Шесть шпинделей! Шесть операций одновременно...

— Освобождение теперь токарям?

— На потоке, на массовых деталях, таких, как вот эти гайки, оси и прочее,— полная замена. И до третьего класса точности. Мы их долго ждали, автоматы, заждались. Разрыв получался, «ножницы» между тем, что делали и какими средствами. Наисовременнейшую технику даем стройкам. Пневмотранспортные машины, которые, выгружая цемент из вагонов, подают его на расстояние в двести метров и в высоту на тридцать. Машины, режущие, гнущие и напрягающие арматуру. Слышали о напряженном железобетоне? Без наших станков его не получишь. А электротермические аппараты, закаляющие ту же арматуру... Стройки, значит, механизируем, а сами — каждую гаечку в отдельности, как в артели. И руками классных токарей, которым микроны подвластны, а они стружку вынуждены сдирать, резать фаски... Ну, не скажешь, что завод совсем уж не меняется, не молодеет в смысле техники. Перевооружение идет, новое оборудование получаем. За двенадцать лет, что я здесь, цехи заметно переоснастились. И процесс этот продолжается. Но не теми темпами, как хотелось бы, как требует номенклатура, которую нам все усложняют и расширяют. Кончики «ножниц» самую чуть сблизились, щель еще велика. Говорим об этом на партийных собраниях. Можете посмотреть протоколы. В майском увидите: специальный вопрос о модернизации станочного парка, о токарных автоматах в частности. О них писали в министерство: когда будут? Ответ по смыслу такой: есть соответствующий план, у нас не один ваш завод, ждите очереди, все, что полагается, получите. Запрос и ответ официальные — через заводскую и министерскую канцелярии... Кто-то на собрании предложил еще раз написать об автоматах. И чтобы я написал. Как секретарь партбюро. Личное письмо министру Новоселову Ефиму Степановичу, поскольку мы с ним знакомы: я выступал не единожды на министерских партийно-хозяйственных активах, на совещаниях. Пункт о письме включили в решение собрания. И, выполняя его, я написал министру о создавшемся на заводе положении, о «ножницах», о сверхнужде нашей в автоматах. Письмо — обычной почтой, не через канцелярию. Пришел ответ. Тяжелый, объемистый ответ. В десяти ящиках. Два автомата...

Из механического мы прошли с Моряковым в школьный цех. Числится он скромно участком, а в сущности цех — и по занимаемой площади в отдельном помещении, и по числу станков, ну, и по значимости для завода. А школьный потому, что школьный: работают ученики старших классов близлежащих школ —357-й, 376-й и 510-й. Не на месячной, как обычно, практике, а постоянно, до окончания школы, по скользящему графику: 200 человек примерно, по два часа каждый два раза в неделю, в месяц шестнадцать трудовых часов. А кто захочет и окончив школу — пожалуйста, с превеликой радостью зачислят в штатные токари или фрезеровщики. Благо, у большинства будет уже третий, а у кого, глядишь, и четвертый разряд.

Мы пришли неудачно, в неурочный час. В час, когда не было урока, а урок здесь работа, «работа,— как сказано в словаре,— заданная для выполнения в определенный срок». Урока не было, и класс, нет, цех пустовал.

— Сегодня что, вторник? По вторникам ребята после обеда заступают.

Цех как цех. Станки. И все-таки это класс. Станки взамен парт. И учительский стол стоит на том же месте, как в классе: мастеру, сидящему за ним, виден весь фронт станков. На передней стенке вместо черной классной доски — разноцветные плакаты. Про технику безопасности. Правила поведения. Некоторые в стихах:

Болтовня — растрата рабочих
часов.
В рабочее время язык на засов.

Наверно, тут это наиболее актуальная проблема. Хотя сдельщина! Особенно не поболтаешь, коль хочешь заработать...

— Школьные участки ввели в свое время многие заводы. Но редко где они сохранились. Хлопотное дело. Глаз да глаз нужен за парнишкой, стоящим у станка. Не дай бог травма. Если со взрослым что случится — горе. А представляете, со школьником... И вообще всякие тонкости с ребятами, народ это чувствительный. Их не проведешь. Сразу разберутся, сыны они заводу или пасынки. Работа тут или игра в работу. У нас они участвуют в выполнении плана и знают это. Продукция участка включена в общезаводскую программу с немалой долей в ней. Когда летом нет школьников, это весьма ощутимо для нас... В день получки вы увидите мальчишек возле кассы. Невелик заработок: 7—8 рублей. А свои рублики-то, приятно, не у отца с матерью выканюченные на киношку, на мороженое... Приходит как-то ко мне родитель. Военный, полковник. Жена, видать, запустила его на орбиту, чтобы шел на завод сына спасать. Ребенок у них поздний, болезненный, нельзя ему, понимаете, у станка. А он, гордая душа, сказал, что из дома уйдет, если ему не позволят работать вместе со всеми. Разрешили и терзаются: приходя со смены, словно убитый засыпает от усталости, как бы головокружений не было. «Так это ж,— говорю,— самая хорошая усталость, от нее в голове только чище будет. Пойдемте взглянем на вашего бедного отпрыска, жив ли». Пришли сюда, стали незаметно в сторонке. Полковник видел сына со спины, но и по спине было видно, с каким удовольствием точил что-то токаришка. «Ну что ж,— говорю,— забирайте». «Пусть мать сама забирает...»— сказал полковник.

Моряков пригласил меня пообедать. Но до столовой мы так и не дошли. Во-первых, заглянули в котельную.

— На минутку...— сказал Моряков.— Новая у нас котельная. Была маленькая, на угле. Тепла не хватало. Вечный вопрос на всех собраниях: в цехах холодно, душевые еле дышат... Решили сами строить, хозяйственным способом. Поставили мощные котлы... Иван Николаевич, когда пускаешь?

Это он бригадира паропроводчиков подозвал, Хлебникова.

— Все готово! Мазут подаем.

— А баки где?— спросил я.

— Под землей. Видите, какая территория — не развернешься. Да еще часть сборки прямо во дворе. Где уж тут с баками? Пришлось в землю уходить. И невольно стали археологами. Обнаружили под заводом старинные трубы, а в них — речка.

— Лиговка,— сказал Хлебников.— По ней и названа наша улица... Берет начало где-то у Лигова. Бежит открытым способом, а возле «Скорохода» упрятали в трубы. Уложены очень давно, течь дают. И Лиговка заливала нам коммуникации для котельной. Долго возились с дренажем... Я интересовался, куда она девается, эта речка, порасспрашивал знатоков. Далеко бежит. Знаете, пруд красивый в Летнем саду? Вода в нем из Лиговки...

Поблагодарив бригадира за любопытные сведения, мы двинулись дальше, в столовую. Но были перехвачены начальником отдела кадров.

— Евгений Николаевич, ищу вас. Мы у себя такое нашли! Прошу к нам.

— Не помешаю?— спросил я.

— Журналист,— представил меня Моряков.

— О, пусть и товарищ журналист увидит.

У себя в комнате кадровик открыл несгораемый ящик, вынул два каких-то журнала вроде бухгалтерских книг.

— Старые документы сдаем в архив. Сейчас подбираем за пятидесятые годы. А эти вот за сороковые. Видно, кто-то отложил, приберег.

На обложке одного наклейка: «Книга уволенных в 1939, 1940 и 1941 гг.» На другом: «Книга уволенных. Начата 1.01.42».

Страницы разграфлены, восемь клеток в ряд: фамилия, имя и отчество; год рождения; адрес; место работы; должность; время приема на завод; время увольнения; причина.

Линии сперва четкие, хотя и карандашом, с нажимом, прямые. Потом пошли слабее, слабее, совсем слабенькие, едва проступающие, волнистые. Рука хотела вывести поровнее, вдоль линейки, но и линейка сползала, и карандаш спотыкался. Во второй половине сорок второго линии стали выпрямляться, карандаш крепнуть...

Пролистываем начальные страницы, не задерживаясь на них. В графе «причина увольнения» мелькает: по собственному желанию... по собственному желанию... за прогул... поступление в институт... по собственному желанию...

И сразу столбец за столбцом: по мобилизации... по мобилизации... по мобилизации... Первая такая запись — 23.VI.41. Александров Я. Е., электросварщик. Первый взятый с завода на войну... И первый доброволец, ополченец: Клецко Т. О., слесарь. 14.VII.41. И опять столбец за столбцом: в народное ополчение... в народное ополчение... в народное ополчение...

Теперь уже вчитываемся в каждую запись, в каждую строчку.

Прохоров А. Г.; 1896; Международный, 130, к. 172; 1-й цех; сварщик; 23.XI.41; 28.XI. 41...

Козлов М. И.; 1923; Ораниенбаумская, 13, к. 24; охрана; пожарник; 14.XI.41; 28.XI.41...

А в последней графе пометка наискосок, одна на двоих, как про одного человека: «Убит снарядом на производстве». И тоже, наверно, одним на двоих. Сорокапятилетний рабочий и парнишка восемнадцати лет. Как отец и сын.

Все медленнее, все труднее листаем мы страницы. Они будто гранитной тяжестью налились. И

Окончание. См. № 4.

перелистывать их — как надгробные плиты поднимать. На протяжении всей долгой зимы единственная «причина увольнения»:

...механик... смерть.
...строгальщик... смерть.
...шофер... смерть.
...плотник... смерть.
...начальник цеха... смерть.
...конструктор... смерть.
...кузнец... смерть.

Страшные в своей беспощадной одинаковости записи, строка за строкой, и нет, кажется, конца этому блокадному реестру смерти.

Две последние печальные записи — 9 октября 1943 года.

Лужкова Е. И.; 1896; Международный, 71 к. 30... подсобница... убита вражеским артснарядом.

Гашева В. И.; 1923; 7-я Красноармейская, 6/8, к. 387... сверловщица... убита вражеским артснарядом.

Тот же возраст, что у Прохорова с Козловым. Как мать с дочерью.

Молчим. Долго молчим не в силах преодолеть оцепенения, хотя ни у кого из нас нет в этом списке ни одной знакомой фамилии.

— Евгений Николаевич,— прервал наконец молчание кадровик.— Что делать с книгами? В архив?

— В архив?.. Не знаю... Нет, подождите сдавать в архив... Мы вот что сделаем. Мы сфотографируем каждую страницу в отдельности, увеличим. И под стекло, в красный уголок. Надо, чтобы все знали имена павших... Мемориальную доску установим у входа в завод... Дайте мне журналы на вечер. Тут адреса. Попрошу Михал Михалыча, пусть пройдут его следопыты по этим адресам, пусть разведают все, что можно еще узнать об этих людях. Может быть, остались родные...

Вечером мы поехали с Моряковым к Михаилу Михайловичу Маторину на улицу Гастелло, в детский клуб «Ленинские Искры». Евгений Николаевич объяснил мне, что есть такая газета пионерская в Ленинграде, ребята любят ее и решили по ней назвать свой клуб. Я сказал, что мне приятно слышать такое, поскольку имею некоторое отношение к «Искоркам»: был когда-то деткором этой газеты, а потом и сотрудником... Я знавал в те времена Мишу Маторина, одного из питерских комсомольцев двадцатых годов, которые по заданию своих ячеек создавали первые в городе отряды пионеров. Тот, кто давал им такое поручение — быть вожатым,— в большинстве случаев безошибочно определял выбор. Эти рабочие пареньки с окраин, не шибко ученые, не говоря уж о какой-то специальной подготовке, тем не менее обладали неподдельным педагогическим талантом, воспитательским чутьем, открывавшими им доступ к ребячьим сердцам. И кем бы ни становились они впоследствии — инженерами, дипломатами, писателями, партийными работниками,— так и оставались навсегда вожатыми: по главному своему пристрастию в жизни.

Вожатым оставался Сережа Марго с Выборгской стороны. Отстраненный несправедливо от любимого дела, он не снимал с груди красного галстука, что могло показаться демонстрацией какой-то, а было естественным, органичным движением души. И даже, говорят, уходя на войну, с пионерским галстуком не расстался, упрятав его под солдатской гимнастеркой. Не вернувшись с фронта, он не покинул Выборгской стороны: есть здесь улица Сергея Марго, улица вожатого, на которой живут его бывшие пионеры, дети его бывших пионеров и их внуки уже.

Вожатым оставался всю жизнь и недавно умерший в Москве Николай Николаевич Данилов, редактировавший «Комсомольскую правду», работавший секретарем Московского горкома партии, заместителем министра культуры СССР, а для нас, знавших его в молодости, просто Колька Данилов с фабрики «Красное Знамя», сколачивавший при этой фабрике самую первую в Ленинграде пионерскую дружину, на память о которой одна из улиц Петроградской стороны названа Пионерской.

Остался вот вожатым и Миша Маторин в нынешние свои шестьдесят с лишним, из которых треть примерно он провел на Колыме сначала рабочим в геологических партиях, а затем, с середины пятидесятых годов, директорствуя в школах-интернатах на золотых приисках. Вышел на пенсию, возвратился в родной город, где и пребывать бы ему спокойненько в качестве деда при внучке. Но какая может быть спокойная жизнь, если вокруг, в микрорайоне, столько ребятни и надо ее непременно как-то организовать во внешкольное время, а сделать это лучше всего с помощью детского клуба при жэке. По счастливому случаю, повстречался тут как раз Михал Михалычу человек, одержимый той же идеей, депутат Ленсовета по фамилии Моряков. Трудно сказать, кто кого нашел — Маторин Морякова или Моряков Маторина, в общем, нашли друг дружку, сошлись, сговорились и принялись пробивать этот свой замысел с ребячьим клубом. Пробивать с бурливой комсомольской энергией одного (которому за 60) и упрямым, методичным нажимом другого (которому 37), ввергая в цепную реакцию вокруг своей затеи множество людей, разные учреждения, вплоть до пожарной охраны. Кто способствовал, а кто... Ладно, не будем перемывать кое-кому косточки. Дело сделано: клуб открыт, существует полтора года, занимая часть этажа большого жилого дома, со зрительным залом, комнатами для кружков, игротекой и библиотекой и даже со своим кинотеатром в отдельном помещении. Директор кино — восьмиклассник Саша Кузнецов, и вся подчиненная ему обслуга — киномеханики, дежурные администраторы, кассирша, билетерши — мальчишки и девчонки. И первый художественный фильм, который здесь шел, назывался «Мальчишки», его достали еще до выхода на экран, по знакомству: главную роль в этой картине исполняет свой человек, Сережка Локтев.

— Симпатичнейший мальчуган из нашего клуба. А задумают фильм «Девчонки» — и для него подберем героиню...

Мы сидим с Маториным и Моряковым, принесшим блокадные журналы, в комнате, на двери которой табличка: «Штаб поисковой группы».

— Сорок следопытов — в разведке. Сейчас в разгаре операция «Ижора». Так кодировалось во время войны строительство дотов на оборонительных рубежах города. А дом, в котором мы с вами находимся, на самом, что называется, рубеже стоит. Средняя Рогатка, рукой подать до Пулкова. Вот земля оттуда.— Маторин показывает деревянный ящичек.— На Чукотку посылаем... На Пулковских высотах погиб чукча Вуковол, снайпер. Он был известный косторез, работы его в музеях. Учился перед войной в Академии художеств. Наши ребята нашли его товарищей по академии, по фронту. Записали их рассказы и отправили на родину художника. И вот посылаем вслед горстку земли с Пулкова, где он сражался. Пусть положат в фундамент Дворца пионеров, который строится на Чукотке... Но я отвлекся немного, я хотел про доты.

На лице у Евгения Николаевича тихая, чуть приметная улыбка. Расшифровать ее можно так: вот мне и передышка сегодня, вот мне и перекур...

— Про доты... Осенью 1941 года город ощетинился. Блокадному кольцу врага противостояло возведенное в короткий срок кольцо защитное. Броневой пояс вокруг Ленинграда... Сохранившиеся с той поры доты давно поросли травой, на их макушках детвора резвилась. И был страшный, знаете, случай. Девочки затеяли игру в прятки, одна забежала в такой вот брошенный дот, обрадовалась, что темно, что долго искать будут. А ее искали и не нашли, живой не нашли. Там воды набралось, как в глубоком колодце, и девчушка, видно, оступилась в темноте... Вот каким еще может быть военное эхо, не только притаившиеся мины да бомбы... Решено часть оставшихся дотов сберечь как памятники войны, маленькие музеи оборудовать. У нас два подшефных: № 39 и № 43, как записаны они в боевых реестрах. Первым делом нужно было привести в порядок, очистить от завалов, воду откачать. Ребята выходили после уроков на субботники, которыми были и понедельники, и вторники, и прочие дни недели. Работами руководил штаб ребячий — «Пионердотстрой». А затем начался поисковый этап операции «Ижора». Чтобы восстановить все, как было, следовало расспросить людей, строивших эти доты. Искали по всему городу, в других городах, разослав во все концы письма. И не знали, что под боком, в нашем же микрорайоне, Заводчиков проживает. Кто такой? Петр Алексеевич Заводчиков, полковник в отставке. В семнадцатом году прапорщиком перешел со своей ротой в Красную гвардию, и было это здесь, на Средней Рогатке. В девятнадцатом сражался на Пулковских высотах. А в сорок первом на Средней Рогатке стоял саперный батальон, которым он командовал. И теперь живет там, где воевал... Он сам пришел к нам в клуб, во все наши дела включился, в операцию «Ижора», очень помог. И ребята тоже помогли Петру Алексеичу. В батальоне у него была девичья команда, девушки-саперы, работавшие с собаками, проводники. Обученные ими четвероногие солдаты проникали со взрывчаткой во вражеские укрепления, под танки подползали... Рыскали по минным полям, вынюхивая мины лучше всяких магнитных щупов. В этом поиске не знал себе равных пес с традиционной кличкой Шарик. Поводырем у Шарика была Валя Корнеева. Погибла, разоружая мину с секретом. Заводчиков искал после войны, где она похоронена, могила затерялась. Следопытов наших попросил — разыскали! На старинном Чесменском военном кладбище, тут неподалеку. Сейчас ухожена, девочки из клуба следят, всегда живые цветы у надгробия, всегда свежий букет от Петра Алексеича, комбата... Но я, извините, опять отвлекся, я про доты хотел. Мы восстанавливаем их по чертежам и свидетельствам строителей. И живущих в Ленинграде и иногородних. Вот пачка писем от генерала Бычевского из Москвы, он был начальником инженерных войск Ленинградского фронта. Самый главный наш консультант... Дот — небольшая подземная крепость и, как всякая крепость, с гарнизоном. Ребята обнаружили в архиве списки гарнизонов «тридцать девятого» и «сорок третьего». Представляете, какая удача! Появилась возможность найти и самих людей, кто живой. И будет у каждого дота по два «гарнизона». Действующий, пионерский, составленный по штатному расписанию военного времени. И почетный, из старых бойцов, чьи портреты мы вывесим на стенках наших маленьких музеев. Ну как, неплохо задумано, Евгений Николаевич, как ты считаешь?

На лице у Морякова прежняя улыбка. Но я думаю, что ее можно истолковать уже более расширительно: он улыбается не потому только, что получил в этот вечер высвобождение... Когда мы вышли из клуба, Евгений Николаевич сказал:

— Человек-то какой наш Михал Михалыч, а?

Я проводил его до дому. Это поблизости, на Авиационной. Он пригласил зайти. Час был поздний, и мы условились, что я приду завтра вечером.

Вечер четвертый.
ДОМА У МОРЯКОВА

— ...Готовлюсь к отчетно-выборному. В восьмой раз. Нет, в седьмой. К первому-то я не готовился: пришел на собрание — выбрали в бюро. «Против» не было. А на последнем — пять. Из ста голосов пять «черных шариков» секретарю, которого выбирают в седьмой раз, не так уж вроде бы и много. Но не скрою, подумал: кому же ты, Женя, досадил и чем? Не сочтите, что перебирал в голове имена возможных недругов с целью как-то отплатить им. Я догадывался примерно, кто голосовал против. И мысленно анализировал свои отношения с этими людьми, где я ошибся, был несправедлив, а где пусть и вызвал у человека досаду, но поступил правильно, иначе поступить не мог.

Я секретарь неосвобожденный. Для меня это — понятие двоякое. Я не освобожден от работы у станка. Но ни от одной из обязанностей, которые несет штатный секретарь, получающий зарплату в райкоме, я тоже не освобожден. Штатный положен в организации, где больше 150 коммунистов. У нас — 115 (семь лет назад было 40), и, уверяю вас, дел от этого не меньше. Я не ворчу, я никогда не соглашусь быть освобожденным секретарем, станка не брошу. Имею в запасе, до пенсии, 23 года, а буду жив-здоров, еще прибавим. У меня много радостей, как у токаря, как у всякого человека, умеющего что-то делать руками. А как у секретаря, спросите, есть радости? Я не смог бы исполнять какую-то работу, не испытывая от нее удовлетворения... Хотя и обид хватает. Таких, что долго носишь в себе, не гаснут... В позапрошлом году женщина на меня кричала, и ор ее до сих пор в ушах. Распределяли жилье. Самое тонкое, всех задевающее дело. Мог бы не участвовать. Но секретарю полагается. Стараешься при этом подавить в себе всякие личные симпатии и антипатии. Чтобы только по справедливости... И вот заявление от одной женщины. Подсобница. Двое сыновей, комнатушка крошечная — все знаем. Просит квартиру. А с квартирой не получалось. Маленьких не было, большие — многосемейным. Она же вдвоем с младшим сынишкой оставалась, старший уходил в армию. Мы, все варианты перебрав, из всех комнат выделили ей самую просторную, солнечную. И тут же записали в очередь на квартиру, чтобы получила к возвращению сына... Вышел я с комиссии, спустился во двор, а эта женщина мне навстречу с криком. Кто-то меня опередил, успел шепнуть ей, что обделили-де при распределении, всегда находятся такие «доброжелатели». Я иду, а она за мной и орет на весь двор. Будто разума лишилась, такие выкрикивала слова. И что зажрался я и что детей ее желаю уморить. Спешу к выходу, не отстает и все больше распаляется. Иду сквозь крик, как сквозь плети, которыми по лицу хлещут, а защититься не можешь. Вышел через проходную на улицу, а она прижалась к решетке ворот и вдогонку мне... Я пришел домой, жена говорит: «Что случилось? Почему такой бледный?» Полночи не спал.

Я прихожу в завод к семи часам утра и как токарь и как секретарь партбюро. Я не знаю, где во мне кончается первый и начинается второй, все переплелось. Без перекоса в ту или другую сторону... Мой станок — звено в заводской цепи. И задание на день есть задание на день. Сорвал — со сборки прибегают: где деталь 0345? У токаря Морякова на станке. А где токарь? На заседании как секре-

Б. Иогансон. ДОПРОС КОММУНИСТОВ. 1933.

Государственная Третьяковская галерея.

К. Петров-Водкин. 1878—1939. СМЕРТЬ КОМИССАРА. 1928. Государственный Русский музей. Ленинград.

тарь... Это я сейчас вообразил себе такое немыслимое, ни разу так у меня, слава богу, не было. И не будет. Единственная мне поблажка — в вечернюю смену не ставят. В 15.45 выключаю станок. И мой сосед тоже. Но он выключил — и сам выключился. Переоделся — и привет заводу! Отношения у них с заводом на сегодня завершены... А у меня в 16.00 — партбюро, или завком, или совещание у директора, или разговор с человеком назначен... Назвался груздем, полезай в кузов без особого на то напоминания. Тем более, что этот кузов мне нравится. Но не поймите так, что держусь непременно секретарской должности. Мне в любой форме общение с людьми, ну, просто необходимо. Готов хоть снова театральные билеты распространять, лишь бы общаться с бо́льшим числом людей, слушать их, быть полезным.

Стою в столовой в очереди к раздатчице. Впереди знакомый токарь из другого цеха. Собственно, кругом все мне знакомы, вся очередь. Завод маленький, и если не по фамилии, то в лицо-то большинство знаю... Стоим в очереди, и тот, что впереди, нет-нет да обернется в мою сторону, что-то сказать хочет. Набрали полные подносы, расходимся, говорит: «Евгений Николаевич, можно к вам по личному?» «Пожалуйста,— говорю, — приходите сегодня в партбюро сразу после работы». И вот сижу, слушаю. История действительно совсем личная, семейная и можно назвать тривиальной: невестка — свекровь... Но то, что со стороны тривиально и мало волнует, для тех, кто ввергнут в конфликт,— рана. И поэтому, слушая, вслушиваюсь в каждое слово. Человек ничего не просит, только совета... С год, как женился. Не с кондачка, давнее знакомство, почти с детских лет. Была невестой, приходила к ним домой — по душе была его матери. Стала невесткой, вошла в дом — разлад чуть не с первого дня после свадьбы. Ни крика, ни ссор, тихая и от этого еще более тяжкая вражда. Он любит жену и любит мать. Жена говорит: «Пусть она нашей жизни не касается...» Мать говорит: «Дайте мне спокойно дожить свое...» Жилищные условия? Отдельная квартира из двух комнат. А живут хуже, чем в коммуналке. Чуждые друг другу женщины, и он — между ними. Тривиальная, повторяю, ситуация. Но мук это, опять же повторяю, ее участникам не убавляет... Спрашивает: «А у вас как было, Евгений Николаевич?» У моей жены не было свекрови... Я привел Галину в дом к Колотиловым, когда там набралось уже одиннадцать душ: Александр Михайлович, трое его детей, зять, сноха, двое внуков, дед Моряков и я с отцом. В двух комнатах... Ну, рассказал я, как мы жили, что-то посоветовал из своего опыта. Но что в таких случаях чужой опыт и советы! И все же человеку до́роги понимание, сочувствие... «Попробую,— сказал, — еще поговорить с мамой, она все-таки хорошая. И с женой, она тоже хорошая». А я в блокнот, где у меня квартирные дела, записал его фамилию. Отделиться им надо, молодым...

Мне разговор с человеком никогда не в тягость. Приходят вечером в партбюро, вот как этот парень со своей семейной бедой. Есть часы приема, но это в жэке, как у депутата. На заводе ж какой «прием»... Во дворе остановят. В столовой к столику подсядут. А если станок на «самоходе», могу и возле него отвлечься на короткий разговор. Утром — с директором, который начинает свой день с обхода цехов, беседует с их начальниками, с мастерами. И со мной у станка — трехминутная «оперативка» по текущим делам... Сегодня — на «самоходе» — тетя Дуся подошла Пушкина, штамповщица. Заплаканная. Я уже знал, отчего слезы, случай нелепый... Приказано убрать старые контейнеры. Железные ящики, в которых транспортируют готовую продукцию, стружку вывозят. Часть поломана, побита, стенки треснули. Охрана труда запретила пользоваться такими. И приказ директора: негодные контейнеры в лом. Два газорезчика ходят по цехам, режут эти ящики в куски, на переплавку. Пришли и на штамповочный участок. Тут три полуразбитых контейнера. Включили аппараты — и ж-жик, ж-жик! Один пустой — в железную щепу, другой со стружкой — и сам в стружку, и третий, не заглянув, что́ в нем, двумя аппаратами крест-накрест прошили. А внутри, под крышкой, готовые, только что обработанные тетей Дусей детали на сборку. Подбежала, но поздно, все ее труды — в крошево, в прах... Плачет. Я говорю, успокаивая: «Не переживай так, тетя Дуся. С газорезчиков взыщут, а тебе заплатят по наряду, что причитается». А она говорит: «И не стыдно тебе, Евгений Николаевич? Неужели мог подумать, что я из-за денег реву?..» Голос стал жесткий, повернулась, ушла. Расстроился я. Представил себе, как старалась, деталь к детали аккуратно складывала, карточочки — между рядами... Газорезчики ей как по живому полоснули, как по рукам. А я все на монету перевел, костяшками на счетах щелкнул...

И сегодня же рассердился на одного парня. Проходил мимо моего станка и, как бы между прочим, не останавливаясь даже: «Товарищ Моряков, в курилке света нет...» И хотя шла деталь с частыми замерами, я подозвал его и, глаз не спуская с резца, сказал, вернее, переспросил: «Нет света в курилке?» А он в тоне моем не разобрался, говорит: «Ага, лампочка перегорела или вывинтили. Вы бы монтеру сказали...» «Спасибо,— говорю,— молодой человек, что подыскали мне работенку. А я-то все думаю, чем заняться. Сейчас побегу за монтером». Видит, что сержусь, поправился: «Так меня же он не послушает. А вас...» В обед я все же заглянул в курилку: горит лампочка. Монтеру ли он сказал, или сам ввернул, а может, кто другой позаботился, не знаю. Случай — пустячок. И зря я, наверное, осерчал на парня. Просто он привык, что «товарищу Морякову» до всего дело...

Это любимое выражение моей жены, Галины Владимировны: «Тебе дело до всего. Ты и летом не можешь отдохнуть нормально...» Летом она увозит меня, по ее же выражению, «подальше от общества», в тихие края, в свою родную Мостовуху. Это на Витебщине, в 30 километрах от райцентра, от Полоцка. Леса кругом, озера. Грибов! Рыбы! Собирай, лови... Но человек приехал из Ленинграда, люди к нему идут, естественно, а я от них в лес, да? От старика Ивана Прохоровича, который с утра пораньше с просьбой ко мне,— на озеро от него, за рыбой?.. Прохорыча зовут в деревне «Иван с Исаакия». И в этом прозвище я немного повинен. Если кто из Мостовухи приезжает в Ленинград, останавливаются у нас на квартире. Приезжал как-то и Иван Прохорович в глазной институт, очки заказывать с особыми стеклами. Первый раз в Ленинграде. Надо город показать... Находились, наездились мы с ним, даже на Исаакиевский собор поднялись. Пыхтел-пыхтел старик, а лез вверх упорно, на смотровой площадке отдышаться не мог. И этот подъем на верхотуру больше всего запомнился ему из ленинградских впечатлений и, когда вернулся в Мостовуху, всем рассказывал, как на Исаакий подымался. Теперь зовут «Иван с Исаакия»... Вот приходит Иван Прохорыч с просьбой — жалобу написать на совхозное начальство: не разрешили накосить сена для коровенки... Отделение совхоза в другой деревне, довольно далеко от Мостовухи. Разыскал там секретаря парторганизации, спрашиваю про Прохорыча. Объясняет, что старик не сдал сена совхозу, сколько положено. Но ведь больной, говорю, одинокий, в партизанах раненный, косить трудно, а помощников нет. Пошли вместе к заведующему отделением. Тот директору позвонил. И уважили старика, выделили ему, сколько просил, сена для коровы... Ну, а уж встретившись с секретарем, а он знал, что я тоже секретарь, не мог же я сразу обратно в Мостовуху, не поговорив с ним на близкие нам темы, о партийных делах и заботах... На озеро я в тот день не попал, но рыбы домой принес, из совхозной лавки...

— ...Евгений Николаевич, где это вы сфотографированы? Что за корабль?

— «Фрам» на своей вечной стоянке в Осло.

— Туристская поездка?

— Не совсем туристская. «Рейс мира» по портам Балтийского и Северного морей.

— Летом 1969 года?

— Три недели почти... Хотите посмотреть фотографии?

— Ну, конечно.

— Это еще один корабль на бессрочном приколе. Польский эсминец «Буря», который участвовал во время войны в союзных конвоях на севере. Стоит в Гдыне.

— А это Копенгаген? Лангелиния?

— Лангелиния, порт. Вы бывали здесь?.. А у вас случайно не мадам Порк была гидом? Хромоньная старушка. Говорила, что пострадала в один день с «Русалкой». Какой-то негодяй отрезал у знаменитой скульптуры голову, а другой негодяй, мотоциклист, сбил на улице ее, мадам Порк. Голова у «Русалки» теперь новая, а здоровую ногу приставить не удалось. «Не правда ли смешно? Ха-ха». Но мы не смеялись заранее приготовленной мадам Порк мрачноватой шутке... А это я хиппи снимал на набережной возле порта. У них там постоянное лежбище, как у котиков на Командорских островах. А рядом роют траншеи под канализацию, и хиппи не желают переместиться, видите, ноги уже свисают над ямой. Хоть в ковше вместе с землей переноси этих ленивых волосатиков... Вот тут я как раз с экскаваторщиком снят. Я в его форменной шапочке, он в моей ленинградской кепке... А это снимки из Тиволи.

— Великолепный парк...

— Мне тоже понравился. Красиво там. Весело. Есть где отдохнуть. Но есть где и денежки просадить... Игральные автоматы на каждом шагу. Нет двух одинаковых. Я видел оригинальные по конструкции. Стеклянный ящик, внутри сигареты, шоколад, жевательная резинка, еще что-то. И металлические руки, точно копирующие движения человеческих. Сгибаются и разгибаются в локте. Подвижная кисть. Быстрые пальцы... Сбоку ящика пультик с кнопками и рычажками, манипулируя которыми вы можете управлять «рукой» под стеклом. И, кажется, так легко ухватить ею добычу. Я попробовал разок ради любопытства, не удалось. Азарта во мне нет, больше не пытался. Стоял, наблюдал. Много было ловцов, а счастливчик лишь один, подцепивший и вытащивший шоколадку. Я видел девочку-школьницу, вроде нашей Иринки-семиклассницы. Эта девочка охотилась за пачкой сигарет. (В Копенгагене почти все девчонки курят.) Она опускала монету за монетой. «Рука» включается на минуту. Минута — крона, минута — крона. Сколько она их пробросала, не считал. И вот ухватила все-таки заветную пачку. «Пальцы» сомкнулись на ней, оставалось только вытащить, но в эту же секунду сомкнулись и челюсти автомата: минута кончилась, пачка выпала. И снова девочка, кидая монету за монетой, лихорадочно дергала и нажимала рычажки и кнопки под подначку окруживших ее подружек. И лицо у девочки стало бледным, все в капельках пота, как у взрослого подчистую продувшегося азартного игрока на рулетке. Так ничего и не выудила, денег уже не было, и она отошла от безжалостного автомата со слезами на глазах. Ну какое же это веселье...

— Из Копенгагена в Швецию?

— Нет, Кильским каналом — в Гамбург... В порту — красные флаги, толпа, поющая «Интернационал». Нас пришел встречать рабочий Гамбург, город Эрнста Тельмана. Мы видели дом, в котором он жил. Мы проходили улицами, где сражались когда-то на баррикадах восставшие гамбургские пролетарии. Оскар Мейер, старый коммунист, привез нас на кладбище Ольсдорф. Здесь похоронены павшие в боях с фашизмом. Их останки свезены сюда из разных городов. Мы шли от надгробия к надгробию, и Мейер читал нам выбитые на плитах имена товарищей своей юности, друзей по подполью... А это Голландия, Амстердам. Вот мы группой у входа в музей Рембрандта. Недалеко отсюда — Принцеграт, дом № 263. Убежище Анны Франк. Я читал ее «Дневник». И еще я читал другую книгу, которая называется «Я должна рассказать». Это тоже дневник, его вела Маша Рольникайте, девочка из вильнюсского гетто. И в дом Анны Франк мы вошли вместе с Марией Григорьевной Рольникайте, спасенной советскими солдатами... Из Голландии наш теплоход поплыл Северным морем в Норвегию.

(Из официального отчета о поездке:

«Во время стоянки в Осло на борту "Марии Ульяновой" состоялась дискуссия по вопросам деятельности профсоюзов».

Председатель профсоюзной комиссии общества дружбы «Норвегия — СССР» Освальд Беккли подробно рассказал о работе норвежских профсоюзов.

Горячо были приняты выступления ленинградцев Героя Социалистического Труда прокатчика А. П. Михалева, депутата Верховного Совета СССР фрезеровщика Ф. Е. Кириллова, депутата Ленсовета токаря Е. Н. Морякова...

— Я принадлежу к тем ленинградцам,— сказал Моряков,— которые не принимали участия в войне по причине малолетства. Но нам выпало на плечи трудное дело восстановления Ленинграда. Мы старались, чтобы он стал краше, чем был... И в мыслях и в сердце советских людей на первом плане заботы, связанные с сохранением мира на земле. И радостно поэтому сознавать, что наши друзья в Норвегии тоже прилагают все усилия, чтобы укрепить мир...

Морякову и его товарищам проникновенными словами дружбы отвечал старик железнодорожник Суфус Неверсонд, который во время войны спас 14 русских военнопленных, бежавших из лагеря, за что награжден советским орденом...»)

— Из Норвегии — в Швецию, затем в Финляндию. И домой.

...Был и пятый вечер, и шестой, и седьмой... Но из чисто конструктивных соображений — и это самая большая моя вольность — я уложил все наши разговоры с Моряковым, все вечера в четыре «вечера», в четыре главки из жизни самой обыкновенной — токаря, партийного секретаря...

СТРАНИЦЫ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Юрий БОНДАРЕВ
Рисунок С. БРОДСКОГО.

Степь

Иногда я пытаюсь вспомнить первые свои ощущения жизни, первые прикосновения к миру, вспомнить с надеждой, что это может мне что-то объяснить, возвратить меня в наивную пору счастливых удивлений, смутного восторга и первой любви, вернуть то, что позднее, уже зрелым человеком, никогда не испытывал так чисто и пронзительно.

С каких лет я помню себя? И где это было? На Урале, в Оренбургской степи? Когда я спрашивал об этом отца и мать, они не могли точно восстановить в памяти подробности давнего моего детства.

Так или иначе, много лет спустя я понял, что пойманное и как бы остановленное сознанием мгновение самого высшего счастья — это чудотворное соприкосновение мига прошлого с настоящим, навсегда утраченного с неудовлетворенностью, детского со взрослым, подобно тому, как соприкасаются золотые сны с явью. Но, может быть, первые ощущения — лишь неясный толчок крови моих предков во мне, моих прапрадедов, голос крови, вернувшей меня на сотни лет назад, во времена какого-то переселения, когда над степями носился по ночам дикий, разбойничий ветер, мотал, исхлестывал травы под вечным лунным светом и скрип множества телег на пыльных дорогах перемешивался с первозданной трескотней кузнечиков, заселивших своим сопровождающим звоном многоверстные пространства, днем выжигаемые злым солнцем до горячей сухости пахнущего лошадьми воздуха?..

Но первое, что я помню, — это свежесть и сырость раннего утра, сочные, мокрые травы, тяжелые от росы, высокий берег реки, где мы остановились, видимо, после ночного переезда.

Я сижу в траве, укутанный во что-то пахуче теплое, мягкое, наверное, в овчинный тулуп, сижу среди сгрудившихся тесной кучкой моих братьев и сестер (которых у меня никогда в ту пору не было), а рядом с нами тоже укутанная во что-то темное (ясно помню только деревенский платок на ее голове) какая-то бабушка, кротко-тихая, уютная, домашняя вся. Она чуть наклонена к нам, как бы своим телом согревая и защищая от предрассветного холода (это вижу и чувствую совершенно отчетливо), — и все мы смотрим, как очарованные, на чудовищно огромный малиновый, поднявшийся из травы на том берегу шар солнца, такой неправдоподобно близкий, такой искрящийся в глаза брызгами лучей, весь отраженный на середине розовой неподвижности воды, что все мы в счастливом безмолвии, в затаенной ритуальной радости и ожидании сливаемся с его утренним теплом, уже ощутимым нами на овлажненном росой берегу безымянной степной реки.

Но удивительно — как в кинематографе или во сне, я вижу высокий бугор, траву, реку, солнце над ней и нас всех на том бугре, всех, наклоненных слева направо, темную нашу кучку, укутанную на холодке рассвета тулупами, и бабушку или прабабушку, возвышающуюся над нами, — вижу все это словно со стороны, но не помню ни одного лица. Лишь белое, смутное, не лицо, а доброе пятно под деревенским платком ощущается мною, рождая чувство детской защищенности и невнятной умиленной любви к ней и к этой прелести открывшегося на берегу реки степного утра, неотрывного от неясного лица никогда позднее не встречавшейся мне бабушки или прабабушки...

Когда же я вспоминаю этот осколочек полуяви, полусна, то испытываю непередаваемо покойное, подхватывающее меня мягкими объятиями счастье, как будто передо мной открылась вся доброта мира и все человеческие чувства соединились в моей душе в тот миг поднявшегося из травы солнца, встреченное, увиденное нами где-то в пути, в длительном переезде куда-то. Куда?

Странно вдвойне: я помню себя все время в движении, помню освещение и запахи, вольные, степные, но чаще уютные, успокаивающие и вместе тревожащие душу, как ожидание переезда, ожидание медленного приближения к невиданной и неизведанной красоте, к обетованной земле, где все должно быть радостью.

И встает из уголков моей памяти серый, дождливый день, большой деревянный дом неподалеку от переправы через широкую реку, за которой смутно проступает какой-то расплывчатый в своих очертаниях город, с церквами и садами, что-то не совсем определенное, четкое по предметам, но все-таки большой город.

Я не вижу самого себя — в доме ли я или возле дома. Я лишь представляю мокрый заваленок, наличники резные и истоптанную копытами дорогу — от дома к реке — и чувствую лепет дождя и что меня сейчас позовут, а вокруг в сыром воздухе теплый запах лошадей, сбруи, навоза, запах хлеба — эти удивительные запахи, вечные, как жизнь, как движение, всегда томительно беспокоящие меня до сих пор.

Но почему во мне, городском человеке, живет это? Все те же толчки крови моих предков? Уже будучи взрослым человеком, я спросил у моей матери, когда был тот день, тот дождь, и переправа, и город за рекой; она ответила, что меня тогда не было и на белом свете. А вернее — мне кажется так, — она не помнила того дня, как не помнил и отец одной ночи, которая навсегда осталась в моей памяти.

Среди темноты я лежал на арбе в душистом сене, таком пряном, медово-сладком, что кружилась голова и вместе кружилось над головой черное звездное небо, устрашающе далекое, огромно-бесконечное, какое бывает только в ночной степи, и перед моими глазами колюче мерцали, шевелились, горели, тайнодейственно перестраивались созвездия, среди них сияющим белым дымом тек, двумя потоками расходился Млечный Путь, что-то происходило, совершалось там, в темных высотных глубинах, пугающее, счастливое, непонятное...

А внизу наша арба медленно переваливалась по степной дороге, и я будто плыл между небом и землей с замирающим от восторга сердцем. Невысказанный восторг вызывало еще то, что все это разверстое надо мной черно-звездное пространство вселенной и вся чернота летней степи были туго заполнены металлическим звоном сверчков, неистовым, страстным, не прекращающимся ни на секунду, и, казалось мне, будто сверлило пронзительно и серебристо в ушах от царственного блеска распыляющегося Млечного Пути, который, мнилось, жил...

И лишь по-земному подо мной лениво покачивалась, поскрипывала и размеренно двигалась арба, пыль мягко хватала колеса, доносилось тихое влажное пофыркивание невидимых внизу лошадей, чувствовался запах сена и приятного конского пота. Эти привычные звуки и запахи возвращали меня на землю, в то же время я не мог оторваться от втягивающего своими необъяснимыми звездными таинствами неба, испытывая почему-то неизбывную радость перед непонятным миром до сладостного комка в горле. «Я всех люблю, — думал я. — И все тоже любят меня. И так будет всю жизнь».

Потом рядом со мной зашевелился отец, и я услышал возле себя заспанное его покрякивание, ощутил запах его табака, одежды, знакомый и терпкий; отец, смутно чернея, сел на сене, поглядел по сторонам, на едва белеющую дорогу, осторожно взял винтовку и двинул затвором с легким железным стуком, вынул обойму и вщелкнул ее опять, проверив патроны, протерев их рукавом. Затем отец вполголоса сказал матери, что впереди станица и в ней пошаливают: три дня назад там убили кого-то. Я замер, закрыл глаза. Только через несколько лет я выразил словами тот миг нарушенного равновесия, спросив его, убил ли он сам когда-нибудь человека? И как это было? И страшно ли убивать? И зачем?

В двадцать один год вернувшись с войны, я этого вопроса отцу уже не задавал.

Но и никогда потом в жизни не повторялось того единения, слития с небом, того немого восторга перед всем сущим, что испытал тогда в детстве.

Всю ночь, без сна, ворочался с боку на бок, подминал под голову измятую подушку, мычал, стискивая зубы, как от боли, — не мог забыть того, что случилось днем, не исчезало острое чувство совершенного преступления, и неотступно стояли перед глазами подробности того, что произошло с ним.

Было теплое солнце, ярый субботний мартовский день сиял в Москве, везде таял сразу почерневший снег, кое-где дымились парком сухие пролысины тротуаров, везде зеркально блестели лужи на мостовых, было много прохожих, одетых уже по-весеннему. В машине стало даже жарко, тесно от солнца, блещущего на переднем стекле, на капоте, и у него тоже было легкое, свободное ощущение весны и вместе почти счастливое ожидание того, что сейчас выедет из Москвы на подсохшее в полях шоссе и через сорок минут будет в загородном доме отдыха среди двоих своих детей и жены, которых отвез на каникулы неделю назад.

После шумного, ослепительного, шелестящего шинами перекрестка свернул на тихую параллельную проспекту дорожку, не торопясь поехал по ней, по солнечным лужам, объезжая расколотые дворниками глыбы желтого льда, мимо стоявших по обочине заляпанных грязью машин, мимо киосков с горячим сверканием витринных стекол, мимо идущих по тротуару людей в расстегнутых плащах.

Впереди на солнцепеке у обочины увидел поддомкраченную машину; человек, без пальто, без шапки, в сером пиджаке, возился возле колеса, отвинчивая ключом гайки, и он подумал опять с удовольствием:

«Действительно, настоящая весна».

И лишь успел подумать это, заметил вывернувшегося из-за этой поддомкраченной машины щенка, он выскочил из-под ног склоненного к колесу человека, темно-коричневый, с острой веселой мордой, и бросился играющими прыжками, как-то боком навстречу его машине.

Скорость была небольшой, он мгновенно нажал на тормоз, но все-таки не сумел сразу же затормозить. Машину катило по льду, и в ту же секунду щенок, все приближаясь, игриво лая, тряся смешными ушами, мелькнул под радиатором, и потом послышались там, внизу, какие-то удары, потом как будто машина проехала по чему-то твердому, ее, показалось, чуть подняло даже — и он, весь в горячем поту, наконец, остановил машину, ужасаясь тому, что почувствовал, ощутил в эту минуту.

Еще не отпуская тормоз, он оглянулся и с тем же ужасом увидел щенка уже возле человека в сером пиджаке — щенок, мотаясь всем телом, будто жалуясь и прося прощения, взвизгивал, виляя хвостом, тыкался острой мордой в его руки.

А он смотрел, точно скованный, на щенка, на человека в пиджаке, растерянно опустившегося перед щенком на корточки, и сознавал, что совершил сейчас нечто непоправимо преступное, как убийство.

Он ясно чувствовал эти удары под машиной и понимал, что щенок в горячке еще двигается, как бы извиняясь за ошибку, повизгивая, тычется мордой в руки хозяина, лижет его пальцы, а человек в пиджаке, лаская, успокаивая его, еще не знает, как ощутимо и страшно минуту назад качнуло машину на чем-то твердом.

Потом человек в пиджаке взял щенка на руки и, все продолжая гладить его длинные

уши, трепать его голову, испачканную мокрой грязью, повернул бледное лицо.

— Какой же вы шофер, если не можете остановить машину? — с упреком сказал человек, подойдя.— Это же глупый щенок, понимаете вы это или нет?

Уже на тротуаре и вокруг человека с тихо поскуливающим щенком на его руках столпились люди, зло крича; кто-то постучал кулаком по капоту с тем знакомым выражением осуждения и неприязни пешехода к водителю, какое всегда бывает во время уличных катастроф,— и он, жгуче презирая себя за почти инстинктивный толчок самозащиты, сдавленным голосом выговорил:

— А вы зачем отпускаете на дорогу щенка?..

Он плохо помнил, как выехал из Москвы на загородное шоссе, все словно подсеклось, срезалось в нем, и было до тошноты мерзко, гадко на душе от той защитительной своей фразы, звучавшей в его ушах: «А вы зачем отпускаете на дорогу щенка?».

И, глядя на дорогу, он опять с поразительной ясностью представлял того щенка с острой веселой мордой, когда тот, играя, смешно тряся ушами, бросился к машине, ощущал глухие удары под днищем и представлял, как железо било его по голове, как в смертельном испуге заметался под колесами щенок, не понимая, что произошло, почему на его игру с этой чужой машиной ему ответили такой страшной болью.

«Я убил его... Это же он в горячке выскочил потом к хозяину. Как он мотал головой, как тыкался мордой в его руки, точно спасения искал!..» — думал он и стискивал зубы, морщась, потирая рукой лицо, уже не видя ни шоссе, ни талого снега, ни мокрых мартовских полей под прекрасным весенним солнцем.

Через час, приехав в дом отдыха, он не поцеловал жену, не поцеловал детей, будто потерял на это право, только долго и пристально смотрел на свою пятилетнюю дочь, взяв ее на руки, прижимая ее к себе.

Ностальгия

Ночью Никитин вышел в туалет отеля и, возвращаясь по длинному коридору, сереющему справа и слева однообразными прямоугольниками дверей, вдруг почувствовал растерянность: он забыл, или, вернее, не запомнил, четырехзначную цифру занятого им с вечера номера, и все эти размытые коридорным полусумраком двери, все эти отличительные цифры на них представлялись ему теперь совершенно одинаковыми. Никитин отлично помнил, что, проснувшись, включил над постелью ночную лампу, как бы стыдливо обернутую зеленым абажуром-юбочкой; и, помня это, он несколько раз толкнулся в незапертые чужие номера с надеждой увидеть огонек ночника над кроватью — этот ориентир своей комнаты. Однако везде спали, погасив свет, повсюду стояла душная, пахнущая синтетическими коврами темнота, из которой доносились храп, всхлипывание, стоны, невнятное бормотание невидимых и незнакомых ему людей.

Спал весь отель, и по всему слабо освещенному тусклыми бра коридору призрачно темнели на бесконечной дорожке вереницы женских и мужских туфель, выставленных из номеров для утренней чистки этажным мальчиком; и вот этот чужой обычай подсказал Никитину выход из нелепейшего положения.

«Слава богу, я ботинок не выставлял. Значит, здесь»,— с облегчением подумал он перед номером, возле которого не было обуви, и решительно нажал на полированную рукоятку защелки, раскрыл дверь, уже без малейшего сомнения вошел в комнату.

И тут же остановился — яркий свет люстры и зажженных торшеров соединенным потоком хлынул ему в глаза; запахло пряным; от круглого журнального столика, поблескивающего бутылками сквозь синеватый дым, настороженно и резко обернулись двое мужчин, одетых в вечерние черные костюмы; черные галстуки выделялись на нейлоновых белых рубашках. Один, высокий, тонкий, с мертвенно-бледным лицом, встал, шагнул на нетвердых ногах к Никитину, всматриваясь спрашивающими острыми глазами, губы зашевелились, он громко сказал что-то по-немецки и оглянулся, кивнул на женщину, молодую, совсем девочку, с соломенными волосами, лежавшую на кровати поверх одеяла, полураздетую, сигарета дымилась в откинутой руке на подушке.

— Энтшульдиген зи, битте,— выговорил, едва подобрав слова извинения, Никитин и, понимая, что он опять ошибся, спешно повернулся, вышел в коридор, услышав за спиной хрипловатый женский смех, и дверь захлопнулась.

На всем этаже наступила тишина, непроницаемая, как в воде.

В полном безмолвии отеля он постоял несколько минут, с досадой, с раздражением хмурясь, еще полностью не разубежденный в том, что его номер должен быть именно тем номером, в котором сидели эти двое, а это представлялось уже каким-то сумасшествием.

«Что за ерунда! Они не могли быть в моем номере. Двое мужчин... и эта женщина? Что за чушь! Не может быть этого!»

Но в то же время его начинало охватывать почти необъяснимое чувство холодного, точно озноб, страха, давящего и неотвратимого, как во сне, одиночества.

И это было точно такое же чувство, какое он пережил несколько лет назад в осеннем неуютном Чикаго. Глубокой ночью, моясь в ванной своего огромного, мрачноватого, застеленного толстым душным ковром номера, он сквозь шум воды услышал двойной щелчок повернувшегося в замке ключа, тихое движение, шорох и, быстро подняв голову, вздрогнув, увидел: в раскрытую дверь ванной осторожно ступил какой-то совершенно незнакомый человек, прошуршал по косяку плащом, осыпанным каплями дождя, и остановился, застыл, держа одну руку в кармане.

После страшного крика Никитина: «Кто вы? Какого черта вам здесь нужно?» — человек этот, кривясь странной усмешкой, качнулся безмолвным привидением назад и растаял, исчез, будто его и не было. И тогда, ничего не понимая, выключив воду, роняя клочья мыльной пены, Никитин подбежал к входной двери, тщательно проверил ее, ощупал ключ. Замок был закрыт на два поворота. Потом, не без подозрительности осмотрев номер, он выглянул в коридор, широкий, пусто освещенный,— там тоже никого не было. И в ту минуту, унимая биение сердца, он убеждал себя, что ему все показалось, что это тихое внезапное появление неизвестного человека в плаще могло быть только галлюцинацией, видением. Ибо он хорошо помнил, как, придя в номер, закрывал на два поворота ключа дверь, прочитав краткое предупреждение, положенное, повидимому, администрацией отеля на подушку: «Перед сном не забудьте закрыться на ключ». Никитин, однако, не был подвержен галлюцинациям; нет, он реально слышал четкие щелчки ключа в замке, шорох плаща и ясно видел перед собой того человека, вошедшего в ванную, черты его лица. «Кто это был? Зачем? В два часа ночи...»

И Никитин, неуспокоенный, подавленный после отвратительного ожога страха, долго лежал в тишине своего пропахшего сигаретным дымом номера, погруженного в неподвижное безмолвие ночного чикагского отеля, вспоминая все только что виденное им до мельчайших деталей. Тогда он не сразу пришел к трезвому выводу: тот человек в плаще, видимо, будучи демоном надзора, получил неточную информацию о времени прихода Никитина в отель, что было вероятнее всего; невероятным же было то, что, слыша шум воды из номера, он почему-то вошел, возник неожиданно в ванной, как патологический убийца, маньяк из фильмов Хичкока,— подобное действие Никитин объяснял себе элементом чисто психических.

Но позднее его мучило несколько дней, не покидало ледяное ощущение одиночества, похожего на непрекращающуюся зубную боль.

И сейчас Никитин, стоя посреди пустынного коридора спящего отеля, посреди однообразно освещенного серыми сумерками бра этого кладбища женских туфель, мужских остроносых полуботинок, темневших перед одинаково закрытыми дверями, вдруг задохнулся от сдавившей его тишины, от тоскливого безлюдья, как будто он остался один среди давно вымершего отеля, где уже много лет не было признаков живого дыхания и оставались от людей лишь эти бесконечные молчаливые вереницы туфель в бесконечной пустыне коридора.

«О чем это я? Что мне приходит в голову? Сумасшествие так начинается или как-нибудь иначе?» — подумал Никитин и проговорил вслух хриплым шепотом:

— С ума схожу... Домой... К черту отсюда!

Сдерживая дыхание, одержимо подчиненный только одной мысли — скорее, скорее найти свой номер, уйти из этой давящей безмолвием пустыни коридора,— он толкнул первую дверь от себя, перед которой не было обуви, и навстречу из глубины комнаты пахнуло горячей темнотой, запахом лаванды, смешанного с запахом голого тела и влажных теплых простынь.

«Нет, не этот!» И Никитин, перебарывая замешательство, готовый к отчаянию, подождал несколько минут в коридоре, затем, опять решившись, нажал рукой на следующую дверь, подле которой тоже не было обуви; дверь эта не поддавалась — она была заперта изнутри...

Комната Никитина оказалась через два номера.

Когда он вошел и увидел знакомый огонек абажурчика юбочкой, распространявший среди полумрака зеленоватый ровный свет над постелью, отвернутую им перед уходом теплую перину — одеяло в белоснежном пододеяльнике-конвертике, свои вещи на письменном столе, свой чемодан на деревянной подставке, развернутый возле подушки, весь сияющий зеркальным глянцем цветных фотографий «Штерн», который просматривал перед сном, когда он увидел все это, свое и чужое, он снова проговорил вслух невнятным шепотом:

— С ума схожу... К черту отсюда!

Он еще полностью не сознавал, почему, подобно неожиданному, как удар, наваждению, возникало это решение. Он закурил и начал ходить по номеру, глубоко затягиваясь сигаретой, потом с раздражением, со злостью выругался, ненавидя себя за тот внезапный толчок неопределенного страха, болью уколовший сердце, и вытер испарину со лба.

«Страх? Почему страх и даже ужас охватили меня в этом проклятом коридоре? Чего я могу бояться?» — спрашивал себя Никитин, уже испытывая тоску, скользяще оглядывая мебель и предметы в комнате — этот просторный бельевой шкаф, в котором, чередуясь, по неделям висели, оставив соединенные запахи, чужие костюмы, рубашки, галстуки, как сейчас висит и его костюм, эту широкую двуспальную кровать с чистейшим, хрустящим бельем, на которой до него, Никитина, лежали, спали, храпели, целовались сотни или тысячи незнакомых, чужих людей, пахнущих лавандой, потом, кельнской водой, коньяком, сигаретами, губной помадой. И эту кнопку на ажурной ночной лампе нажимали множество чужих пальцев со следами вина, журнального цинка, противозачаточных таблеток, денег, которыми расплачивались за такси, за ужин в ресторане, за любовь женщин, привезенных в номер.

И Никитин почувствовал отвращение к этому сгущенному воздуху номеров и отелей, где невидимо оставалась жизнь других людей, пришедших и ушедших, как будто навсегда в небытие, освободив после себя лишь маленькое место на земле — пропах-

шие бельевые шкафы, кровати и умывальники.

Никитин шагал по номеру, потирая рукой грудь, там тончайшим остреньким звоном дрожал, бился колокольчик неизбывной тоски.

Это чувство одиночества и эта тоска были началом болезни, известной под названием ностальгия.

Три сна

МОРЯЧОК

Грузовая машина беззвучно въезжала под низкий и туннельно-черный железный мост, врезанный посреди насыпи на окраине темного города, и слева вдоль насыпи бежал к этой машине с винтовкой за плечом морячок в черном бушлате, без отчетливо видимого лица, только рот открыт криком, а форма была новенькая, широкие клеши, блестящие металлические пуговицы; пулеметные ленты опоясывали грудь крест-накрест, и во всей фигуре, в движениях морячка была счастливая одержимость.

— Вставай! Ты уже спишь два часа!..

Его легонько потрясли за плечо, и он очнулся на мгновение, еще ничего не понимая. Он лежал, открыв глаза; вокруг — его комната, полки с книгами, день к вечеру, солнце перед закатом розово освещало девятиэтажный дом напротив. Жена стояла возле тахты и трогала его за плечо.

— Вставай же! Тебе пора...

«Да, нужно встать, сейчас я встану,— подумал он.— Я устал и лег после обеда... Но откуда тот морячок семнадцатого года в городе?.. Сел он или не сел в машину?»

Он теперь понимал, что ему снился сон, что это нереальность, которая сейчас же исчезнет из сознания, едва лишь он встряхнет сонное оцепенение, встанет, но ему непреодолимо хотелось узнать, что будет с морячком — и снова его окунуло в дремоту, в сладостное забытье — и все вернулось к нему: опять точно так же грузовая машина въезжала под мост, врезанный посреди насыпи, опять бежал к грузовику одержимый морячок в новом бушлате, опоясанный крест-накрест лентами...

— Вставай же, господи, ты не будешь спать ночь! Ты просил разбудить...

Он чувствовал: это голос жены, и там, где ее голос,— комната, и за ней мягкое солнечное освещение на стене девятиэтажного дома, залитой ровным предзакатным огнем,— все это было рядом, возле него, поэтому казалось раздражающе привычным, знакомым — и комната, и книги, и голос жены, и эти пылающие стекла в окнах соседнего дома.

Весь расслабленный сном, он сидел на тахте, открыв глаза, быстро говорил: «Сейчас, сейчас»,— но все с той же силой его тянуло туда, в легкую и сладкую загадочность сна, в какое-то бестелесное движение, где морячок бежал к машине, а он должен был узнать, что будет дальше, и это ожидание приносило ему непроходящее удовольствие.

«Странно...— подумал он.— Я ощущаю этот сон и одновременно ощущаю комнату, и голос жены, и время перед вечером, но то, что во сне, дает мне какое-то непередаваемое наслаждение счастья, покоя, забвения, и не хочется просыпаться, и я думаю и понимаю, что это сон, что нужно вставать — и не могу, не хочу проснуться. Что же мне приснилось: то время, в котором я никогда не жил?»

ФРАЗА

Видимо, потому, что пришлось отказаться от правки некоторых фраз в верстке (перелив абзацев, вследствие этого возможное опоздание журнального номера), мне каждую ночь снится после сдачи этой верстки, будто я правлю и никак не могу выправить ее до конца.

Странное дело — передо мной до ясновидения четко появляется и исчезает одна и та же гибкая сложная фраза, с периодами, с деепричастными оборотами, однако с явным и неуловимым изъяном в построении, в мысли ее.

Эта фраза, отчетливо видимая мною на левой полосе верстки, мучительно повторяется в моем сонном сознании — и я правлю ее с беспокойством одержимости, переставляю слова, вычеркиваю, ищу синонимы, меняю знаки, но не точно, не достигая совершенства, не испытывая даже малейшего удовлетворения, и неисправленная фраза вновь возникает перед глазами, как механическое и повторяющееся наказание.

Как только я просыпаюсь, то в состоянии изнурительного поиска и бессилия, какой-то незавершенности стараюсь подробно и детально восстановить по памяти, воспроизвести эту фразу, долгую мою пытку.

Но — не могу ее вспомнить... Такой фразы, которая ярко и выпукло видна была во сне мною, нет в романе. Ее создало продолжающее работу неуспокоенное воображение, создало — и мучает меня в забытье уже не первую ночь.

ЧАСЫ

— ...В пять часов проснулся, тихо в комнате, светло, луна против окошка светит, жена еще спит. Туда-сюда, повертелся, опять лег — и тут снова такой сон непонятный в голову полез... Ну, надоел, понимаешь ты, этот сон. Будто на работу я пришел, как и полагается, к семи часам, все нормально, а уже в цехе пощупал карманы, глядь — часы и деньги забыл в пальто. Пошел назад, а в раздевалке монтажники какие-то незнакомые. Смотрят на меня, понимаешь ты, и не узнают. И раздевалка вроде не наша. Уборщица и говорит: «Идем, покажу тебе раздевалку». И повела — через какие-то поля, леса. Ну, долго идем. Все незнакомое: лес темный, поля вечерние. Ни души нигде. Потом нашли часы на дороге. Поднял я их и опять в грязь уронил. Жалею, циферблат вытираю. Потом назад идем. А навстречу — рабочий знакомый. Я ему: так и так, мол, часы искал. А он: ничего, в ночную смену пойдешь. Ну, до того, понимаешь ты, надоел этот сон, сам во сне чувствую, что надоел, а проснуться не могу. Вытираю циферблат, поднес часы к уху: идут. Во сне слышу, что идут. Надоел сон!

Память

Когда-то увиденные мною в жизни сцены, а вследствие этого и возникшие ощущения мучительно «сидят» в моей памяти до той поры, пока с большими потерями точности и красок я не перенес их на бумагу.

Но как только я освободился от этих засевших в памяти картин и определенного настроения, сразу же наступает облегчение, хоть и не до конца и полностью удовлетворяющее. И после этого все, что действительно было в реальности и оставалось спустя много лет в сознании, воспринимается мною только через написанное, через зафиксированное на бумаге — и я уже не возвращаюсь больше к использованной памяти, несмотря на то, что отраженное на страницах книги явно не равно бывшему когда-то на самом деле. Удалось ли мне передать осенний Днепр в «Батальонах», или «воздух» возвращения в «Тишине», или сумасшествие боя в «Горячем снеге», но теперь я избавлен от некоторых ощущений-воспоминаний, связанных с этими событиями моего прошлого.

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

Так тогда строили...

УВЕКОВЕЧЕННЫЙ В ГРАНИТЕ

В 1927 году я участвовал в строительстве памятника «Шалаш В. И. Ленина» в Разливе. В Ленинградском губкоме партии мне вручили текст, который нужно было высечь на будущем монументе:

«На месте, где в июле и августе 1917 года в шалаше из ветвей скрывался от преследования буржуазии вождь мирового Октября и писал свою книгу «Государство и революция», на память об этом поставили мы шалаш из гранита...

Рабочие города Ленина 1927 г.».

Проект этого монументального ансамбля разработал ленинградский архитектор Александр Иванович Гегелло. Сроки для строительства были определены жесткие, и мы тут же приступили к работе. Бригада гранитчиков выехала на станцию Борисова Грива, неподалеку от которой высились громадные ледниковые валуны. Из них вытесывались глыбы крупнозернистого финляндского гранита «рапакиви». После грубой обработки камень подвозили по железной дороге на сестрорецкий берег Разлива. Оттуда по льду на санях, а весной на плотах доставляли к месту строительства.

Большую помощь в восстановлении обстановки места последнего подполья Ильича нам оказал Николай Александрович Емельянов, в доме которого на чердаке скрывался Ленин несколько дней перед тем как перебраться через Разлив. Емельянов перевез меня через озеро, и мы внимательно обследовали поляну. Береза, к которой был прислонен ленинский шалаш, не сохранилась. Но маленький родничок, где Владимир Ильич брал воду, тогда еще существовал.

С наступлением первых теплых дней началось строительство гранитного шалаша, пристани на том месте, где высадился Ленин, и соединяющей их дорожки. С высоты птичьего полета весь ансамбль смотрелся в виде перекрещенных серпа и молота.

Бригаду из шестнадцати гранитчиков возглавлял Ф. Д. Хрулев. Все они были в своем деле виртуозами, незадолго до этого их руками был сооружен памятник Ленину, установленный у Финляндского вокзала в Ленинграде. Вторая бригада состояла из бетонщиков, арматурщиков, дорожников и других специалистов. Особо следует сказать о восьмидесятилетнем кузнеце Карле Нисканепе. Этот могучий старик финн появился на площадке неожиданно и на ломаном русском языке заявил, что желает «свой последний работ даваль Льенин». Его просьбу уважили, и почти вся кузнечная работа на стройке, начиная от правки инструмента гранитчиков и кончая тонкими поковками, выполнена искусными руками Нисканепа.

«Гранитный шалаш» высек собственноручно из глыб по созданной им же в натуральную величину глиняной модели тогда еще начинающий зодчий Борис Блэк, мой младший брат. Одним из руководителей работ был молодой специалист — строитель З. М. Стамблер. Помогали нам сотни добровольцев, приходившие и в одиночку и целыми коллективами — рабочие, учащиеся и даже отдыхающие из сестрорецких санаториев. Они копали канавы, подносили бревна, кантовали глыбы гранита, резали дерн. Пионеры стояли в очереди у насоса-«лягушки», откачивая воду. Словом, стройка была поистине народной.

Торжественное открытие памятника состоялось в июле 1928 года при огромном стечении народа в ясный, солнечный день. С тех пор идут сюда, к этому памятному месту, непрерывным потоком тысячи и тысячи людей.

Инженер А. БЛЭК

СТАНОВОЙ ХРЕБ
ИНДУСТР

116
1970

ПРОИЗВОДСТВО
СТАЛИ
В НАШЕЙ
СТРАНЕ
В МИЛЛИОНАХ
ТОНН

91
1965

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

И. П. КАЗАНЕЦ,
министр черной металлургии СССР

МИНИСТР ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ СССР ИВАН ПАВЛОВИЧ КАЗАНЕЦ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА «ОГОНЬКА» ГАЛИНЫ КУЛИКОВСКОЙ.

ПОЧЕТНЫЙ МЕТАЛЛУРГ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ЗАВОДА, СТАРШИЙ ВАЛЬЦОВЩИК СТАНА «350» ЛЕОНИД СЕРГЕЕВИЧ СТЕПАНОВ:

— Сила экономической реформы в том, что она сумела спросить с каждого...

(См. на стр. 17 очерк Г. Владимировой «Формула жизни»)

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Корреспондент. Чем характерна восьмая пятилетка для советской металлургии? Каковы, в частности, итоги ее последнего года? Назовите, пожалуйста, лучшие предприятия.

Министр. Придется отвечать цифрами.

Люди огненной профессии, как называют металлургов журналисты, за последние пять лет шагнули далеко вперед: объем производства минувшей пятилетки возрос на одну треть. Один только прирост выплавки стали составил 25 миллионов тонн и превосходит ее прирост за этот же период в США, ФРГ, Англии, Франции и Италии вместе взятых. И еще одна веха: в 1967 году, когда страна отмечала пятидесятилетие Октября, сталеплавильщики достигли заветного рубежа — сто миллионов тонн стали в год. Напомню: в 1940 году мы выплавляли всего 18,3 миллиона. Сравните: для США, чтобы достичь стомиллионной отметки, потребовалось полвека; СССР — 27 лет, из коих 10 лет войны и послевоенного восстановления.

Современная техника и прогрессивная технология позволили намного увеличить выпуск самых нужных в народном хозяйстве видов продукции; внедрено в производство 250 новых марок стали и сплавов и свыше 300 экономичных профилей проката. Среди них тонкий горячекатаный лист, широкий холоднокатаный лист, необходимый для автомобилестроения, трансформаторная сталь с электроизоляционным покрытием и электролитически луженная белая жесть.

Во все эти достижения немалый вклад внесли наши правофланговые — Магнитогорский комбинат, заводы «Азовсталь» и Челябинский трубопрокатный. Их отличают четкая ритмичность в работе, высокие производственные показатели. Как многократные победители соревнования, они награждены Ленинской юбилейной почетной грамотой и памятным, отданным на вечное хранение, знаменем ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС.

В шеренге лучших — Кузнецкий комбинат, Новолипецкий и Череповецкий заводы, «Днепроспецсталь» и «Электросталь», Днепропетровский трубопрокатный и Первоуральский новотрубный, Днепропетровский коксохимический, Богдановичский огнеупорный заводы, Соколовско-Сарбайский, Оленегорский, Ново-Криворожский горно-обогатительные комбинаты и многие другие предприятия.

О последнем годе пятилетки. Он был для металлургов особенно плодотворным. Произведено сверх плана 620 тысяч тонн чугуна, 776 тысяч тонн стали, 796 тысяч тонн проката, 153 тысячи тонн стальных труб, добыто около 2 миллионов тонн руды. Темпы роста по чугуну, стали и прокату составили свыше 5 процентов, а холоднокатаной листовой стали — 15 процентов. Это выше, чем было в предыдущем году. В результате план 1970 года металлурги выполнили досрочно — 29 декабря. Кажется, совсем небольшое опережение — всего два дня. Но прикиньте: в сутки выплавляется в среднем 323 тысячи тонн стали. Если всю ее условно перевести в автомобили, то можно получить 300 тысяч новых машин «Жигули». А за два дня работы металлургов — 600 тысяч! Это почти годовой план автомобильного гиганта в городе Тольятти, когда он начнет действовать на полную проектную мощность. Не случайно ученые утверждают, что труд одного металлурга дает работу шести рабочим разных других отраслей промышленности.

Корреспондент. Значит, не устарела крылатая фраза Ломоносова о том, что металлургия — «предводительница к всему внутреннему богатству»?

Министр. У Ломоносова есть еще более конкретное выражение: «...не едино ремесло простое употребления металлов миновать не может» — мысль, пережившая века! Даже в нашу эпоху, эпоху чудес химии, угля, нефти и газа, по данным ООН, замена черных металлов алюминием, пластмассами, стеклом и другими материалами может возрасти в мировой экономике всего на 2—2,5 процента и составит 7 с половиной процентов. Прокат, трубы, метизы были и останутся основным конструкционным материалом для производства средств производства. Без них не может обойтись ни одно звено народного хозяйства. А все увеличивающийся спрос на черные металлы говорит о том, что диапазон их применения расширяется. Энергомашиностроение, атомная энергетика, создание космических аппаратов потребовали от нас сверхпрочных сталей. На производство металлов расходуется около пятой части всех топливно-энергетических ресурсов. Понятно поэтому, какое значение приобретает экономия сырья, средств и повышение эффективности производства. Снижение себестоимости продукции только на один процент бережет 200 миллионов рублей в год. Кстати, прибыль, которую дала наша отрасль народному хозяйству в 1970 году — свыше 4 миллиардов,— на треть больше, чем ее было в 1965 году. Способствовала этому и экономическая реформа, на которую перешли все наши предприятия.

Корреспондент. Ни в США, ни в ФРГ нет доменных печей, равных по объему советским. Чем вызвано создание больших доменных печей, таких, как на Запсибе, Череповецком заводе и Нижне-Тагильском комбинате? Экономичны ли они?

Министр. Чрезвычайно экономичны. Это видно при сравнении основных технико-экономических показателей по сооружению и эксплуатации доменных печей полезным объемом 1 033 и 2 700 кубических метров. На большой печи производительность труда при выплавке одного и того же вида чугуна на 43 процента выше, чем на малой. Кроме того, меньше расходуется топлива и сокращаются расходы на эксплуатационные нужды. В результате себестоимость тонны металла становится меньше. В расчете на один кубический метр полезного объема снижаются затраты и при сооружении большой печи: требуется меньше металлоконструкций, огнеупоров, оборудования. Строящаяся сейчас на Новолипецком заводе доменная печь будет еще более крупной и по своему объему превысит три тысячи кубических метров. В стадии проектирования печь и на пять тысяч кубометров.

Корреспондент. В капиталистических странах, в частности в Японии, наметилась тенденция к созданию сверхмощных заводов производительностью до 15—20 миллионов тонн стали в год. Предполагается ли строительство подобных заводов в СССР?

Министр. Действительно, если в недалеком прошлом оптимальным считался завод мощностью в 3—4 миллиона тонн стали в год, то сейчас оптимальной называют мощность в 8—10 миллионов, а в перспективе 15—20 миллионов тонн. Практика и теория показали, что выгодно строить не только крупные агрегаты, что характерно и для энергетики и для машиностроения, но и заводы-гиганты. В этом плане Советский Союз давно стал лидером: Магнитогорский металлургический комбинат — самый крупный в мире и не имеет пока себе равных. К нему еще не подошли ни заводы Японии, ни Соединенных Штатов. В США три завода — в Спарроуз-Пойнте, в Лакавонне и Ист-Чикаго — производят свыше 8 миллионов тонн стали в год. Реконструируется завод в Гейри, его мощность предполагается довести до 12 миллионов тонн. В Японии три крупных завода — в Тиба, Фукуяма и Мидзусима. После окончания строительства третьей очереди завод в Фукуяма должен достигнуть 15 миллионов тонн стали в год.

В Советском Союзе также происходит наращивание мощностей существующих предприятий. В дальнейшем значительное развитие получат Криворожский, Череповецкий, Новолипецкий заводы и Нижне-Тагильский комбинат. Еще больше, чем сейчас, станет Магнитка.

Корреспондент. В вашем кабинете географическая карта. Не могли бы вы показать на ней, где возникнут новые центры производства черного металла?

Министр. В Европейской части страны на Курско-Белгородском месторождении руды в этом пятилетии намечается увеличение ее добычи более чем в два раза. Там будут сооружены новые горно-обогатительные комбинаты, построят очень крупный завод производительностью до 14 миллионов тонн стали в год. Географию черной металлургии Сибири дополнят большой завод по производству листа и горно-обогатительные комбинаты на базе месторождений руды с высоким содержанием железа в Красноярском крае и Иркутской области.

Корреспондент. В Советском Союзе, как и в большинстве зарубежных стран, ускоренно развивается конвертерное производство. Расскажите о перспективах сталеплавильного дела. Какова судьба старых мартенов?

Министр. В прошедшей пятилетке произошли коренные качественные изменения структуры советского сталеплавильного производства. Мартеновский процесс по объему производства сохраняет пока ведущее положение. Но все больший удельный вес начинает занимать выплавка стали в кислородных конвертерах и электропечах. Эти агрегаты великолепно сочетаются с установками непрерывной разливки стали, преимущества которых неоспоримы: улучшается качество металла, повышается выход годного проката. За пять лет было введено в эксплуатацию 19 конвертеров. Самые крупные из них — емкостью по 250—300 тонн — работают на Карагандинском металлургическом комбинате. Доля кислородно-конвертерной стали возросла в общей выплавке ее в четыре раза. В последующие годы это соотношение должно быть удвоено. Наши ученые разрабатывают технологию выплавки высоколегированных марок стали в конвертерах. Пока их можно было получать только в электропечах. Расширяется также вакуумно-дуговой и электро-шлаковый переплав и выплавка металла особой чистоты в вакуумных индукционных электронно-лучевых и плазменных печах.

Что ждет мартены? В больших печах будет интенсифицироваться процесс плавки. Ведется поиск новых конструктивных решений. В порядке эксперимента в Магнитогорске и Череповце три обычные мартеновские печи переделаны в двухванные. На одной из этих печей на Магнитогорском комбинате выплавлено в прошлом году рекордное количество стали — около 1 150 тысяч тонн — столько выплавляет иной завод. Судьба старых, малопроизводительных, немеханизированных мартеновских печей предрешена: они пойдут на слом, ибо дальнейшая их эксплуатация нерентабельна.

Корреспондент. Если я вас правильно поняла, то блюминги и слябинги, так же как и мартеновские печи, больше в Советском Союзе строиться не будут. Что же нового ожидается в прокатном производстве?

Министр. Вместо блюмингов и слябингов преимущество будет отдано установкам непрерывной разливки стали. На заводе «Азовсталь» ведется строительство крупнейшего толстолистового стана, изготавливаемого по заказу Советского Союза в Чехословакии. Он даст широкий — до 3 300 миллиметров — лист, который пойдет на судостроение, промышленное строительство и другие нужды. Широкополочный листовой стан большой производительности появится на Череповецком заводе. Стан широкополочных балок будет построен на Нижне-Тагильском комбинате. В новой пятилетке большее развитие получит прокатное и трубопрокатное производство. Для многих станов характерно оригинальное конструктивное решение, высокая степень автоматизации и механизации труда. Италия, например, закупила нашу лицензию на стан холодной прокатки труб.

Корреспондент. Да, безвозвратно прошли те времена, когда англичанин Юз, владелец завода в Донбассе, утверждал, что русским нельзя доверять доменную печь...

Министр. Сколь неосмотрительное, столь и неосведомленное заявление, свидетельствовавшее о незнании русской истории! За три четверти века до Юза сама Англия покупала в России металл, выплавленный на уральских заводах. Теперь Англия тоже покупает у нас металл, покупает ферросплавы, руду и некоторые виды металлопродукции. Англия осуществляет и научно-техническое сотрудничество с нами по линии черной металлургии.

Сейчас со многими развитыми государствами СССР ведет разговор о достижениях металлургии на равных. Десятки лицензий на советские изобретения в области черной металлургии куплены зарубежными фирмами. Системы и узлы испарительного охлаждения доменных печей куплены фирмами Японии и ФРГ; установки непрерывной разливки стали — фирмами Японии и Индии; технология по теплой прокатке труб — двумя фирмами Швеции. В нашу страну, на наши заводы едут специалисты за опытом и техническими новшествами.

Корреспондент. Недавно в Париже вами был подписан протокол об участии СССР в строительстве металлургического комплекса во Франции. Что он будет собой представлять? Каковы масштабы технической помощи, оказываемой СССР другим странам?

Министр. В первой половине ноября 1970 года советская делегация металлургов и машиностроителей побывала во Франции, где обсудила с соответствующими организациями вопрос об участии СССР в строительстве металлургического комплекса. В результате этих переговоров был подписан протокол.

На юге Франции, в городе Фос, расположенном в 40 километрах от Марселя, будет сооружен металлургический завод. Предполагаемая мощность его — 8—10 миллионов тонн стали в год. Мы могли бы участвовать в проектировании и поставке оборудования во всех металлургических переделах. Сейчас французские и советские технические эксперты рассматривают конкретные технические вопросы нашего участия в строительстве этого комплекса.

Советский Союз оказывает техническую помощь в строительстве еще 26 металлургических предприятий в 14 зарубежных странах. Среди них, между прочим, Швеция, известная всему миру качеством своей стали. Советские специалисты примут участие в сооружении в Швеции доменной печи. Общая мощность заводов, построенных и строящихся с помощью Советского Союза в зарубежных странах, составляет около 30 миллионов тонн стали в год.

Корреспондент. Есть еще одна область, которой вы не касались: она менее всего поддается языку цифр. Я имею в виду рост людей таких героических профессий, как доменщики, сталевары, прокатчики...

Министр. Глубокие принципиальные изменения, происходящие на разных стадиях рождения металла, самым тесным образом связаны с обликом современного рабочего металлургического завода. Сегодня можно назвать немало профессий, описание которых встречается лишь в справочниках или в художественной литературе,— катали, коногоны, проберы... Эти профессии давно исчезли. Процесс отмирания тяжелых и опасных ручных профессий, требующих большой затраты физических сил, продолжается и в наши дни. Все меньше становится, например, крючечников и петельщиков, заправляющих заготовку из одной клети прокатного стана в другую. На Магнитогорском металлургическом комбинате, в частности, да и на многих других заводах труд людей полностью заменили обводные аппараты. За работой аппарата наблюдает вальцовщик. На коксохимическом производстве Череповецкого металлургического завода «упразднили» люковых и дверьевых — их заменили механизмы.

Новая техника не только изменила характер и условия труда, но предъявила повышенные требования и к самому рабочему — к его профессиональной и общеобразовательной подготовке. У доменных, мартеновских печей, на прокатных станах трудятся, как правило, люди со средним техническим, а иногда и высшим инженерным образованием. Это касается прежде всего горновых, сталеваров и их подручных, вальцовщиков и операторов — специалистов ведущих профессий. На наших предприятиях число рабочих только со средним образованием увеличилось за последние годы в 2,5 раза. Куда бы вы ни поехали — на заводы Донбасса или Урала, Сибири или Центра,— в редкой бригаде не встретите рабочих, которые не учились бы, скажем, в вечерней школе, техникуме или в вузе. Четвертая часть всех работающих повышает свою квалификацию непосредственно на производстве. Для этого на наших заводах открыты тысячи аудиторий, технических кабинетов, лабораторий, учебно-производственных цехов и участков. Словом, такого широкого охвата учебой, особенно среди молодежи, такой тяги к знаниям, как сейчас, никогда еще не было.

Разумеется, что повышение технического и общекультурного уровня рабочего, его профессионального мастерства существенно влияет на производство. Взаимосвязь здесь прямая: чем грамотней, технически крепче подкован человек, тем он быстрее подмечает изъяны в технологии, несовершенства в оборудовании и стремится обеспечить их улучшение, тем полнее раскрывается такое его качество, как преданность своему делу, преданность до самоотверженности. Творческий подъем, инициатива приобретают массовый характер. Особенно ярко это выразилось в дни социалистического соревнования, посвященного 50-летию Советской власти и подготовке к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Коллектив Западно-Сибирского металлургического завода поднял знамя всенародной борьбы за быстрейшее освоение проектных мощностей агрегатов. Коллектив Магнитогорского комбината выступил зачинателем социалистического соревнования за повышение технического прогресса.

С небывалым трудовым накалом трудятся металлурги накануне предстоящего XXIV съезда КПСС. Все наши предприятия по почину коллективов завода Новолипецкого металлургического и «Азовстали» заступили на ударную вахту.

В народнохозяйственном плане и Государственном бюджете СССР на 1971 год названы те отрасли промышленности, которые определяют технический прогресс, повышение эффективности народного хозяйства и будут развиваться опережающими темпами. К ним относится и черная металлургия. Поэтому к ней предъявляются сейчас особо высокие требования. Мы наметили в 1971 году весь прирост производства продукции получить за счет повышения производительности труда.

Западно-Сибирский металлургический завод имени 50-летия Великого Октября — инициатор досрочного освоения проектных мощностей. Недавно наиболее отличившиеся участники его строительства и лучшие металлурги были награждены орденами и медалями.

Фото Г. КОПОСОВА.

ФОРМУЛА ЖИЗНИ

На Череповецком металлургическом заводе в минувшей пятилетке вступил в строй электросталеплавильный цех. Комсомолец Геннадий Калмыков, оператор установки непрерывной разливки стали.

Продолжение см. на стр. 17.

ФОРМУЛА ЖИЗНИ

Г. ВЛАДИМИРОВА

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Случилось так, что Леонида Сергеевича Степанова я не застала дома и решила подождать его. Анна Алексеевна, симпатичная статная женщина с лукавинкой в глазах, проводила меня в кабинет мужа. На столе — книги. Итак, я наедине с книгами человека, живущего здесь, которого еще не видела, но о котором отчасти уже наслышана. Думаю, он не осудит меня, если в его отсутствие я познакомлюсь с его книгами. Одна из них, что посередине, так и осталась раскрытой: видимо, ее недавно читали. Книгу прикрывали исписанные листки. Зеленый переплет показался мне знакомым. Да, так и есть — «Начальный курс научного коммунизма». Присутствие его здесь понятно: партучеба. Степанов — коммунист. Вторая книга в виде брошюры несколько неожиданна — «Краткий справочник председателей товарищеских судов». Кто председатель в этом доме?

Только я хотела обратиться за разъяснением к Анне Алексеевне, как из гостиной припопал белоголовый и голубоглазый Сережа, степановский внук, а за ним показалась и бабушка.

— Отведайте наших пельменей, сибирские. Леша что-то запаздывает, а время ужинать,— предложила Анна Алексеевна.— Кто судья у нас? Да Леша же! Недавно избрали. А тут и дело подоспело. Вот и готовится.

Пельмени, конечно, это хорошо! Особенно когда они домашние и выполнены по всем правилам искусства, как это умеют делать только в Сибири. Но мне не терпелось получить комментарии и к третьей книге, лежавшей тут же, рядом с судейским справочником. Объемистая и толстая, она называлась «Технология металлов». Может быть, Леонид Сергеевич — студент-вечерник или заочник?

— Ну, куда нашему деду в студенты! — рассмеялась, подхватив на руки любимца, Анна Алексеевна.— Правда, дедуля у нас еще не окончательно старый, всего-то ему сорок пять, но до института не дотянулся, не пришлось. В сорок седьмом подали они с Семеном, моим родным братом, в Магнитогорский индустриальный техникум. Но не отпускали их с завода...— Что-то не договаривая, умолкла Степанова.— Сеня, однако, вырвался. Теперь начальник прокатного отделения на холодном стане. Так вы про «Технологию металлов»? Эта книга брата. Леша у Семена ее взял почитать.

— Простите, как фамилия вашего брата?

— Нагаев...

Ну, конечно, именно с ним в цехе холодного проката я и разговаривала! Невысокого роста, коренастый такой, с сединой в темных волосах, интеллигентное лицо. Глядя на Анну, я еще подумала: кого же она так напоминает? Отвечая на мои вопросы, Нагаев скупо рассказывал о себе. Сам он забайкальский. В начале войны учился в ремесленном. Между прочим, тогда и подружился с одним пареньком, который приехал вместе с эвакуированным из Запорожья училищем в Петровск-Забайкальский. Вместе в техникум на Магнитку собирались. Да все карты спутала сестренка, что приехала погостить. Работала она тогда на мясокомбинате в Улан-Удэ, в колбасном цехе. Девчонка огонь была, бойкая, комсомолка. «И из-за нее ваш друг и остался в Петровске-Забайкальском»,— подсказала я финал этой истории Нагаеву, не зная еще, куда приведут меня журналистские дороги. «Ну, конечно же, из-за нее!» — со смехом согласился Нагаев. И вот сейчас разговор с Анной Алексеевной. «Ах, и хитрющая!» — внутренне улыбалась я.

А Нагаев с тех пор пошел и пошел в гору. После техникума — на комбинат. Магнитка была для него классической школой прокатного дела, и когда в Череповце стал расправлять плечи младший собрат Магнитки, Министерство черной металлургии направило Нагаева на стан «1700» (его только начинали монтировать). Сейчас репутация этого стана чрезвычайно высока. Я видела, с каким нетерпением ждут тонкий холоднокатаный череповецкий лист автомобилестроители города Тольятти, как спорят из-за него заводы. Да что заводы — страны! Этот лист нарасхват покупают для автомобиле- и приборостроения Англия, Финляндия, Италия, Дания, Швеция, Куба, Индия, Кувейт... К слову сказать, высокое качество — одно из главных достоинств завода, приносящее ему миллионные прибыли.

Мне было приятно познакомиться с начальником прокатного отделения, дающего металл такого высокого класса. И теперь, беседуя с Анной Алексеевной, мне вдвойне приятно узнать, что Нагаев не забыл своего старого друга. Это по его совету Леонид Сергеевич перекочевал в Череповец.

Пришел хозяин дома. Ходил, оказывается, по магазинам, снасти для подледного лова подбирал. Кроме лыж (а в Череповце на лыжах не ходят разве только грудные младенцы), у него любимое зимнее занятие — рыбалка.

Леонид Сергеевич темноволос, с лицом, напоминающим бравых казаков из Запорожской Сечи; не хватает лишь лихо закрученных усов. Ростом высок, строен, но как-то скован, медлителен и в разговоре...

— Так вы по поводу реформы? Про трех китов, как вы говорите, хотите узнать?.. Древние люди считали, что на трех китах наш шарик держится. Так? И у реформы вроде бы тоже три кита: фонды развития производства, материального поощрения, социально-культурного строительства. Силища! Мы, рабочие, это оценили. Взять хотя бы фонд развития производства. Видели наш стан «280»? Катанку высшего качества дает, из нее канаты делают. Беда была с этой катанкой! Очень много металла уходило в окалину. До тридцати килограммов на тонну. Министр в марте прошлого года дал задание снизить потери в три раза. И что же? Снизили больше. А как красиво придумали!

Степанов из бумаги свернул тоненькую трубочку, вложил в нее карандаш:

— Вот и вся хитрость. По трубе летит вода под большим напором, и с такой же скоростью — тридцать метров в секунду — катанка выскакивает из последней клети. Металл охлаждается быстро и не успевает окислиться. Окалина-то и не получается. Огромная экономия стали и кислоты, которая нужна была другим заводам для сбивки окалины. Ну, а про весь завод я вам не скажу.

«Про весь завод» и про то, как используется фонд развития производства, рассказывал мне главный инженер Михаил Григорьевич Ананьевский.

Он говорил о реконструкции самого производительного в стране блюминга, и перед глазами вставали оранжево-слепящие кратеры нагревательных колодцев, построенных дополнительно, и тележки, бесконечно снующие по эллипсу слиткоподачи. Он называл «ГУБТ-8» — газовую турбину на 8 тысяч киловатт, которая остроумно использует отработанный доменный газ для получения электрической энергии. Я уже знала, что на этой даровой для завода энергии работают многие агрегаты. Он говорил о тепловозах, заменивших паровозы, о машинах, пришедших в мартеновский цех, об электронно-вычислительной машине «Минск-22», купленной из средств того же фонда,— она должна обслуживать холодный прокат. И не без гордости сообщил, что фонд развития производства позволил осуществить долго вынашиваемую мечту: построить цех теплоизоляционных вкладышей. Обойдется цех в полтора миллиона рублей. Зато ежегодная экономия металла — десятки тысяч тонн. Чистая прибыль государству! Так технический прогресс великолепно сочетается с новой системой хозяйствования.

Все это пришло сейчас на память, когда я разговаривала со Степановым о реформе. В его рассказе удивительно переплетались все три кита — что дает реформа для развития производства и что дает она ему, рабочему.

— Вот, к примеру, моя квартира. Нравится? Хорошая, три комнаты. Мы ее в шестьдесят четвертом получили. Теперь семья выросла. Молодые должны скоро отделиться. Обещают им отдельную квартиру. Вот вам и фонд социально-культурного развития. Из него комбинат деньги берет на жилищное строительство. На профсоюзном собрании называли нам такую цифру: две тысячи восемьсот восемьдесят заводских семей справили новоселье за пять лет. Немало. Но дефицит на жилье еще большой. Зато проблему детских садов завод решил окончательно. Теперь все ребятишки до единого в детсадах. Очереди нет. Что я еще получаю из фонда? Туристические путевки. Каждый год. Льготные. Юра отдыхал на каникулах в спортивном лагере в Торове, там наш однодневный дом отдыха. Лыжная база на берегу Шексны, видели? Наша, заводская. В Крыму возле Судака база отдыха «Северянин» создается! А наш пионерский лагерь, представленный на ВДНХ! Это же не просто лагерь. Вологодский «Артек»...

— А «Алмаз»? Как же ты про «Алмаз» забыл? — забеспокоилась терпеливо молчавшая Анна Алексеевна.— Наш спортивно-концертный зал. На пять тысяч мест. Очень красивый. Искусственный каток имеет. Ленинградский балет на льду приезжал. «Алмаз» завод построил.

— Я уже вам говорил, что фонды — это могучая сила,— продолжает Степанов.— И не терплю, когда какой-нибудь паренек, работающий с прохладцей, случаем бухнет: «Что мне реформа? Это вы про «тринадцатую»? Так я ее и не получал». «Тринадцатой» называют у нас годовую премию, ее в феврале по итогам работы за год из фонда материального поощрения присуждают. Да, такому работнику она и не положена. И правильно, что он ее не видал. Но ведь не только в одной «тринадцатой» дело. Вот о чем надо помнить! Премудрость реформы в том, что она сумела спросить с каждого. Вы у нас в цехе были?

В цехе на стане я не узнала Леонида Сергеевича, точно его подменили. От медлительности и скованности не осталось и следа. Знакомая высокая фигура мелькала то у одной клети стана, то у другой. Всего их здесь четырнадцать, а вальцовщиков восемь, Степанов среди них старший, значит, и за себя и за них в ответе. И не только потому, что старший. Он заместитель партгрупорга.

Чаще всего он останавливался на мостике под козырьком возле чистовой клети и, освещенный багровыми отблесками раскаленных заготовок, следил, как они ярко-красными молниями скользят по узким коридорам рольгангов. На кого он сейчас был похож? Мне показалось, что на футбольного вратаря в напряженном ожидании мяча. Степанов вчера мне рассказывал, что в юности никак не мог приучить себя к работе на стане. К концу смены ноги буквально подкашивались. Помог ему спорт. Тренер принял Леонида в футбольную команду, нашел в нем спортивные задатки. После смены молодой вальцовщик шагал на стадион, стоял в воротах городской сборной. Капитаном команды был. С тех пор на всю жизнь сохранилась в нем спортивная выправка.

После окончания смены мы поднялись с Леонидом Сергеевичем на третий этаж бытовки — к экономисту цеха Нине Ивановне Шабалиной и расчетному бухгалтеру Зое Ивановне Куприной. Посмотрели расчетные книжки рабочих, и выяснилось, что каждый месяц то за экономию металла и электроэнергии, то за качество проката набегает рублей по 15—20. В год, если сложить надбавки, получается вроде бы еще одна зарплата. Это, конечно, у человека, работающего на совесть, с полной отдачей, передовика, как сказал Степанов. Такого и на доску почета рекомендуют, чтоб ему было и признание всеобщее и уважение.

Почет, всеобщее признание... Коммунист Степанов считает, что без такого морального стимула ни один, самый что ни на есть материальный, не в полную силу действует.

У самого Степанова, почетного металлурга, я, разумеется, не спрашивала, сколько раз его портрет красовался в разных красных углах завода. Зная, что он все равно ответит что-то неопределенное о себе, я выяснила заранее: четырежды заносился на заводскую доску почета и был удостоен чести присутствовать в городской галерее трудовой славы.

— Вот и выходит,— улыбается Степанов,— что реформа не на китах, а на людях держится! Теперь я вам отвечу на вопрос, который вы Анне про «Технологию металлов» задавали. Зачем, мол, этот вузовский учебник понадобился? Инженерный диплом мне вроде бы ни к чему теперь. Это верно. А вот кое-какие инженерные знания нынешнему рабочему нужны. Необходимы! На заводе набирает силу новый цех — электросталеплавильный. Скоро своя легированная сталь пойдет. Наш стан будет катать высокопрочную арматуру для строительства в северных районах страны. Так вот, мне, вальцовщику, нужно знать заранее, как себя поведет специальная сталь в прокате. Какие у нее особенности. Стоять на одном месте в наше время никак нельзя. В этом я и вижу смысл, главную формулу жизни.

В Череповце, городе металлургов.

БЕРЕГИТЕ ДРУЗЕЙ

Спокойно. Задушевно.

Знай всегда вражде и дружбе це-ну. Ты судом поспешным не греши.

Гнев на друга, может быть мгновенный, изливать покуда не спеши.

Может, друг твой сам поторопился и тебя обидел невзначай,

провинился друг и по-вин-нил-ся — ты ему греха не поминай.

Провинился друг и по-вин-нил-ся — ты ему греха не поминай.

-зей.

Слова Р. ГАМЗАТОВА.

Музыка А. ЭКИМЯНА.

Перевод с аварского Н. ГРЕБНЕВА.

Знай всегда вражде и дружбе цену,
Ты судом поспешным не греши.
Гнев на друга, может быть, мгновенный,
Изливать покуда не спеши.

Может, друг твой сам поторопился
И тебя обидел невзначай,
Провинился друг и повинился —
Ты ему греха не поминай.

Люди, мы стареем и ветшаем,
И с теченьем наших лет и дней
Легче мы своих друзей теряем,
Обретаем их куда трудней.

Если верный конь поранил ногу,
Вдруг споткнулся, а потом опять —
Не вини его, вини дорогу
И коня не торопись менять.

Я иных придерживался правил,
В слабости усматривая зло.
Скольких в жизни я друзей оставил,
Сколько от меня друзей ушло!

И теперь я всех вас видеть жажду,
Некогда любившие меня,
Мною не прощенные однажды
Или не простившие меня.

Люди, я прошу вас, ради бога,
Не стесняйтесь доброты своей.
На земле друзей не так уж много,
Опасайтесь потерять друзей.

Валентин СОРОКИН

Я СТОЯЛ У ОГНЯ

Я стоял у огня
На гранитном Урале,
Потому у меня
Руки темными стали.

Я стоял у огня,
Где стихия клокочет,
Потому у меня
Прямо подняты очи...

Я стоял у огня
Между тьмою и светом
Потому у меня
Возле сердца планета.

Я стоял у огня
В миг рожденья булата,
Потому у меня
Путь-дорога крылата.

НОВЫЙ ПОРОГ

То речушка, то ягодный лог,
То огня соловьиного чаша.
И не видно тележных дорог:
Омашинилась Родина наша.

Был когда-то ты, конь, знаменит,
И скакал ты за временем смело.
Человек устремился в зенит
От порога иного предела...

Он достигнет любой высоты,
Коль движение разума вечно.
Лишь бы только земные цветы
Под ногами толпились беспечно.

ДУША ЗЕМЛИ

Природа своенравна и щедра:
Рокочет гром, но солнечно с утра.
Кусты чисты, росисты и густы,
Огонь озер от нас за полверсты,—

Трепещет он, карминно-голубой,
По лугу конь бредет на водопой.
И облаков неспешный перелет,
И дождь звенит, и соловей поет.

И тишина, такая тишина,
Душа земли как будто бы слышна,
Лишь пожелай, и ты ее найдешь,
Она свернулась, как хвоистый еж,

И отдыхает, травами шурша.
...Гудки машин. И дым у шалаша.
И облаков неспешный перелет,
И дождь звенит, и соловей поет.

БАГРЯНЫЕ СОЛОВЬИ

БАГРЯНЫЕ СОЛОВЬИ

«Все из огня, и все уйдет в огонь!» —
Мой дед, бывало, молвит на гулянке...
И высекала глыбная ладонь
Огонь любви из крохотной тальянки.

Огонь любви к березам и полям,
К застенчивой, девчоночьей улыбке,
К нахимовским бесстрашным кораблям
И к русичам, что полегли у Шипки.

Но умер дед внезапно ясным днем,
Прославя мир гармошкой и делами.
И я зажег в знак памяти о нем
Огромное, неистовое пламя.

Оно вскипает, яростно звеня,
Гудит и стонет, как в грозу антенна.
И полонила юного меня
Клокочущая музыка мартена.

Огонь, огонь — то розовый с краев,
То рыжий под седыми небесами.
От всполохов, багряных соловьев,
И жуткий свет и тьма перед глазами.

О соловьи, жестокие огни
Искрящейся, далекой звездной пыли...
Как я боюсь,
чтобы меня они
В нежданный миг совсем не ослепили.

РАБОЧЕЕ ОБЩЕЖИТИЕ

В Челябинске были студенты-практиканты из Кореи. Особо запомнился Као Лян, с которым я работал в прокатном, в мартеновском и в других цехах.

1

Руда скоченела, в пролете аврал,
Попробуй, побей-ка баклуши.
Опять взбунтовался нежданно Урал,
На город бураны обрушив.

В промасленных бочках твердеет мазут.
И, двери с трудом раскрывая,
По шпалам к заводу уныло ползут
В куржачном убранстве трамваи.

И шутит в толпе балагур пассажир:
— Прощай, канареечка Дуся,—
Хоть Южный Урал,
а язык покажи,
И вмиг морозяка откусит!..

Но мы сталевары, и мы тягушшей [1],
А вот с корейчонком бедово:
Продрог — от подошв и до сизых ушей,
Гремит полушубок бордовый.

Цеха, что эскадры, недаром они
Сердито нацелили трубы.
И гребни кипучие ратной брони
В пороги толкаются грубо.

2

Бросаю шуровку, от устали пьян
И мокрый от доброго пота,
Звоню на контрольный:
— Ал-ло, Као Лян,
Работа?..—
Смеется:
— Рабо-ота!..

Смеркается, кто-то свернет в магазин;
Поправив струну на гитаре,
Смущенно вздохнет о Тбилиси грузин.
Взгрустнет
о Казани татарин.

Мордвин и башкирин, удмурт и казах —
Одно общежитье и дело.
У всех заиграла веселость в глазах.
Глядишь — и закуска поспела...
Поземкою вялой шуршит темнота.

И много же
все-таки
значит,
Когда перед тостом помянут Шота,
Тарас наяву промаячит.

И Пушкин кудрявый протянет ладонь.
Есенин...
Повеют березки...
Здороваясь громко, на поздний огонь
Заявится сам Маяковский!..

3

Рабочие хлопцы советской земли —
Не подлые распри былого,
Под кровлю
торжественно мы принесли
Народа родимого слово.

И предков лихих изначальную честь,
Станиц и аулов приметы.
Спроси-ка попробуй:
— Безвестные есть? —
В сто глоток бы грянули:
— Нету!

За нами — Урал и российская ширь,
Союз, а не так, беспричинно
Сегодня любой металлист — богатырь.
А ты, Као Лян, молодчина!

Грядущий кудесник, шаман ремесла,
Литейщик фартовый, а хочешь —
Подыщем невесту, чтоб крепче вросла
В тебя солидарность рабочих?

За нашим просторным и братским
столом
Мы знатную свадьбу закатим,
Дождешься ты сына,
получишь диплом —
Уедешь челябинским зятем...

[1] Выносливей.

ЛИСЕНОК

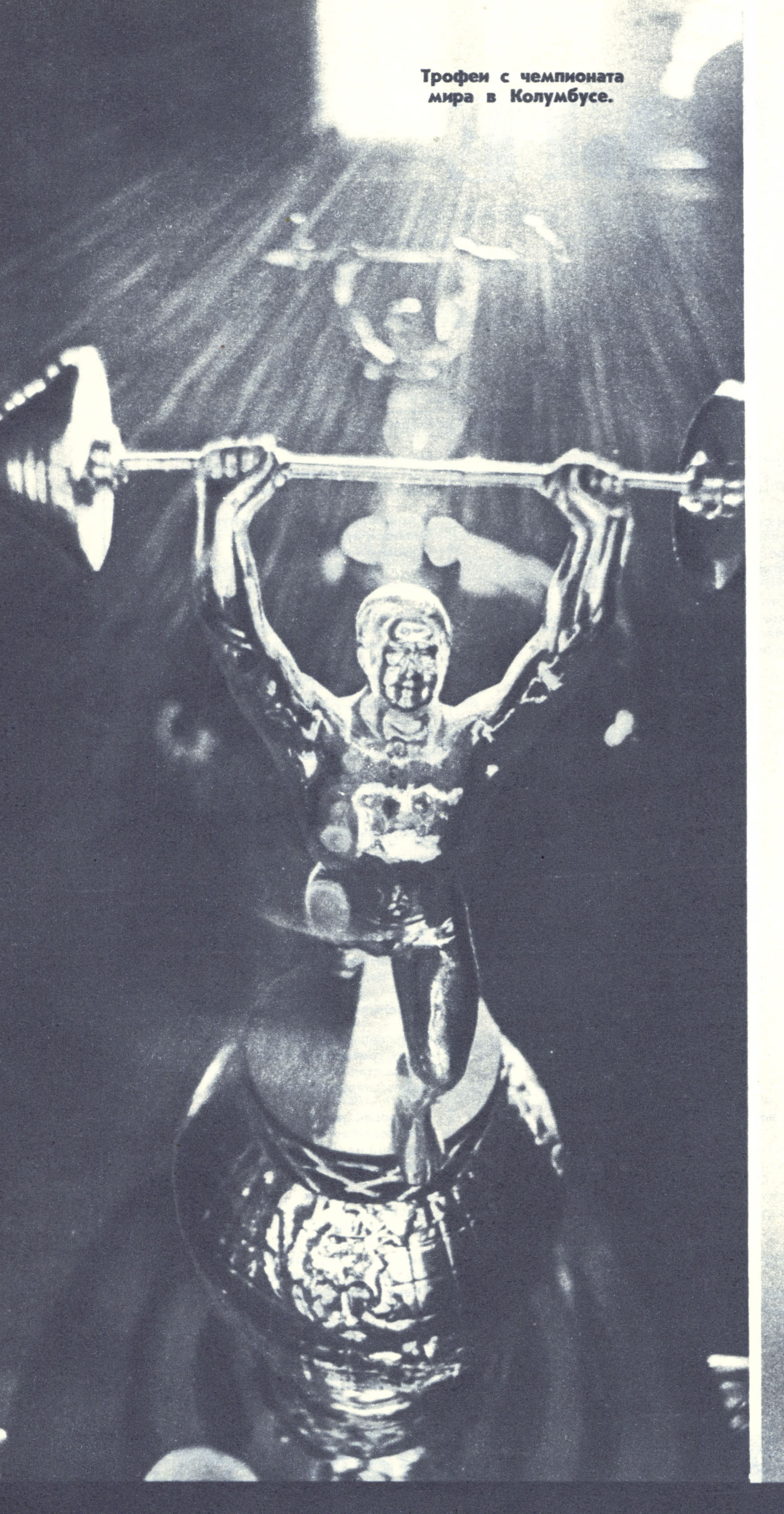
И духота. И хмарь.
Скрипит валежник сухо.
То ль филин,
то ль глухарь
Затрепыхался глухо.

То ль леший-дуболом,
Твоих тревог виновник,
Прошастал напролом
Через сплошной ольховник.

И соловей замолк.
Расплескивая алость,
Зарница на улог
Торжественно взбиралась.

И прямо на меня
С холма
сходил
степенно
Лисенок — брат огня,
Что, может, из мартена
Сбежал, когда в ночи
Утишен гнев металла,
И мастер у печи
Прищурился устало...

Трофеи с чемпионата мира в Колумбусе.

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

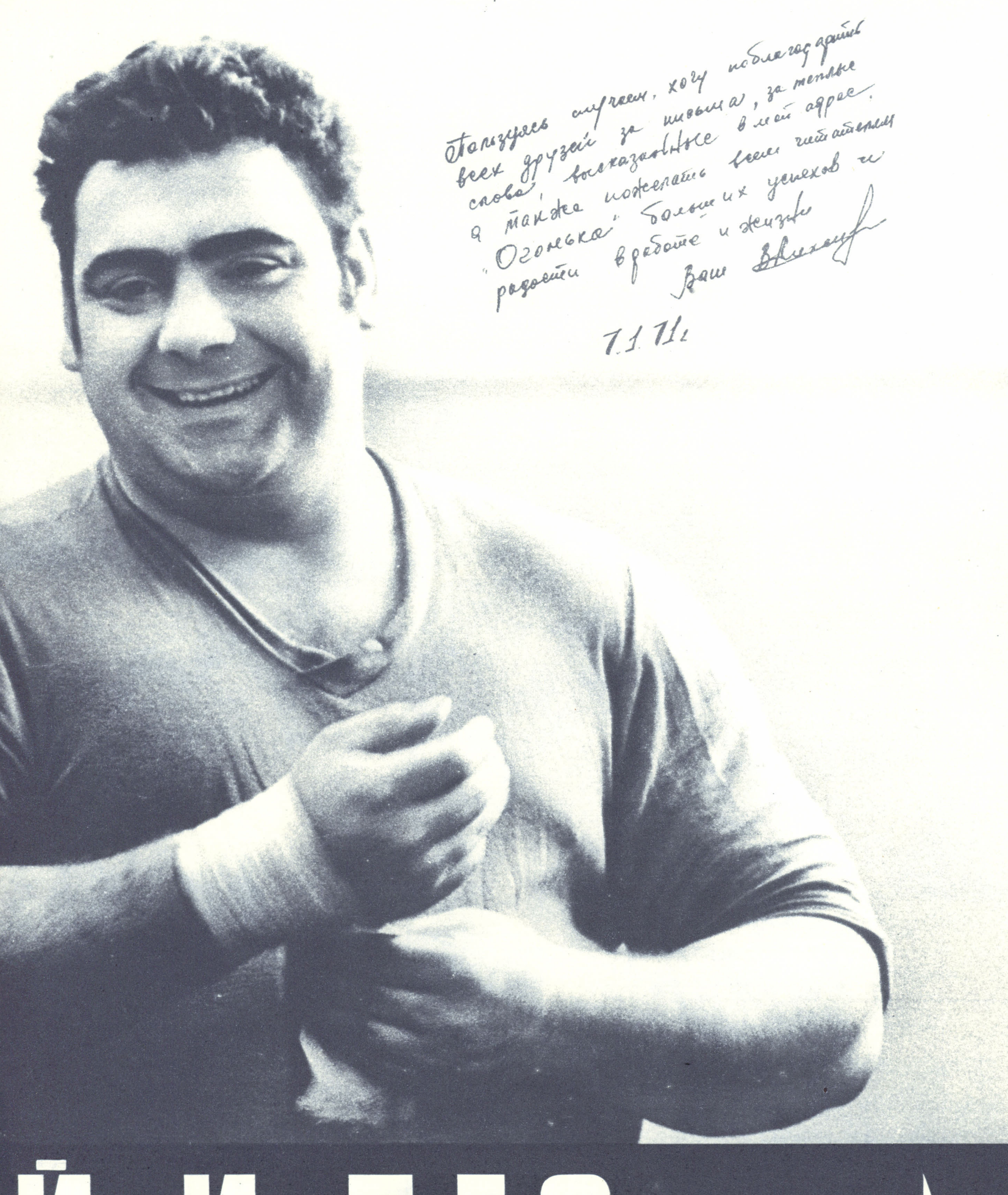
Фото автора.

Вскоре после Нового года наш корреспондент побывал в городе Шахты, в гостях у двадцатишестикратного рекордсмена, чемпиона мира, лучшего спортсмена СССР 1970 года Василия Алексеева.

КОРРЕСПОНДЕНТ. У вас большая почта. Ответить на все письма, а тем более на все вопросы, содержащиеся в них,— нелегкое дело, если вообще возможное. Разрешите мне облегчить вам эту задачу. Я задам несколько вопросов, которые встречаются в письмах, а ответы на эти вопросы будут опубликованы в журнале.

Итак, первый вопрос шутливый. Вы самый сильный человек планеты. Ни ранее, ни сейчас сильнее вас никого не было (во всяком случае, официально не зарегистрировано). Но земля славилась богатырями, водились они и на Руси — Илья Муромец, Микула Селянинович, Никита Кожемяка. Могли бы вы себя поставить на их место, а их на свое? Помериться с ними силами по условиям сегодняшних соревнований? А главное, так ли романтичны для вас эти образы, или сказка померкла?

СО ШТАНГО

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить
всех друзей за письма, за теплые
слова, высказанные в мой адрес,
а также пожелать всем читателям
«Огонька» больших успехов и
радости в работе и жизни
Ваш
7.1.71 г

Й И БЕЗ...

Наш дядя Вася.

АЛЕКСЕЕВ. Не вспомню, кому принадлежит выражение: «Все мы вышли из детства». А детство — это и сказки. Злые и добрые волшебники, действующие в них. Богатыри, умом, ловкостью и силой одолевающие зло. Кто в детстве не ставил себя на их место, не хотел помочь им в ратном ли деле, в великотрудной ли работе? И, как все мальчишки, я помогал им... так сказать, заочно. Не знаю, от сказок ли, или от всегдашнего стремления к борьбе, что всегда отличает мальчишек, я, конечно, хотел быть сильным. Не как Илья Муромец или какой другой былинный герой, а просто хотел ощущать свою силу, физическую крепость.

Не могу сказать, что в детстве я был слабее других. Наверное, не слабее. И стремление к большой силе не было единственным, к чему сводились мои помыслы. Скорее наоборот: игры мне нравились живые, подвижные. Я увлекался легкой атлетикой (мой личный рекорд —180 сантиметров в высоту, и это уже при хорошем весе в 100 килограммов). Я и сейчас не против таких, например, игр, как волейбол. Чем не удовольствие пробить тройной блок? Опять же говорят, что я прыгуч (разумеется, при скидке на мой вес). Так что, можно сказать, к тяжелой атлетике я пришел, сквозь горнило легкой и имея уже некоторый стаж спортсмена... Но вернемся к вашему вопросу, к сказочным богатырям. Мое отношение к ним, если проводить какие-либо сопоставления,— это отношение сыновнее. Былинные герои — это наши корни, которые всегда питали и будут питать нас, нашу уверенность, наше стремление к победе. Это корни, идущие в глубь русского народа, русского человека. Помериться силами в товарищеском, дружеском поединке? Пожалуй, отцы не одобрили бы отказ. Да и не в правилах спортсмена уходить от честного поединка. Только одно условие — не на конях, в седле, тут я не мастак. Что же касается остального— пусть победит сильнейший...

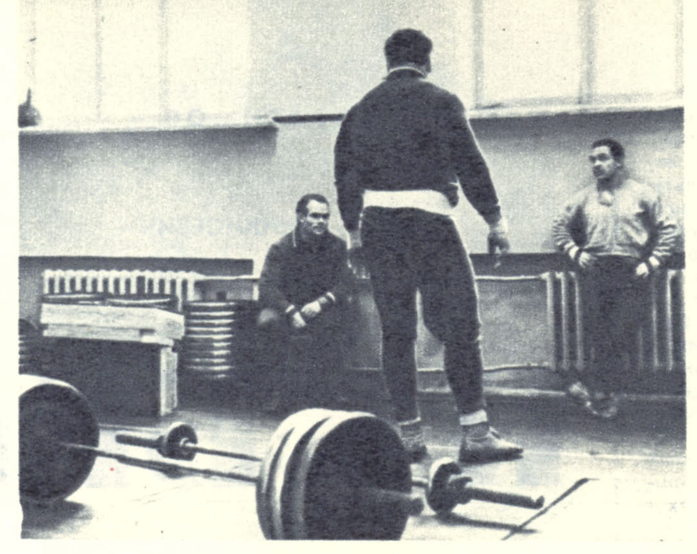
КОРРЕСПОНДЕНТ. Сегодня, когда я задаю эти вопросы, вам исполнилось 29 лет. Сколько это — много или мало? Для спортсмена вообще? Для тяжелоатлета? Для вас лично? Золотым возрастом для мужчины, возрастом зрелости, возрастом расцвета физических и духовных сил считался возраст 33 года. Сместилась ли в наше время эта граница?

АЛЕКСЕЕВ. Возраст спортсмена — вопрос дискуссионный. В попытках найти ответы на него уже поломано немало копий. Сегодня мне 29 лет. Может быть, для некоторых видов спорта — это уже предел. Для штангистов, особенно для тяжеловесов,— это возраст расцвета. Формирование тяжеловеса только заканчивается к 26—27 годам, и лишь дальше начинается настоящая работа.

Вы говорите о поре расцвета. К сожалению, в спорте обычно спад наступает вслед за высшей точкой. Предугадать этот критический момент очень трудно. Во всяком случае, в отношении себя я этого сделать не берусь.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Есть ли граница между спортом и физкультурой? А если есть, удается ли не переступать ее? И так ли уж плохо, если ее переступишь?

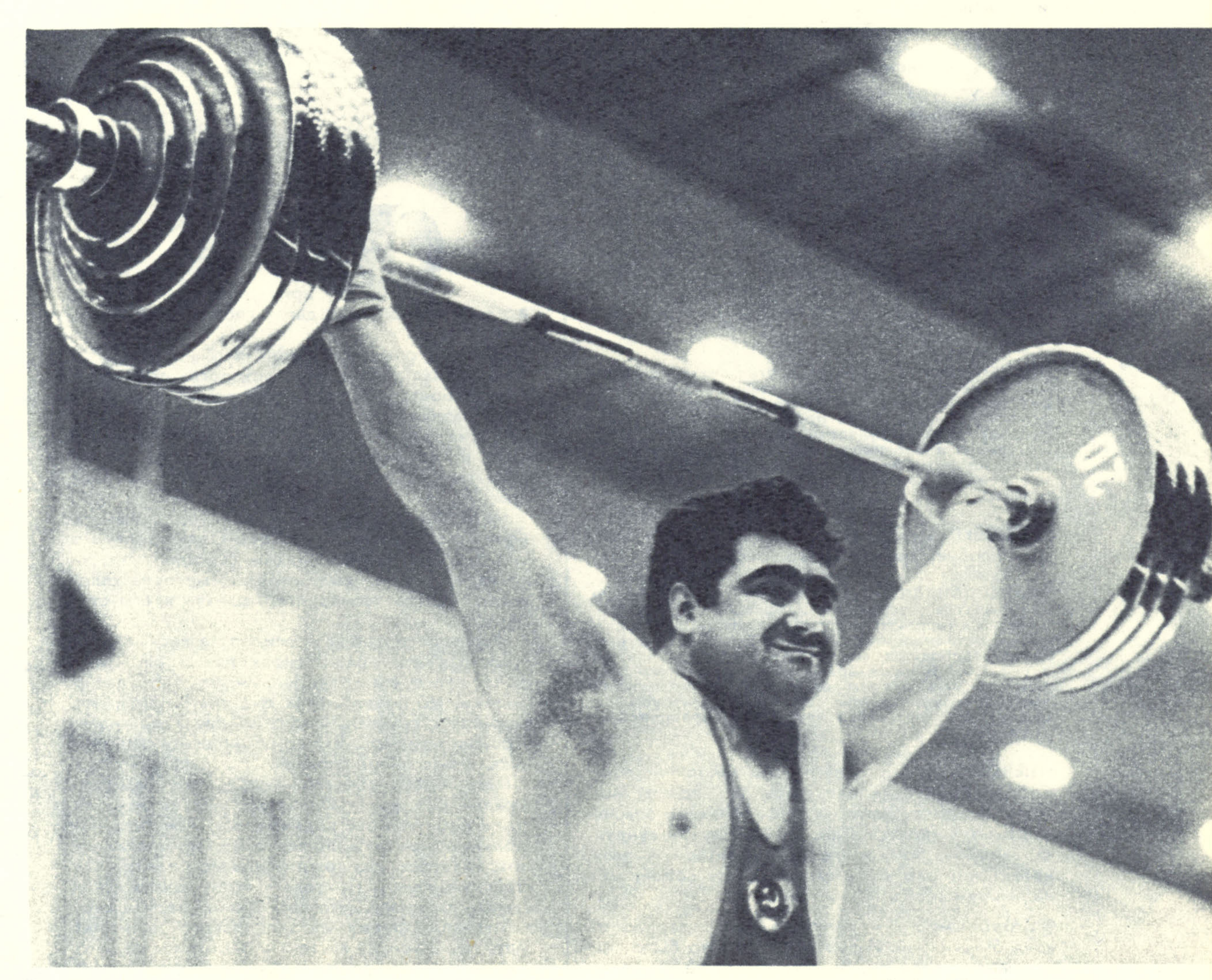
АЛЕКСЕЕВ. Разницу я определяю так: физкультура — это то, что не

В крайних весовых категориях.

Марки разных стран.

Вес взят! **Фото В. Кутырева.**

Что нового на книжной полке!

Сегодня Дима и Сережа «качают» пресс.

в ущерб здоровью. Спорт — это соревнование, это борьба. А в борьбе возможно всякое. И для меня начинается спорт только на соревнованиях. В тренировочном зале — физкультура. Ваш предшественник, интервьюировавший меня, в опубликованном интервью допустил неточность. Он спрашивал, считаю ли я достижимым для человеческих возможностей рубеж в 650 килограммов. Я ответил: думаю, что да. И на соревнованиях чувствовал, что близок к таким результатам. На соревнованиях. А он написал: и на тренировках. Но те, кто видит меня в зале, знают: на тренировках я далек от мысли единоборства с рекордами. Тренировка — это тренаж, а не самоистязание. Предшественники-тяжеловесы считали допустимым участие в 2—3 соревнованиях в год. Я в прошлом году участвовал в восьми состязаниях и не чувствовал перегрузки. Едва ли у меня были бы такие ощущения, превратив я каждую тренировку в своего рода соревнование.

КОРРЕСПОНДЕНТ. У вас растут сыновья. Диме — 6, Сергею — 8. Вон в углу ребячья штанга, ребята бегают в бассейн. Ваш взгляд на спортивное воспитание ребят, выявление их склонностей, ваши требования к ним как отца и тренера.

АЛЕКСЕЕВ. Воспитание спартанское. Разумеется, не в крайнем его проявлении.

Физкультура — с 5—6 лет. Игры подвижные: с мячом, лыжи. Как можно больше воздуха.

С 9—10 лет — развивать мышцы. Легкая штанга, упражнения для пресса, турник. Хороша спортивная гимнастика. Ну, конечно, футбол, коньки. Все это дает общее развитие, закладывает основу для любого вида спорта.

В 12—14 лет можно приступать к специализации. Какой? У подростка не всегда есть возможность правильно сориентироваться, выбрать подходящий вид спорта. Думаю, что здесь слово за учителем.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Народ понятие силы, большой силы, всегда неразрывно связывает с понятием добродушия, доброты. У спортсменов вроде бы в ходу больше другие понятия: упорство, воля, твердость, настойчивость. Полагая, что одно не находится в противоречии с другим, хочу спросить: какое из человеческих качеств вы наиболее цените? Какие бы качества хотели привить детям?

АЛЕКСЕЕВ. Целеустремленность и ум. А еще трудолюбие, товарищество, честность.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Журналисты, интервьюируя космонавтов, задавали вопрос: если бы пришлось снаряжать корабль, отправляемый к иным цивилизациям, а в корабле было бы всего три свободных места, что они поместили бы в корабль? В наше время мы все немного космонавты. Во всяком случае, в возможностях фантазии представить себя в космическом корабле. Что бы захватили вы, отправляясь в космос?

АЛЕКСЕЕВ. Первое место я бы заполнил злом. Собрал бы все человеческое зло, всю ту несправедливость, которая еще жива на земле, все бы это упрятал в кованый сундук, а сундук оставил бы по дороге на необитаемой планете. Пусть зло там дерется между собой, пока все само себя не уничтожит.

Второе место я заполнил бы радостью и взял бы с собой. И думаю, это место было бы потяжелее первого. Вложил бы сюда и книги, и веселый мюзик-холл, и весь балет Большого театра, и кусок пейзажа Рязанщины (как-никак родные места), и труд. Ну и лично для себя охотничье ружье и водные лыжи...

А на третье место — простите уж за пристрастность — я бы положил штангу. И с удовольствием бы инопланетцев стал обучать владеть ею. А когда они бы овладели...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Догадываюсь. Вы бы устроили соревнование. Разрешите задать последний вопрос. Он наиболее часто встречается в вашей почте. Задают его в основном мальчишки. Как стать сильным? С каких лет и с чего надо начинать занятия спортом и физкультурой, чтобы подготовить себя к большому спорту, к большому помосту?

АЛЕКСЕЕВ. Я не мастер давать советы. Вообще говоря, и не очень их люблю. К тому же и секретов особых нет, я о них уже говорил вам. Есть только три вещи, о которых не следует забывать: желание, труд, цель. Одно без другого не существует.

Мирза ИБРАГИМОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

НА БЕРЕГУ

Фариз ненавидел сейчас всех. Гнев душил, не давал спокойно обдумать случившееся.

«Почему они вдруг ополчились на меня? Что я им сделал? Завидуют. Фархадоглу просто-напросто боится, что его проводят на пенсию, а меня назначат заведующим...»

Фариз не расслышал даже, что ответила мать, когда он задал ей вопрос о самочувствии. Наскоро поел что-то и сел за письменный стол.

Мать Фариза прожила нелегкую жизнь и неплохо разбиралась в людях. Она видела, что сын пришел с работы сам не свой, но ни слова не сказала ему, сидела, смотрела телевизор, иногда только поглядывала в его сторону.

Фариз до полночи просидел за письменным столом. Писал, рвал, снова писал... Наконец он разделся и лег, уверенный, что мать давно заснула. Но разве могла она спать, видя, что творится с сыном?.. Фариз во сне вздрагивал, угрожал кому-то... Что-то случилось у ее мальчика, что-то очень плохое...

Мать читала все его статьи, все заметки. Каждый раз, когда Фариз засыпал, оставив на столе работу, мать поднималась, зажигала настольную лампу и, надев очки, начинала читать. И теперь она тоже поднялась, зажгла настольную лампу. Присела к столу, взяла исписанные листочки... Что это? Она не верила своим глазам. Фариз не мог такого написать! Мать перевернула листочки, осмотрела со всех сторон. Он, его почерк... Да как же он смел?!

До утра она не сомкнула глаз. Встала, как всегда, рано, вскипятила чайник. Села и, сложив на коленях темные рабочие руки, стала ждать, когда проснется сын. Фариз поднялся усталый, словно и во сне мучил его гнев. Наскоро позавтракал. Взял со стола вчерашние листочки, сунул в конверт. Значит, не остыл, не передумал. Мать подошла к нему.

— Дай сюда! Я читала. Мне совестно за тебя, Фариз. Если ты хочешь, чтоб я умерла со стыда, иди и опусти свое письмо! Но я никогда не прощу тебе этого.

— Мама! Если б ты знала, как он со мной говорит!.. За человека меня не считает!..

— Не решай сгоряча, сынок! — негромко сказала мать.— Пусть письмо полежит. Завтра ты уезжаешь, вернешься — прочтешь. Если и тогда будешь убежден, что прав, отправляй! Только помни, отец говорил: «Если я увижу, что правая моя рука делает подлость, я отрублю ее левой...»

Просторный, светлый дом стоял над долиной, словно вписанный в скалу.

Искандер издали приметил этот дом и, поднимаясь по извилистой тропке, думал, как радостно жить в таком доме, он просто создан для счастья. И вдруг оказалось, что драма, которая привела его сюда, разыгралась именно тут.

Строил его агроном дядя Самед, отец Маммеда. Вырос он в бедности, с детства батрачил; работая, кончил ликбез, потом вечернюю школу, институт и стал агрономом, известным в районе человеком.

Этот вот самый дом Самед построил лишь за год до войны, когда у него было уже трое детей. Самед ушел на фронт в первые дни войны и не вернулся...

— Да если бы дядя Самед жив был, он ни за что бы не допустил, чтоб нас с Маммедом развели!..— Саадат закончила свой невеселый рассказ и вытерла слезы концом цветастого головного платка.

— Свекровь кричит, что я ее выжить хочу, домом завладеть. Да на что он мне нужен, их дом?! Маммед хорошо зарабатывает, я тоже работать могу...

Когда Искандер читал письмо Саадат, он представлял ее себе жалкой, растерянной и бессловесной. А видел перед собой умную, рассудительную и сильную женщину.

Родители Саадат тоже понравились ему — приятные, доброжелательные люди.

Расставшись с Саадат и ее родителями, Искандер направился к красивому дому на скале. Он размышлял о том, как лучше повести разговор с Маммедом и его матерью, что и как им сказать. И вдруг из ущелья выехала желтая «Волга» и остановилась перед сельсоветом. Искандер глазам своим не поверил — из машины вышел Фариз. Он потянулся, как делают это люди, долгое время просидевшие в одном положении, и стал оглядываться, пораженный красотой этих мест.

Искандер бросился к нему.

— Фариз! Какими судьбами?

— Искандер! Вот это встреча! Ну да, да, это та самая деревушка! То-то, я думаю, название вроде знакомое!..

Оказалось, что гости еще не прилетели: погода нелетная, прибудут дня через два. Фариза и еще одного парня послали посмотреть места, где должны побывать иностранцы.

Искандер слушал Фариза и внимательно смотрел на него. За два дня, что они не виделись, Фариз поостыл, но где-то в глубине его глаз притаилась упрямая злоба.

Они вместе зашли в сельсовет. Там не было никого, кроме уборщицы. Председатель дядя Фарамез уехал на пастбища, вечером должен вернуться. Искандер предложил Фаризу вместе пойти в красивый дом на горе, он ведь до вечера свободен.

— Пойдем,— согласился Фариз.— Все равно делать нечего. Только ты давай сам — я тут лицо стороннее!.. К тому же прямо тебе скажу: не охотник я до таких дел!..

Хозяйка дома тетя Зейнаб встретила их у маленькой деревянной калитки, ведущей в большой двор, огражденный надежной стеной колючего кустарника. На ней был черный костюм, черный головной платок. Зейнаб Самедова больше была похожа на служащую ка-

Окончание. См. «Огонек» №№ 3, 4.

Н. Струнников. 1871—1945. ПОРТРЕТ ПАРТИЗАНА ЛУНЕВА. 1929.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Костецкий. 1905—1968. ВРУЧЕНИЕ ПАРТИЙНОГО БИЛЕТА НА ФРОНТЕ. 1959.

Государственный музей украинского искусства. Киев.

кого-нибудь учреждения, чем на деревенскую женщину.

— Здравствуйте, тетя Зейнаб,— приветливо поздоровался Искандер.— Гости к вам. Примете?

В черных глазах женщины промелькнула тревога: зачем это к ней городские? Она подозрительно оглядела незнакомых парней и без особой радости пригласила их в дом. Когда они усаживались за стол в большой застеленной ковром комнате, вошли две ее дочери, очень похожие на мать. Женщины были хороши собой, румяные, чернобровые, но какая-то злая, цепкая настороженность мешала замечать их красоту.

— Ну что ж, давайте познакомимся,— обратился журналист к молодым женщинам,— меня зовут Искандер, товарища моего — Фариз. Мы из газеты. Матушке вашей мы уже представились, разрешите узнать, как вас зовут.

— Эта Гюльсум, а та Салтан! — Зейнаб поспешила сама ответить за дочерей.— Приготовь-ка чайку, Гюльсум!..

— А где ваш Маммед? — спросил Искандер.

— Дочка, Салтан! Позови-ка Маммеда. Неужто сам не слышит, что гости у нас?!

Салтан вышла в соседнюю комнату и через минуту вернулась с братом. Это был высокий светловолосый парень. Войдя в комнату, он поздоровался и сел за стол. Маммед не проявлял никакого интереса к гостям, казалось, он бесконечно устал и все на свете ему безразлично.

Искандер начал не сразу. Он долго рассматривал фотографии хозяина в офицерской форме и приказ о награждении его орденом Красной Звезды — они висели в рамочке на стене. Поинтересовался, когда, на каком фронте погиб дядя Самед, потом сказал:

— Писать надо о таких.— Он обернулся к Фаризу.— Обязательно надо писать!

Добрые слова о муже тронули Зейнаб, она вздохнула.

Искандер заговорил о том, что привело их сюда. Спросил, как поженились Маммед и Саадат, как жили, почему невестка ушла из дома. Тетя Зейнаб будто только и ждала этого вопроса.

— Невестка! Да разве это невестка?!. Это ж бесстыдница, негодяйка!..

— Мама! Нехорошо...— проговорил Маммед.

— Что нехорошо?! Что нехорошо, а? Очень даже хорошо! Пусть пропишут про нее, чтоб другим неповадно было!..

— Написать мы напишем,— спокойно сказал Искандер.— Увидим, услышим и напишем статью. Обязательно. Вот вы нам и расскажите, что она плохого делала, ваша невестка, в чем ее вина. Мы все должны знать.

Тетя Зейнаб плотнее придвинулась к столу, положила на него руки и доверительно заговорила:

— Видишь ли, сынок, если говорить по чести, сама-то она неплохая. В отце вся загвоздка. Учил, чтоб из дому меня выживала,— хозяйство к рукам прибрать. А разве я его кому отдам?! Я ведь его, дом этот, можно сказать...

— Так, понятно... А что, если б им отдельно поселиться? — Искандер кивнул на Маммеда.

— Отдельно?! Чтоб я единственного сына из дому выгнала? Чтоб чужая сына моего увела?!. Знали б вы только, что это за человек, ее отец! Жулик, все ходы и выходы знает! Слух пустил, будто не хотел ее за Маммеда отдавать. И хватает совести брехать! Нарочно ведь туману напускает. Она же, бесстыдница, сама к парню липла!..

— Мама! — испуганно воскликнул Маммед.— Да что ж ты говоришь?! Мы ж по любви...

— Ха! Они по любви! У нынешних ни стыда, ни совести! Какая такая любовь, если родители не согласны?!

Искандер перебил ее:

— А вы не волнуйтесь, тетя Зейнаб. Все выяснится, правду не скроешь. Давайте отложим нашу беседу на завтра, а сегодня, если не возражаете, Маммед погуляет с нами, покажет здешние места...

Маммед просветлел.

— Если вы здесь на денек-другой задержитесь, я вам такие места покажу!.. В Караязский лес поведу на кабанью охоту!

— Вот здорово! — восторженно подхватил Искандер.

Фариз тоже заинтересовался:

— Охота!

— Какая ж теперь охота? — Тетя Зейнаб недовольно поджала губы.— Зовешь людей на охоту... А если поймают? Штраф платить?!

— Это правда...— смущенно подтвердил Маммед.— Запрещена сейчас охота... Ну, ничего, побродим... в лесу такая красота!..

Фариз по-прежнему молчал, не вмешиваясь в разговор. Не трогала его вся эта история. Но, глядя на Зейнаб, он невольно вспоминал свою мать. Обе из деревни, обе солдатские вдовы. Его мать — воплощенная доброта, а эта!.. И вспомнилось письмо, которое мать не дала ему отправить...

— Великолепно! — Фариз встряхнул головой.— Значит, завтра отправляемся в Караяз! Так? А сейчас пойдем! Маммед! Покажи нам здешние красоты!..

Они шли по деревне втроем и говорили о Караязском лесе, о кабанах, о маралах... Потом разговор вроде бы сам собой переменился, Маммед рассказал, как они с Саадат полюбили друг друга, как поженились, как разошлись...

— А что я могу поделать с матерью?! — В голосе Маммеда звучало неподдельное отчаяние.— И Саадат жалко и ребятишек. День и ночь только о них думаю, а что делать, не знаю!

Они бродили по деревенским улицам, спускались в долину, умывались у горного родника. К вечеру пришли в сельсовет. Председатель дядя Фарамез уже вернулся с пастбищ. Когда он узнал, что журналисты приехали по делу Маммеда, заговорил с ними так, словно это были его старые долгожданные друзья. Чувствовалось, что судьба Маммеда по-настоящему волнует дядю Фарамеза.

— Вот видишь, и журналисты тебе говорят: свой дом строй, свою семью! Родители твои на пустом месте вон какой домище отгрохали! А чем вы с Саадат хуже? У тебя и плечи пошире, чем у отца, да и возможности теперь другие, не тридцать лет назад! Забирай жену, детей, дам вам пока какой-нибудь старый дом, поживете немножко, а там выделим участок — и стройтесь!

Дядя Фарамез дал несколько очень разумных предложений, связанных с предстоящим приемом иностранцев, а потом всех троих пригласил к себе ужинать. За столом Маммед сказал, что гости хотели бы повидать Караязский лес. Дядя Фарамез заметил, что это — дело доброе. Потом подумал и сказал, что, пожалуй, тоже постарается выбраться: приятно самому повести гостей в эту дальнюю прогулку. Искандер благодарно взглянул на председателя, а Фариз чуть заметно усмехнулся: «Все-таки считаются с нами, газетчиками!»

События и встречи последних дней, все это как-то разоружило Фариза. Но раздражение на Фархадоглу не покидало его. Фариз почему-то все время вспоминал, как стоял недавно на автобусной остановке, где все толкались, отпихивали друг друга, норовя пролезть без очереди. И словно нарочно в тот самый момент, когда Фариз ненавидел все: этот автобус, этих людей, эти бесконечные улицы,— рядом под самым окном промелькнула светлая «Волга» — Фархадоглу сидел рядом с водителем, откинувшись на спинку сиденья. Страшная в своей неотступности, жестокая, беспощадная ненависть охватила Фариза. В сущности, жизнь — тот же самый автобус: все толкаются, теснят друг друга, дерутся из-за местечка. А нужно будет, там и с автобуса спихнут — лишь бы не упустить своего...

— А ты бы все-таки подумал, сынок.— Мать отложила шитье, сняла очки.— Ну, мыслимое ли дело — затевать тяжбу с человеком, который всегда был тебе заместо отца!.. Ведь мы ему по гроб жизни благодарны должны быть! Если ты...

— Послушай, мама! — перебил старушку Фариз.— Ведь, кроме личных отношений, существует еще общественный, гражданский долг. Он же сам постоянно твердит, что мы не имеем права проходить мимо недостатков, должны искоренять их! Ты понимаешь меня? Я не имею права ради приятельских отношений задушить в себе голос совести! Закрыть глаза на то, что человек, которого лично я люблю и уважаю, давно уже стал помехой для дела, мешает, тормозит.

— Ох, сынок, кому ж это он помешал?! Разве Фархад-муаллим дела своего не знает? Сколько я его статей читала, такие все понятные, такие сердечные, каждое слово на месте!.. Путаешь ты меня, сынок! Сердись не сердись, а я так скажу: тебе он мешает, за стол свой сесть не дает! И что это тебя разобрало, вроде никогда завистливым не был... И ведь живем-то — грех жаловаться: и на работе к тебе уважение, и зарплаты хватает...

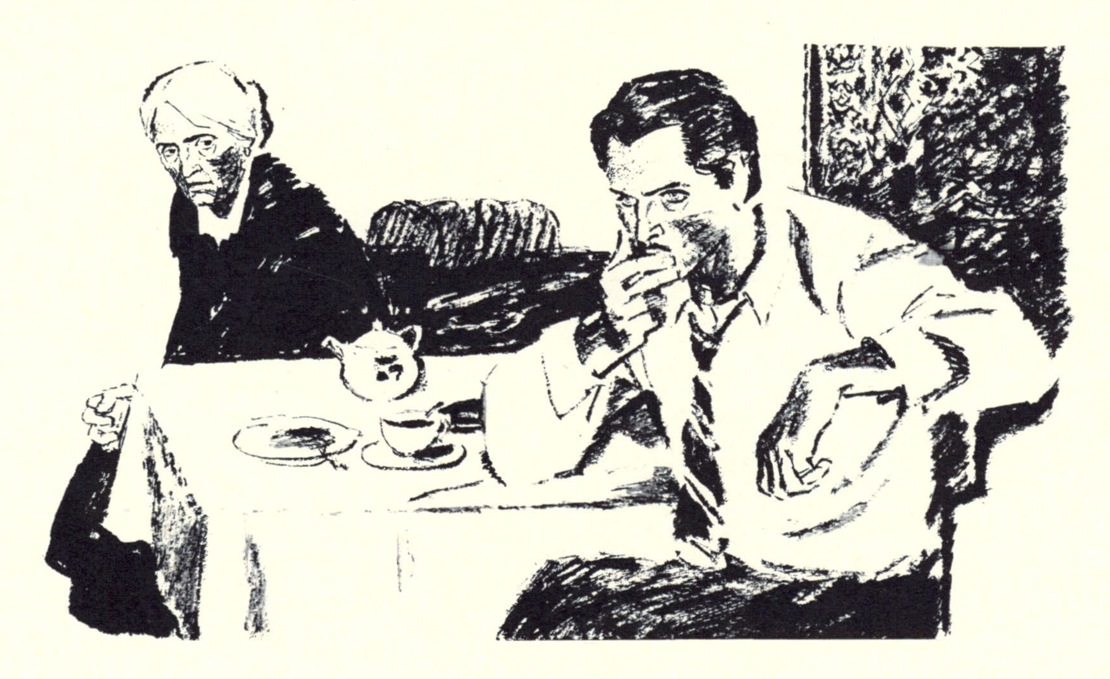
— Зарплаты хватает! Во-первых, у нас сейчас никто с голоду не пухнет! Во-вторых, любой знающий тридцать две буквы алфавита всегда работу найдет... Нет, мама, не понимаешь ты меня!

— Не знаю, сынок, может, и так... Только порви ты эту поганую бумагу! Порви, а?..— Мать вздохнула и, надев очки, снова принялась за шитье.

А неделю спустя Фариз выехал в командировку. По нескольку раз в день сообщал он в редакцию о том, где побывали, что видели иностранные гости, с кем и как встретились. Каждый день от Фариза поступали корреспонденции, отчеты, фотографии. Несколько раз он весьма к месту помянул «ответственного товарища», отметив глубину его суждений и широкую осведомленность. Да, на этот раз Фариз превзошел самого себя. На ближайшей летучке была отмечена оперативность и энергия, проявленные молодым журналистом.

* * *

Фариз, ослепленный удачами, следовавшими одна за другой, шел к своей цели. Статьи, заметки, публикации за подписью Фариза Ахмедова чуть не каждый день печатались на полосах газеты. Выступал он и в других газетах. Добивался этого посредством бесчисленных

звонков и просьб, донимая знакомых газетчиков. Причем, показывая очередную статью кому-нибудь из сотрудников, Фариз каждый раз недовольствовал: «Звонят, звонят, неделю покоя не давали... Пришлось написать. Сколько я им твердил: не моя это тема, не хочу разбрасываться. Да разве от нашего брата отвяжешься?..»

Газетчики действительно народ упорный, и не только упорный, но еще и всеведущий, и тем, кто, не выдержав мощного натиска Фариза, сдавался и помещал его статьи, очень скоро становилось известно, что это, оказывается, они сами умоляли его выступить со статьей.

— Ну и хам!..— возмущались коллеги Фариза.

Это словечко и некоторые другие, покрепче, все чаще теперь порхали по коридорам редакции, залетая подчас и в кабинет главного редактора. Но тот особо не беспокоился. Тем более, что главный редактор не мог не учитывать важного фактора: отношения Фариза Ахмедова с «ответственным товарищем» становятся все теснее. Во всяком случае, всегда, когда требовалось осветить какое-нибудь важное совещание или другое большое мероприятие, «ответственный товарищ» просил обязательно прислать Фариза.

Что касается Фариза, тот чувствовал себя как за каменной стеной. С недавних пор он стал называть своего высокого покровителя уже не «ответственный товарищ», а «мой ответственный друг». Фаризу нельзя было отказать ни в известной прозорливости, ни в трезвости оценок, но, упоенный удачами, он, как это нередко случается и с очень неглупыми людьми, старался не думать, не допускать мысли, что «ответственный товарищ» может разочароваться в нем или стать вдруг совсем неответственным. Что он может заболеть, уйти на пенсию...

Но Фариз ничего не мог поделать с собой, он уже не мог остановиться и все сильнее нахлестывал скакуна удачи. И вот в один прекрасный день скакун этот взвился на дыбы, выбросив наездника из седла.

А произошло это так. Не довольствуясь тем, чтобы при всяком удобном и даже не очень удобном случае он расхваливал в корреспонденциях своего «ответственного друга», Фариз решил, что пора посвятить ему отдельную статью: кашу, как известно, маслом не испортишь. И вот в одном из его отчетов больше половины материала оказалось посвящено личности этого товарища. Масла положено было столько, что кашу нельзя уже было проглотить.

Поползли глухие слухи о том, что «ответственный товарищ» недоволен последней корреспонденцией Фариза. Ничего определенного известно не было, но именно эта неопределенность и была мучительнее всего.

Фариз не знал, что главного вызвал к себе «ответственный друг». Между ними произошел разговор.

Фариз вышел в коридор. Надо было посмотреть материалы, подготовленные в завтрашний номер, но он не мог усидеть на месте и все бродил по коридору — надо было повидать главного редактора.

Наконец показалась высокая, осанистая фигура. Фариз быстро пошел навстречу — поздороваться, заглянуть в глаза. Однако главный не заметил его и на приветствие не ответил.

Фариз добрел до кабинета и рухнул в кресло. «Чтоб вы все сдохли!..» Статьи, подготовленные в набор, лежали на столе. Фариз взял одну, пробежал глазами страницу...

Сделал последнее усилие понять написанное. Нет! В этой дурацкой статье нет ни малейшего смысла! Ни в чем нет ни малейшего смысла! К черту! К дьяволу! Фариз оттолкнул лежавшие перед ним листки. Его лихорадило, руки дрожали... Он позвонил, вызвал Искандера. Тот вошел, отнюдь не расположенный к сочувствию, но увидел Фариза, встревожился:

— Что с тобой?!

— Что-то неважно... себя чувствую... Знобит... И сердце колотится... Простыл, наверное... Будь другом, погляди эти материалы! — И, больше не сказав ни слова, Фариз вышел из кабинета.

Перевела с азербайджанского Т. Калякина.

К 50-летию со дня рождения И. П. Шамякина

ТАЛАНТА ЩЕДРЫЙ ДАР

В братском содружестве советских литераторов имя Ивана Шамякина занимает особое место. Как писатель он творчески сложился в довольно короткий срок, и уже первое крупное его произведение — роман «Глубокое течение» — было горячо принято читателем, по достоинству оценено критикой и удостоено Государственной премии. Это было двадцать лет назад.

Как истинный художник слова, И. Шамякин очень и очень чуток к веяниям своего времени. Объемен, велик круг вопросов и проблем, разрешаемых писателем, но одно в его творчестве постоянно, целенаправленно: обращение к животрепещущим делам и заботам современности. Роман «Сердце на ладони» наиболее полно отвечает именно этим требованиям. В нем день сегодняшний и день вчерашний слиты воедино.

Характерная черта творчества И. Шамякина, которая наиболее полно и глубоко проявляется в его произведениях и определяет их направленность,— гуманизм. Писатель не увлекается чрезвычайными жизненными ситуациями, не идет по легкому пути сюжетной занимательности. В центре его внимания — сильная, яркая личность, человек со всей сложностью души и сердца, с его непростой простотой и неразгаданной силой характера.

Не только символично, но и точно по своей сути само название книги о суровых годах минувшей войны — «Глубокое течение». Как историческую неизбежность развивает и утверждает писатель мысль о горькой чаше войны, испить которую довелось каждому. Закономерен был ее исход, но дорогой ценой заплатил советский народ за победу. Так, Татьяна Маевская оказывается в рядах народных мстителей. Война пришла в родную деревню, неотвратимо нависла и над ее головой. И она принимает этот бой. Принимает бой и погибает Андрей Буйский, образ которого писатель создает с глубокой проникновенностью.

Рекомендуя книгу писателя «Сердце на ладони», Петрусь Бровка писал: «Это произведение о душевной чуткости, о людях, чьи сердца открыты настежь». Проникновение писателя в тайники души своих героев позволяет ему впечатляюще передать сложные их мысли, думы и дела.

Для настоящего художника каждый новый образ — открытие. Именно поэтому мы и встречаемся на страницах книг И. Шамякина с такими разными, не похожими друг на друга, но такими яркими, по-своему скроенными людьми. Трудно найти сложнее и противоречивее человека, чем Максим Лесковец из романа «В добрый час»; в высшей степени симпатичен Сергей Костянок («Криницы»). Талант, чистота души этого человека, его благородство поистине безграничны. Все эти и многие другие образы полюбились читателю, пришлись по душе, вошли в его сердце. С ними он встречается и в пьесе «Не верьте тишине», и в тетралогии «Тревожное счастье», и в дополняющей ее повести «Мост».

Белорусская литература за последние годы дала всесоюзному читателю немало впечатляющих эпических произведений, в которых показана героика советского человека и в дни войны и в дни мира. Среди них — лучшие книги Ивана Шамякина, писателя самобытного и человеколюбивого.

Сергей ЛИСИЦКИЙ

Автор этого письма — Дин Рид, известный американский певец и киноактер, борец за мир. Его песни популярны во многих странах нашей планеты. Он выступает с ними на публичных митингах и собраниях борцов за мир, призывая людей доброй воли к единству в борьбе за справедливость и счастье, против агрессии, насилия и расовой дискриминации. Дин Рид неоднократно подвергался преследованиям со стороны властей и вынужден был покинуть США. Сейчас он живет в Италии.

Дин Рид несколько раз посещал Советский Союз. Его гастроли в нашей стране пользовались неизменным успехом у зрителей. Дважды он был гостем «Огонька», а в последнем первомайском номере нашего журнала (№ 18, 1970 г.) опубликовал свое стихотворение «Лозунг планеты». В нем есть такие проникновенные строки:

Бомбы и доллар —
Не символы века.
Ветры Свободы сильны.
Битва идет
За права человека,
Битва за мир —
Против войны!

Недавно Дин Рид прислал в редакцию «Огонька» открытое письмо к Солженицыну, предоставив право опубликовать его. Ниже следует текст этого письма.

Дорогой коллега по искусству Солженицын!

Я, как американский артист, должен ответить на некоторые ваши обвинения, публикуемые капиталистической прессой во всем мире. По моему мнению, они являются ложными обвинениями, и народы мира должны знать, почему они ложные.

Вы заклеймили Советский Союз как «глубоко больное общество, пораженное ненавистью и несправедливостью». Вы говорите, что Советское правительство «не могло бы жить без врагов, и вся атмосфера пропитана ненавистью, и еще раз ненавистью, не останавливающейся даже перед расовой ненавистью». Вы, должно быть, говорите о **моей** родине, а не о своей! Ведь именно Америка, а не Советский Союз ведет вой-

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО А. СОЛЖЕНИЦЫНУ

ны и создает напряженную обстановку возможных войн с тем, чтобы давать возможность своей экономике действовать, а нашим диктаторам, военно-промышленному комплексу наживать еще больше богатства и власти на крови вьетнамского народа, наших собственных американских солдат и всех свободолюбивых народов мира. Больное общество у меня на родине, а не у вас, г-н Солженицын!

Именно Америка, а не Советский Союз превратилась в самое насильственное общество, которое когда-либо знала история человечества. Америка, где мафия имеет больше экономической власти, чем крупнейшие корпорации, и где наши граждане не могут ходить ночью по улицам без страха подвергнуться преступному нападению. Ведь именно в Соединенных Штатах, а не в Советском Союзе свои же сограждане убили в период с 1900 года больше людей, чем число всех американских солдат, погибших в боях в первой и второй мировых войнах, а также в Корее и во Вьетнаме! Именно наше общество считает удобным убивать любого и каждого прогрессивного лидера, который находит в себе мужество поднять голос против некоторых наших несправедливостей. Вот что такое больное общество, г-н Солженицын!

Далее вы говорите о расовой ненависти! В Америке, а не в Советском Союзе на протяжении двух столетий остаются безнаказанными убийства негров, которых держат в полурабстве. В Америке, а не в Советском Союзе полиция без разбору избивает и арестовывает любого и каждого негра, пытающегося выступить в защиту своих прав.

Затем вы говорите, что «свобода слова, честная и полная свобода слова — вот первое условие здоровья любого общества, и нашего также». Попытайтесь распространить эти мысли среди страдающих народов, вынужденных бороться за существование и жить вопреки своей воле под гнетом диктаторских режимов, держащихся у власти лишь благодаря военной помощи США.

Скажите о своих мыслях людям, чье «здоровье» заключается лишь в том, что половина их детей умирает при рождении, так как у них нет денег на врача и они всю свою жизнь мучаются из-за отсутствия медицинского обслуживания. Скажите об этом людям капиталистического мира, чье «здоровье» состоит в том, что всю свою жизнь они проводят в постоянном страхе перед безработицей. Скажите американским неграм, как много им помогли на деле «здоровье» и «свобода слова» в процессе их справедливой борьбы за равноправие с белыми, когда после двух столетий «свободы слова по-американски» во многих районах США считают, что убить негра — это все равно что поохотиться на медведя!

Скажите трудящимся капиталистического мира о ваших идеях по поводу «свободы слова как первого условия здоровья», если из-за нехватки денег их сыновья и дочери не смогут развить свои умственные способности в школе, а поэтому никогда не сумеют даже научиться читать! Вы говорите о свободе слова, тогда как бòльшая часть населения земного шара пока еще говорит о возможности научиться читать слова̀!

Нет, г-н Солженицын, ваше определение свободы слова как первого условия здоровья неверно. Первое условие заключается в том, чтобы сделать страну достаточно здоровой морально, умственно, духовно и физически, с тем чтобы ее граждане умели читать, писать, трудиться и жить вместе в мире.

Нет, г-н Солженицын, я не принимаю вашего первого условия здоровья общества и особенно в вашем определении и контексте. Моя страна, известная своей «свободой слова», — это страна, где полиция нападает на участников мирных походов. В моей стране разрешены мирные походы, и в то же время продолжающаяся война губительно отражается на жизни вьетнамского народа, ибо демонстрации, разумеется, нисколько не меняют политику правительства. Неужели вы действительно думаете, что военно-промышленный комплекс, правящий моей страной и полмиром, печется о «свободе слова»?! Правители его сознают, что они, и только они, обладают властью принимать решения. Воистину, свобода слова на словах, но не на деле!

Вы заявляете также, что Советский Союз идет не в ногу с XX веком. Если это и верно, то потому, что Советский Союз всегда идет на полшага **впереди** XX века! Неужели вы предлагаете вашему народу отказаться от своей роли вождя и авангарда всех прогрессивных народов мира и вернуться к бесчеловечным и жестоким условиям, существующим в остальной части земного шара, где несправедливость воистину изобилует в атмосфере чуть ли не феодальных условий многих стран?

Г-н Солженицын, в статье далее сказано, что вы-«многострадальный писатель из Советского Союза». По-видимому, это означает, что вы много страдаете из-за отсутствия моральных и общественных принципов и что ваша совесть мучает вас в тихие ночные часы, когда вы остаетесь наедине с собой.

Верно, что в Советском Союзе есть свои несправедливости и недостатки, но ведь все в мире относительно. В принципе и на деле ваше общество стремится к созданию подлинно здорового и справедливого общества. Принципы, на которых построено ваше общество, здоровы, чисты и справедливы, в то время как принципы, на которых построено наше общество, жестоки, корыстны и несправедливы. Очевидно, в жизни могут быть ошибки и некоторые несправедливости, однако несомненно, что общество, построенное на справедливых началах, имеет больше перспектив прийти к справедливому обществу, нежели то общество, которое строится на несправедливости и эксплуатации человека человеком. Общество и правительство моей страны отстали от времени, потому что их единственная цель заключается в стремлении сохранить во всем мире статус-кво. Именно ваша страна стремится делать прогрессивные шаги во имя человечества, и если в чем-то она несовершенна и порою спотыкается, то мы не должны осуждать за эти недостатки всю систему, а должны приветствовать ее за мужество и стремление прокладывать новые пути.

Искренне ваш

Дин Рид

ЧЕКИСТ

Как сообщалось в № 51 «Огонька», 15 декабря 1970 г., гостями редакции нашего журнала были работники Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

Сегодня мы рассказываем об этой встрече.

За нашим круглым столом председательствовал начальник пресс-бюро Комитета государственной безопасности Владимир Федорович КРАВЧЕНКО.

В. Ф. КРАВЧЕНКО. 20 декабря (по новому стилю) 1917 года по предложению В. И. Ленина Совет Народных Комиссаров принял постановление об образовании Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Был таким образом создан орган диктатуры пролетариата для обеспечения государственной безопасности молодой Советской республики.

Чекисты стояли на самом остром участке борьбы с опаснейшими врагами нашего государства. Коммунистическая партия постоянно заботилась о ВЧК, направляла на работу в органы государственной безопасности лучших коммунистов. Несмотря на трудность и опасность службы, чекисты оправдали доверие партии, с честью справились с возложенными на них задачами: многочисленные контрреволюционные организации и заговоры были своевременно выявлены и разгромлены.

Это стало возможным благодаря повседневному руководству Коммунистической партии, благодаря тому, что ВЧК опиралась на широкие массы трудящихся. Деятельность КГБ при Совете Министров СССР и ныне отличается глубокой партийностью, неукоснительным соблюдением социалистической законности, коллегиальностью в решении важных вопросов. Обеспечение государственной безопасности стало поистине всенародным делом.

За нашим круглым столом собрались чекисты разных поколений, они представляют важнейшие участки работы органов государственной безопасности. И первое слово разрешите предоставить чекисту-ветерану Яну Яновичу Буйкису, работавшему еще с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. Ему посчастливилось встречаться с Владимиром Ильичем Лениным. Ян Янович — один из тех, кто сыграл огромную роль в раскрытии опаснейшего для нашей Родины заговора, известного в истории под названием заговора Локкарта.

Я. Я. БУЙКИС. Однажды Феликс Эдмундович вызвал меня и еще одного комиссара — так в те годы назывались чекисты — товарища Спрогиса и дал нам поручение: поехать в Петроград, влиться в одну из контрреволюционных организаций, связанных с иностранной разведкой, заинтересовав ее тем, что у нас имеются широкие связи среди латышских стрелков. Связи-то у нас действительно были, но с честными людьми!..

Задание серьезное, а опыта у нас не было. В ВЧК мы всего несколько месяцев проработали. Через две недели вернулись из Петрограда огорченные: ничего конкретного не сделали. На душе тяжко. Что скажет Феликс Эдмундович? Поверит ли, что мы старались?.. «Как дела?» — спросил Феликс Эдмундович, приветливо улыбаясь. Мы смущенно доложили. «Ничего, будем еще работать»,— успокоил нас Дзержинский. «Может быть, направить в Питер более опытных товарищей?» — сказал кто-то из нас. Дзержинский помолчал. «Вы предложили заменить вас более опытными товарищами? Но ведь мы все пришли в ВЧК почти одновременно. Вы уже ознакомились с положением в Петрограде, вам и продолжать». И посоветовал, как выполнить задание.

И вот мы опять в Питере. На этот раз нам удалось проникнуть в одну организацию. Мы готовились к встрече с ее членами не без опаски: предположим, нам в эту организацию удастся войти. Но нас станут проверять — скажем, пошлют на выполнение диверсионного акта. Не для этого же мы сюда приехали!

Решили пойти на хитрость. Помня совет Феликса Эдмундовича, мы сказали, будто представляем некий московский подпольный «центр», который послал нас установить связь с организацией в Петрограде и договориться о совместных действиях.

Этой легенде поверили. Не буду пересказывать, как нам, используя эту контрреволюционную организацию, удалось встретиться с английским разведчиком Рейли и получить у него письмо, которое мы должны были передать в Москву, в английское посольство Локкарту. Все это уже известно из книги «Под именем Шмидхена».

Нечего и говорить, что содержание этого письма стало известно и Феликсу Эдмундовичу. А Локкарт после неоднократных проверок, которым он нас подверг и которые мы, видимо, выдержали, выложил нам подробный план контрреволюционного переворота, убийства руководителей Советского правительства. Мы доложили обо всем этом Дзержинскому.

Заговор Локкарта, как известно, ВЧК ликвидировала своевременно. Как нам, молодым и еще неопытным чекистам, удалось выиграть сражение у опытнейших иностранных разведчиков и дипломатов?.. Партия привила нам неистребимое желание верно служить народу. И еще — закалка Дзержинского. Он нас так закалил, что никакие трудности не были нам страшны.

В. Ф. КРАВЧЕНКО. А теперь позвольте представить чекиста, который работал совсем в иной области. Полковник Василий Михайлович Иванов в годы Великой Отечественной войны выполнял сложные задания в тылу противника. В те годы, разумеется, никто, кроме нескольких человек, не знал настоящего имени разведчика Иванова.

В. М. ИВАНОВ. Я вылетел на задание в конце июля 1941 года. Подготовка была короткой, а немецкий язык я знал недостаточно, чтобы выдавать себя за немца. В той местности, где я должен был действовать, до революции жила известная семья крупных богатеев, которые бежали вместе с белыми. Вот я и взял себе фамилию этих богатеев, выдавая себя за одного из их отпрысков.

Опасность грозила мне с двух сторон: с одной стороны, меня могла разоблачить гитлеровская контрразведка, с другой — в любой момент я мог погибнуть от пули своих — партизан и подпольщиков. Очень тяжело, когда советские люди смотрят на тебя с презрением, как на изменника, предателя своего народа...

В мою задачу входило не только собирать и передавать командованию сведения, которые можно получить путем наблюдения: данные о передвижении войск, о строительстве укреплений и т. д., хотя и это очень важно. Но от меня требовалось большее — получить различные секретные данные. Поэтому мне было приказано устроиться в гестапо.

Сначала я работал в бургомистрате, часто разъезжал по округе на машине бургомистра, он доверял мне — как-никак я из такого известного рода богачей! — а потому поручал помогать своей жене, которая была начальницей его секретариата. Но мне надо было войти в доверие к гестаповцам. Как это сделать?

Однажды иду я по улице с женщиной, которую подозревал в связи с гестапо, хотя точно этого и не знал. Мы шли в бургомистрат, оживленно разговаривали. Вдруг посреди улицы появилась группа гитлеровцев с автоматами наперевес. По числу конвоиров я сразу догадался: ведут партизана или подпольщика. Когда процессия поравнялась с нами, арестованный крикнул мне: «Дай закурить!» «Не курю»,— ответил я. И тут он, гневно потрясая связанными руками, закричал: «Ах ты гад, сволочь! Ты думаешь, не найдет тебя наша пуля?.. Ты у нас давно на примете!..» Настроение у меня сразу испортилось. Я потерял нить беседы со своей спутницей.

По совести говоря, я думал, что это происшествие не будет иметь никакого значения, если, конечно, не считать горечи, которую я испытал. А оказалось иначе. Моя спутница рассказала о случившемся гестаповцам. И вскоре я заметил, что гестаповцы стали относиться ко мне с бо́льшим доверием. Это помогло мне выполнить задание. А заодно я убедился, что моя спутница действительно работала в гестапо. Однако угроза подпольщика оказалась не пустым звуком. Через несколько дней в меня стреляли. В самом центре города. Я шел с работы домой. Скоро должен был начаться комендантский час, и я торопился, хотя и имел ночной пропуск: гитлеровские патрули стреляли в подозрительных людей без предупреждения.

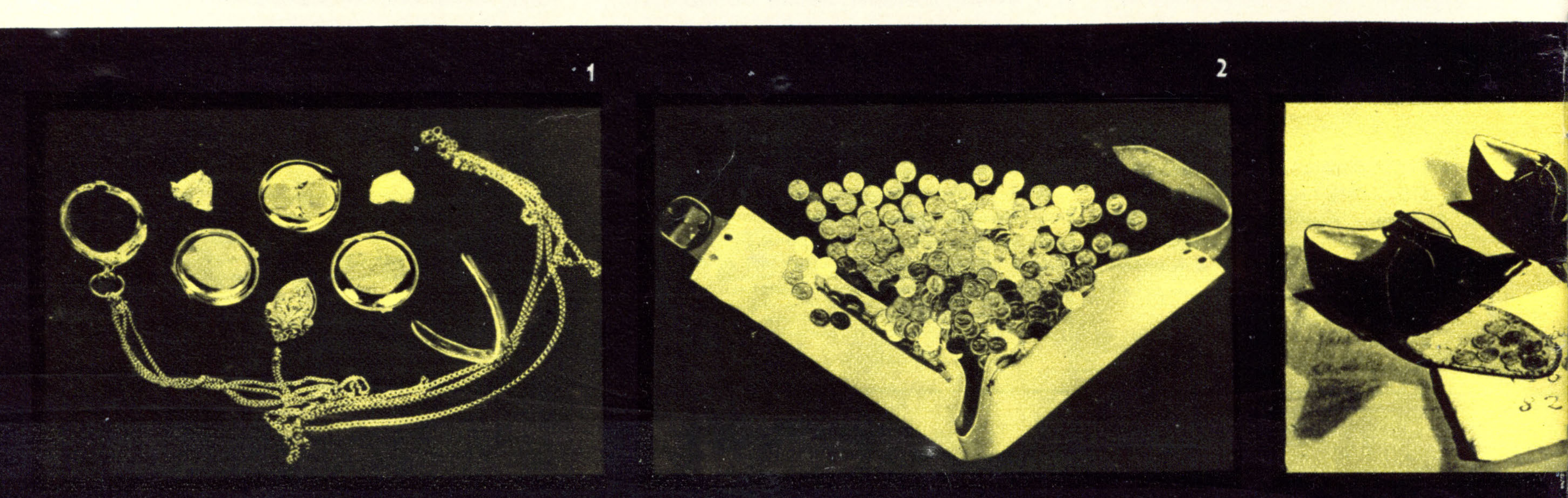
Сокращая путь, я двинулся через проходной двор и тут, к счастью, поскользнулся и упал. В то же мгновение грянул выстрел. Пуля рядом высекла искру из каменной мостовой...

Я долго размышлял о превратностях судьбы советского разведчика, которому приходится остерегаться и своих. Разумеется, я не стал звонить в комендатуру: гитлеровцы тотчас оцепили бы весь район и схватили стрелявшего. Мне этот выстрел сослужил добрую службу. Гитлеровцы, видимо, окончательно уверовали, что я «свой». И через некоторое время гестапо «завербовало» меня в свои «агенты». Случилось это так. Я жил в одном доме с немецкими офицерами — это давало возможность подслушивать их разговоры. Как-то за мной пришел солдат и передал приказ следовать с ним к бургомистру. Целый вихрь мыслей закрутился в голове: идти или не надо? Вдруг гитлеровцы что-то пронюхали? Я как раз накануне встретился с радисткой и передал ей шифровку. Но если не пойдешь, придется немедленно бежать. И тогда задание останется невыполненным. Решил идти.

Не успел я переступить порог приемной бургомистра, как секретарша пригласила в кабинет. «Вас ждут». Вхожу. Бургомистр стоит у стола, курит сигарету, а напротив, на диване, сидит немолодая женщина в довольно фривольной позе. Оба весело болтают и смеются.

— С вами хочет познакомиться правая рука господина начальника гестапо,— сказал бургомистр. И тут же вышел.

— Ну, не совсем правая рука,— кокетливо улыбнулась женщина.— Я переводчица при особо важных встречах. Но с моей помощью гестапо действительно легко работать. Я ведь не первый год живу здесь — еще до войны обосновалась под видом преподавательницы немецкого языка. И, конечно, прекрасно владею русским... Кроме того, я часто бываю в русских семьях, меня даже

Ы О СВОЕМ ТРУДЕ

принимают за свою. Конечно, пока я здесь, в здешнее гестапо не пролезть ни одному энкеведисту!..

«Если бы ты знала, с кем говоришь!» — подумал я...

Так я познакомился с личной переводчицей начальника гестапо и одновременно выполнил важную часть задания — стал «работать» в этом гнусном учреждении. При первом же знакомстве переводчица дала мне поручение. Позже мне не раз приходилось встречаться с этой женщиной. И не без пользы: как вы понимаете, она была великолепно осведомлена, и мне удавалось добывать важные сведения.

Конечно, все, что я рассказал, лишь эпизод из жизни разведчика. В этой жизни было немало трудного и опасного.

В. Ф. КРАВЧЕНКО. Следственный отдел Комитета государственной безопасности создан одновременно с организацией КГБ, в 1954 году. Его сотрудники — новое поколение чекистов. Как работают следователи нашего Комитета, расскажет начальник отдела, генерал-майор юстиции Александр Федорович Волков.

А. Ф. ВОЛКОВ. По тому, насколько глубоко и объективно расследовано то или иное преступление, советские люди судят о деятельности органов КГБ в целом.

В печати сообщалось о деле американского летчика-шпиона Пауэрса, о том, как был разоблачен агент американской и английской разведок Пеньковский, и об уголовных делах других вражеских агентов, в том числе заброшенных на нашу территорию. Дела, которые мы ведем, очень сложные, требуют от следователя много сил, умения, знаний, выдержки. Ведь следователю приходится лицом к лицу встречаться с врагами нашей Родины, причем с врагами хитрыми, прошедшими специальную выучку. По сути, следователь ведет один на один тяжелый психологический бой с противником, который ничего не признает и во всем запирается, пока он не будет изобличен неопровержимыми доказательствами. Потому-то следователю надо тщательно изучить преступника, особенности его характера.

Одновременно с этим очень важно видеть в обвиняемом человека. Да, да, не удивляйтесь. Каждый привлеченный к ответственности должен чувствовать, что следователь строг, но справедлив, что он не упустит ничего — ни отягчающих, ни смягчающих обстоятельств. А обвиняемый отлично понимает, насколько это важно, когда его судьбу будет решать советский суд.

Справедливое отношение следователя к подследственному, уважение его человеческого достоинства нередко способствуют тому, что преступник до конца осознает свою вину перед народом. Он легче переносит наказание и затем, после того как выйдет из места заключения, находит верную дорогу в жизни. Скажу откровенно: я испытываю удовлетворение, когда мы получаем письма от наших бывших «подопечных», в которых они пишут, как в ходе следствия постепенно осознавали всю тяжесть свершенного, глубину своего падения, сообщают, что твердо решили отныне жить честным трудом.

Вот строки из письма, недавно полученного нашим следователем, присутствующим здесь, Юрием Борисовичем Смирновым:

«Уважаемый Юрий Борисович!

Пользуясь разрешением писать, хочу напомнить о себе и поблагодарить Вас лично за строгую, но справедливую характеристику, которую Вы мне дали в обвинительном заключении и которая сыграла немаловажную роль при вынесении мне справедливого приговора... Вспоминаю часто о наших с Вами беседах в перерывах между допросами, которые оставили глубокое и благотворное впечатление, они помогают мне переносить тяжесть моего положения...

Г.»

Строгость, но справедливость, глубокое изучение жизни и людей, партийное, творческое отношение к делу, которому служишь, любовь к своей нелегкой профессии — таково кредо следователя.

Следственные органы не только расследуют преступления. Случается, что в ходе следствия выясняется: такого-то человека, прошедшего по показаниям обвиняемого, пытались привлечь к участию в преступной деятельности. С такими людьми мы ведем воспитательную работу, стараемся спасти их от опасного шага. Это весьма важный участок нашей деятельности.

Ну, а о том, какие дела ведут наши следователи, расскажут они сами...

В. Ф. КРАВЧЕНКО. В последнее время империалистические разведки приняли на вооружение идеологическую диверсию и ведут с помощью этого отравленного оружия бешеную борьбу против нашей Родины, нашего народа, против стран социалистического содружества.

Полковник юстиции Алексей Антонович Иванов расследует дела преступников, уличенных в проведении идеологической диверсии, раскрывает их подлинное лицо.

А. А. ИВАНОВ. В свое время советская печать сообщала об открытом судебном процессе по делу так называемых литераторов Гинзбурга, Галанскова и Добровольского.

На самом деле никакого отношения к литературе они не имели. Возомнив себя «борцами за свободу», они занялись антисоветской пропагандой и агитацией. И, как было установлено в ходе следствия и суда, «борцы» эти контактировались с небезызвестной зарубежной антисоветской организацией НТС. Освещавшие этот судебный процесс корреспонденты буржуазных газет и радио, проявив трогательную заботу о якобы «невинных страдальцах», показали тогда высокий класс фальсификаторского мастерства, сочинив множество всяких небылиц о КГБ, о советском суде. И не стоило бы обо всем этом сейчас вспоминать, если бы не одно обстоятельство. Западные корреспонденты стыдливо умолчали о свидетельских показаниях Николаса Бронкса-Соколова из Венесуэлы. Между тем его появление в зале суда в качестве свидетеля произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Растерялись подсудимые, ошеломлены были их зарубежные адвокаты. Это было свидетельство с той стороны, свидетельство человека, заочно познакомившегося с Гинзбургом, Добровольским, Галансковым задолго до того, как судьба, увы, свела его с ними лицом к лицу в зале суда: Николас прибыл сюда из... тюремной камеры.

Кто же он такой, Николас? Родители его русские. До революции жили в России. И до революции же выехали сперва в Югославию, потом в Венесуэлу, в Каракас. Там собралась небольшая колония русских эмигрантов, и среди них был некий господин, тесно связанный с НТС. Он часто бывал в богатом доме Бронкс-Соколовых и, видимо, уже тогда обратил внимание на юного Николаса, не без основания решив: «Этот, кажется, клюнет на призывы «освободителей России». И заронил семена, которые дали всходы значительно позже.

После окончания гимназии в Каракасе Николас отправился во Францию, в Гренобль, чтобы получить высшее образование. Там к нему неожиданно явилась миловидная девушка Тамара Волкова и сказала, что она русская, приехала из Парижа и имеет поручение господина Славинского помочь соотечественнику поступить в высшую школу. «Я не знаю Славинского, кто он?» — спросил Николас. Тамара мило улыбнулась. «Важно, что он вас знает. Ему сообщили о вас из Каракаса. Впрочем, вы можете познакомиться с ним. Я приглашаю вас на его лекцию. Здесь, в Гренобле. Это будет лекция о подпольной литературе в Советском Союзе».

Позже, уже в Москве, на следствии Николас показал: «На лекции Славинский, видный представитель НТС в Париже, возносил до небес, как он сказал, «гражданский подвиг» Гинзбурга, Добровольского, Галанскова, по его словам, смелых борцов против коммунизма, за демократию. Он заявил, что руководство НТС установило с ними тесный контакт, что энтээсовский журнал «Грани» регулярно получает от них материалы для публикации, в том числе произведения, которые не хотят печатать советские журналы.

После лекции Славинский стал демонстрировать подготовленную им выставку. Среди ее экспонатов была так называемая «Белая книга» Гинзбурга, публиковавшаяся в журнале «Грани». Это сборник фальсифицированных, тенденциозно подобранных материалов.

Славинский обещал Николасу всяческое содействие в поступлении в высшую школу и, прощаясь, сказал: «Не теряйте с нами связь. Вас будут навещать наши люди». И его навещали. Из Парижа частенько наведывалась Тамара, потом какой-то парень по имени Виктор. Разговоры шли все на ту же тему: «Наш долг — помочь тем, кто в России ушел в подполье». Однажды Николас поделился с Тамарой и Виктором затаенной мечтой: побывать в России. «О, это замеча-

1-2-3-4

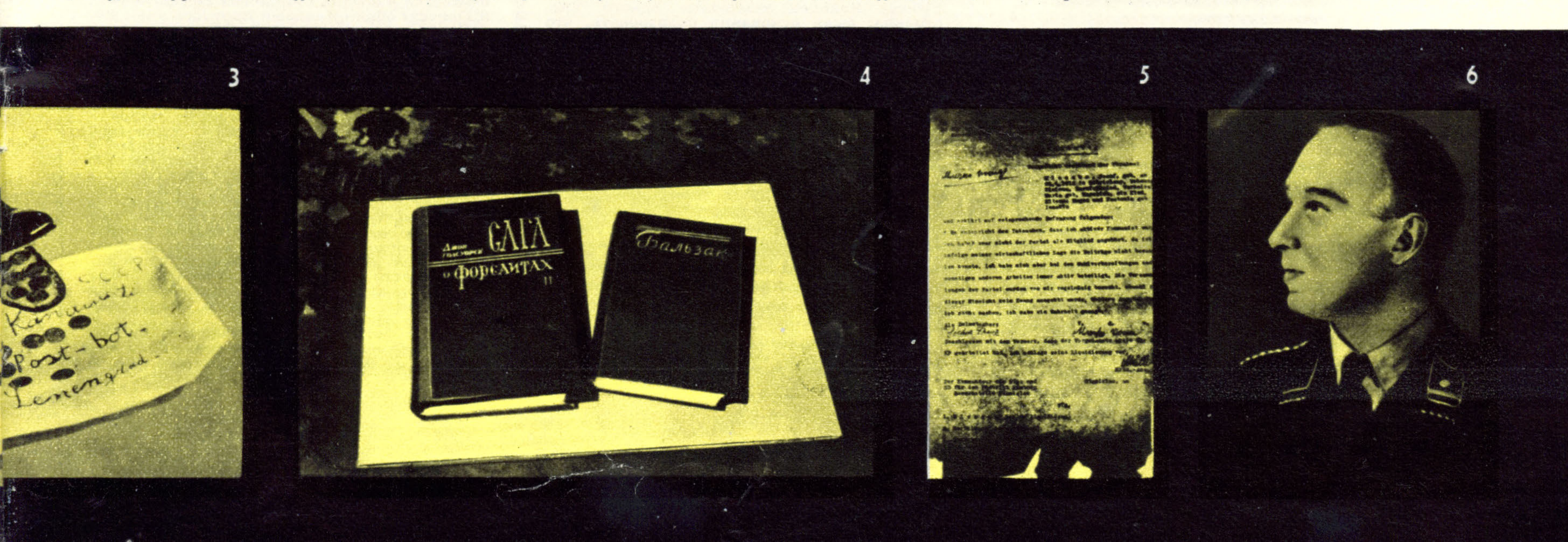
Хитро прячут преступники наворованные ценности! В специальных поясах, в подошвах ботинок и даже в невинных на вид книжках, страницы которых переложены денежными купюрами.

5

Заметая следы преступлений, гитлеровский палач Крюгер сжег эти документы и был уверен, что их более никто не увидит. Но... просчитался.

6.

Штурмбаннфюрер СС Кристензен был начальником СД в оккупированном гитлеровцами Чернигове. На его совести — многие сотни зверски убитых советских людей. Но палач этот пока не понес наказания и разгуливает на свободе в ФРГ.

тельно! — воскликнул Виктор. — Ты настоящий русский человек. Обязательно поезжай. Но если ты поедешь, то должен будешь выполнить наше поручение — связаться с нашими друзьями и помочь им». И тут же были названы уже знакомые нам фамилии так называемых «борцов за свободу». Вскоре обработка Николаса стала более активной. Ему предложили вступить в НТС, рассказали о ее программе. Главное в ней — насильственное свержение советского строя.

Когда Николас поехал в Париж оформлять документы на поездку в Москву, его встретили там Виктор и Тамара. Они взяли у него паспорт и молниеносно оформили все необходимые туристу документы. На допросе я спросил у Николаса: «А кто вам дал деньги на поездку?» Он растерялся и не сразу ответил: «Я их накопил». Этот же вопрос позже задал ему отец, приезжавший в Москву на свидание с сыном. «Ведь у тебя не было денег. Где ты их взял?» Николас промямлил что-то неопределенное. Деньги дали в НТС.

Настал день отъезда Николаса в Москву. Теперь в Париже его встречали уже трое — Тамара, Виктор и неизвестный ему господин из ФРГ. «Туриста» привели в какую-то квартиру и начали инструктировать, как соблюдать правила конспирации. Николасу дали несколько конвертов, которые он должен бросить в любой почтовый ящик Москвы. В конверты были вложены отпечатанные в типографии листовки с портретами Гинзбурга, Добровольского, Галанскова и с призывом: «Помогите жертвам КГБ!» Адреса получателей были добыты способом весьма примитивным: энтээсовцы наугад списывали их из бракоразводных объявлений в советских городских газетах. Авось, кто-нибудь да и откликнется...

Но главное задание — это не письма, а пояс. Вручил его Виктор и сказал: «Ты не должен снимать его, пока не встретишься с тем, кому он предназначен. Операция опасная, но осуществить ее надо. Во что бы то ни стало».

— Я тогда еще точно не знал, что в этом поясе, — показывал на следствии Николас. — Но, судя по мерам предосторожности, в нем находилось что-то очень нужное тем, кто действовал в подполье. Мне дали телефон, по которому я должен звонить на работу человеку по фамилии Гуреев, условиться с ним о встрече и передать ему пояс. Я так и сделал. Все, что произошло потом, вы знаете...

Когда «турист» прибыл в Москву, Гуреев уже был арестован. Научный сотрудник одного из институтов, он возглавлял группу лиц, занимавшихся печатанием и распространением антисоветских листовок. Группа эта имела свою программу, устав и называла себя «Свободная Россия». С помощью двух своих соратников, занимавшихся «фарцовкой», Гуреев связался с иностранными туристами в Москве — это американец Мак Леод Михаэль и француз Кловель Реми — и, пользуясь их услугами, дал знать о себе и своей подпольной группе деятелям НТС в Лондоне и Париже. Они, конечно, немедленно откликнулись. И, не зная об аресте Гуреева, послали гонца — Николаса. Он летит в Москву с поясом, в котором деньги и подробные инструкции, как дальше поддерживать связь, и антисоветские листовки, и шифр, и условные адреса, и средства тайнописи, и настойчивые рекомендации: «Постарайтесь проникнуть в студенческую среду... Если не сможете, — то в круги молодежи: будь то студенты, литераторы, рабочие... Издавайте подпольные печатные органы под общим названием «Посев» с указанием имени издающей группы... Для начала мы сделали для вас первый номер такого ПОДПОЛЬНОГО «Посева». Тут же — фотопленка с двумя номерами «Посева». И предупреждение: «Газета составлена так, что она в течение долгого времени не устареет». Все предусмотрели энтээсовцы, включая проекты первых приказов, которые следует обнародовать... после свержения Советской власти. И содержание тех требований, которые следует выставлять в подпольном «Посеве». Не обошлось, конечно, без требований освободить Гинзбурга, Добровольского, Галанскова.

Прибыв в Москву, Николас на следующий же день позвонил на работу Гурееву. Ему ответили: «Его сейчас нет, он будет в пять вечера». Ровно в пять вечера Николас снова позвонил по условленному телефону.

— Я прошу Гуреева...

— Гуреев слушает...

Они условились о встрече в метро «Сокольники». Что было дальше, нетрудно представить. Николаса радушно приветствовал... оперативный сотрудник КГБ.

Брокс-Соколов во всем сознался. На следствии я спросил у него: «Зачем вы приехали в СССР?» Он ответил: «Защищать подпольных литераторов». Я сказал: «Ну что же, я могу помочь. Сейчас идет суд над ними. Я повезу вас туда... И вы можете в качестве свидетеля сказать все, что знаете по этому поводу».

В. Ф. КРАВЧЕНКО. Старший следователь подполковник юстиции Юрий Борисович Смирнов расследует дела валютчиков и контрабандистов, пытающихся подорвать государственную монополию внешней торговли. Причем он не только раскрывает преступления, но и возвращает государству большие ценности.

Юрий Борисович, расскажите, пожалуйста, об этом.

Ю. Б. СМИРНОВ. Известно, что монополия внешней торговли, денежная и кредитная система Советского государства являются важными рычагами социалистической системы хозяйствования и всякое посягательство на них, в частности контрабанду и нарушение правил о валютных операциях, закон рассматривает как опасные государственные преступления.

Контрабанда — это незаконное, скрытное перемещение товаров или иных ценностей через государственную границу СССР. Особым видом контрабанды является провоз взрывчатых, наркотических и ядовитых веществ, а также оружия и воинского снаряжения, то есть предметов, изъятых из гражданского оборота.

Под нарушением правил о валютных операциях закон понимает различного рода тайные сделки частных лиц, в результате которых совершаются обмен и купля-продажа валюты, ценных бумаг, благородных металлов или драгоценных камней.

Вот, например, одно из таких дел. Два иностранных гражданина Танкарян и Махреджан обучались на пятом курсе Ереванского медицинского института. Получение дипломов было не за горами. Но случилось так, что Танкарян и Махреджан были задержаны в Московском аэропорту при попытке вывезти за границу свыше 3 килограммов платины. Для того, чтобы платину не обнаружили при таможенном досмотре, контрабандисты запрятали ее в игрушечное пианино и даже накрутили платиновую проволоку вместо спирали в электрическом самоваре, который взяли с собой в качестве «сувенира».

В ходе следствия выяснилось, что эти «студенты» ранее незаконно ввезли в СССР более пяти килограммов жемчуга, от продажи которого при посредничестве своего сообщника — спортивного тренера Ереванского политехнического института Тадевосяна выручили около ста тысяч рублей. На эти-то преступные деньги они и покупали платину, чтобы перепродать ее за границей с выгодой для себя.

Кроме платины, государству были возвращены 40 тысяч рублей советских денег, свыше килограмма золота, 630 граммов жемчуга.

Случаются и такие дела, в ходе которых у преступников изымаются и значительно большие ценности.

Так, например, по делу Даварашвили, Чичанашвили, Аллахьярова и других (всего было привлечено к уголовной ответственности 15 человек) в процессе расследования было изъято и возвращено государству 380 тысяч рублей, золотые монеты общим весом более 24 килограммов, почти два килограмма платины, значительное количество иностранной валюты.

Особую общественную опасность представляют попытки контрабандистов тайно провезти на нашу землю гашиш, марихуану, героин, опиум и прочие наркотические вещества. Нельзя не отдать должное нашим пограничникам и работникам таможен, которые безошибочно умеют отыскивать контрабандистов среди многочисленных иностранных гостей нашей страны.

Приходится иногда удивляться, к каким ухищрениям прибегают контрабандисты, чтобы скрыть свой вредоносный товар.

Гражданин США Дейл Рид Уоррен из штата Калифорния, задержанный в Ташкентском аэропорту, чтобы скрыть гашиш, который он приобрел в Пакистане, пришил специальные потайные карманы к своему жилету. Швейцарец Мишель Легер ввез в нашу страну гашиш в изготовленном для этой цели поясе. Прячут наркотики и в двойном дне чемоданов, дорожных сумок и даже прибинтовывают к собственному телу.

Следователи не могут рассчитывать на случайности в своей работе. Главное — упорный, высококвалифицированный труд и хорошее знание последних достижений криминалистической науки. Однако бывает, что и «случай» играет роль.

Однажды в Шереметьевском аэропорту был обнаружен «беспризорный» саквояж. Сколько ни спрашивали пассажиров, никто не признавал его своим. Когда саквояж вскрыли, в нем оказалось свыше ста тысяч рублей. Наконец задержали одного иностранца: были основания подозревать, что именно он является хозяином этого саквояжа. Однако он не пожелал признать это. Здесь-то и помогла «случайность». В саквояже под пачками денег была обнаружена запонка. Обыкновенная запонка для манжет. Оказалось, что такая же запонка имеется и в манжете у задержанного иностранца. При сравнении запонок установили их идентичность. Так был изобличен опасный преступник.

В. Ф. КРАВЧЕНКО. А теперь разрешите предоставить слово подполковнику юстиции товарищу Константинову. Он расследует злодеяния гитлеровских преступников, повинных в гибели многих советских людей, преступников, оставивших на советской земле страшную память о фашистской Германии.

Собирать улики, вещественные доказательства, находить свидетелей преступлений, совершенных более четверти века назад, — дело чрезвычайно тяжелое. Но подполковник Константинов и его товарищи успешно справляются с ним.

Н. Г. КОНСТАНТИНОВ. Еще во время войны Советское правительство после того, как стали известны факты чудовищных злодеяний гитлеровцев на оккупированных территориях, неоднократно заявляло, что все виновники этих преступлений понесут наказание.

Советский суд вынес суровые приговоры многим гитлеровским убийцам и их пособникам. Однако тысячи нацистских военных преступников после окончания Великой Отечественной войны бежали в Западную Германию и, по существу, до сих пор не привлечены к ответственности.

Западногерманские органы юстиции в последние годы провели ряд процессов над нацистскими военными преступниками. Однако судебная практика ФРГ богата скандальными примерами необоснованного оправдания виновных. Зачастую палачам, у которых, как говорится, руки в крови по локти, палачам, на совести которых сотни безвинно погубленных людей, следствие инкриминирует лишь соучастие в одном-двух убийствах. Убийцы освобождаются от наказания только потому, что они-де выполняли приказ своих начальников, или в связи с тем, что в их злодеяниях отсутствуют так называемые отягчающие обстоятельства. Часто суды прекращают дела из-за «недостаточности доказательств».

Вот пример. В 1969 году суд присяжных в городе Дармштадте оправдал бывшего начальника полиции безопасности и СД в Чернигове, а также командира «Зондеркоманды-4-А» штурмбаннфюрера СС Кристензена и его подчиненных оберштурмфюреров Кречмера и Финдайзена, виновных в уничтожении сотен невинных граждан на Украине.

В оправдательном приговоре суд записал, что ему не удалось с полной достоверностью доказать вину Кристензена в даче приказа на проведение двух экзекуций, в ходе которых было расстреляно 600 человек. Шофера «душегубки» Финдайзена суд признал соучастником этого злодеяния, но от наказания воздержался. Преступления Кристензена в Чернигове судом не расследовались, хотя имеются основания полагать, что им были совершены и другие не менее тяжкие преступления.

Необоснованно оправданы участник массовых расстрелов советских граждан в Даугавпилсе оберштурмфюрер Табберт, бывший заместитель командира 57-го карательного батальона Штройбель, один из руководителей концлагеря Гроссрозен — Хассенбрек... Перечень таких дел можно продолжить.

Следователи КГБ по поручению Прокуратуры СССР в соответствии с действующим в нашей стране уголовно-процессуальным законодательством продолжают настойчивый поиск виновников злодеяний, собирают доказательства и передают их в установленном порядке западногерманским органам юстиции.

С уверенностью можно сказать, что те следственные и судебные работники в ФРГ, которые действительно хотят объективно и всесторонне расследовать дела нацистских военных преступников и строго наказывать их, имеют полную возможность получить правовую помощь от компетентных органов Советского Союза и других социалистических стран, на временно оккупированной территории которых гитлеровцы совершали свои гнусные преступления.

В последнее время следственным и судебным органам ФРГ было передано большое количество материалов, изобличающих нацистских преступников, против которых в ФРГ ведется следствие. Западногерманским судьям, присяжным заседателям, адвокатам, прокурорам и судебным следователям уже не раз предоставлялась возможность приехать в СССР, чтобы присутствовать на допросах свидетелей советских граждан — очевидцев преступлений гитлеровцев, принимать участие в осмотре мест, где совершались массовые расстрелы. При этом наши следственные органы исходят из того, что представители юстиции ФРГ добросовестно отнесутся к оценке собранных доказательств и вынесут обвинительный приговор убийцам.

Конечно, расследование злодеяний нацистов более чем через 25 лет со дня совершения преступления является делом сложным.

Приходится изучать множество документов, разыскивать свидетелей, изучать места, на которых фашистские палачи творили свои кровавые преступления, проводить следственные эксперименты, экспертизы, а в случае необходимости и эксгумацию останков жертв. Тем не менее еще не было случая, чтобы мы не смогли представить западногерманским судьям убедительные доказательства, уличающие гитлеровских палачей в содеянных преступлениях. Расскажу некоторые подробности наших поисков.

Вот дело бывшего начальника полиции безопасности и СД города Станислава (ныне Ивано-Франковска) оберштурмбаннфюрера СС Крюгера, процесс которого происходил недавно в Мюнстере (ФРГ).

Помимо массового уничтожения людей, Крюгер обвинялся в том, что среди бела дня выходил на балкон дома, в котором жил, и

стрелял из винтовки по заключенным, работавшим на огороде и скотном дворе расположенного поблизости подсобного хозяйства. Крюгер защищался отчаянно, рассчитывая, что дом был разрушен во время боев. Он утверждал, что никак не мог стрелять по заключенным с балкона, так как у этого дома якобы и балкона-то не было. Пришлось осмотреть дом, поднять многие архивные документы, прежде чем наконец был найден проект и договор, заключенный между подрядчиком и владельцем, из которых видно, что дом имел балкон.

Но это еще не все. Потребовалось провести эксперимент, в результате которого стало ясно, что с балкона был виден двор, где работали узники, и что Крюгер мог вести по ним прицельный огонь.

Больше того, западногерманскому суду были переданы подлинные документы, захваченные советскими войсками при освобождении Станислава. На появление этих документов в суде бывший оберштурмбаннфюрер никак не рассчитывал: перед тем как сбежать из города, надо полагать, он сжег все бумаги, которые могли бы так или иначе изобличать его. Но документы, видимо, сжигались наспех, так как бой уже шел на окраинах города. И вот документы, обрекавшие на смерть людей и скрепленные собственноручной подписью Крюгера, документы, пожелтевшие от жара, обгоревшие по краям, предъявлены обвиняемому. Собранные следователями доказательства помогли изобличить Крюгера — его осудили к пожизненному заключению, а сообщники преступника получили разные сроки тюремного заключения.

И еще один пример. На процессе, закончившемся недавно в ФРГ, многие свидетели — бывшие узники концлагеря «Дора», в котором, как известно, гитлеровцы производили свои сверхсекретные ракеты «Фау», показали, что на их глазах один из подсудимых, бывший нацистский офицер лагерной охраны по фамилии Буста, по кличке «Конская голова», дважды выстрелил из пистолета в голову советского человека, отказавшегося работать... Упавшего на землю узника увезли в лазарет. Нам сообщили лишь его фамилию и примерно место, где он жил до войны. Потребовались время и напряженный труд, чтобы разыскать следы «убитого», который после освобождения из концлагеря «Дора» несколько раз по семейным обстоятельствам менял местожительство. Одна пуля фашиста попала ему в переносье и осталась в черепе. Потерпевший рассказал, что после ранения друзья на тачке увезли его в лазарет. Один из узников, французский врач, извлек из черепа осколки раздробленных костей и залечил рану. После войны «убитый» вернулся на родину. Но разыскать его было лишь половиной дела. Пришлось провести судебно-медицинское рентгенологическое исследование, с помощью которого в черепе у затылочной кости была обнаружена пуля. Экспертиза подтвердила, что изложенные потерпевшим обстоятельства ранения могли иметь место. Свидетель опознал убийцу, дал подробные показания западногерманским судьям, приезжавшим в Москву, чтобы воочию увидеть свидетеля и выслушать его рассказ. В результате Буста был осужден.

Следственные органы ведут также поиск убийц, которые еще не привлечены к ответственности, несмотря на переданные в ФРГ изобличающие материалы. До сих пор, например, гуляет на свободе бывший начальник зондеркоманды «СС 10-А» оберштурмбаннфюрер Кристман, виновный в массовом уничтожении тысяч людей. Мы не прекращаем поиск свидетелей, которым известны факты его преступной деятельности.

Длительное время нами ведется поиск доказательств виновности нациста Арно Безекова, который в годы временной оккупации орудовал в Прибалтике и Ленинградской области. В результате напряженного труда, анализа и сопоставления трофейных документов, на которых сохранились неразборчивые, поблекшие со временем резолюции и подписи, следователям удалось обнаружить ряд писем и установить, что подписи и резолюции на них сделаны рукой Безекова. Нельзя без содрогания читать их. Одним росчерком пера он решал судьбы многих невинных советских граждан.

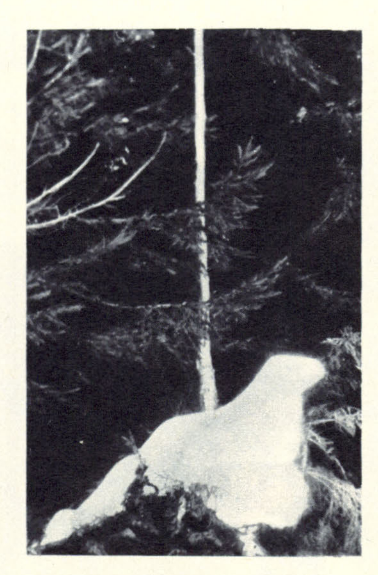
Вот некоторые из этих документов. Докладная записка, в которой местная комендатура доносит службе безопасности СД, возглавлявшейся Безековым, что больные, содержащиеся в одной из больниц, «представляют собой опасность для окружающих». «...Больные подлежат уничтожению,— начертал Безеков на докладной.— Других мер в настоящее время не имеется. 15 больных ликвидировано 15.09.1941 г. Остальные будут уничтожены позже».

В другом документе говорится о том, что задержан русский по имени Сергей Иванович Филимонов. И пометка Безекова: «Ликвидирован 5.10.1941 года». А вот резолюция Безекова на рапорте о задержании советского гражданина: «На допросе дает неправдивые показания. И является человеком второго сорта. Уничтожен 27.09.1941».

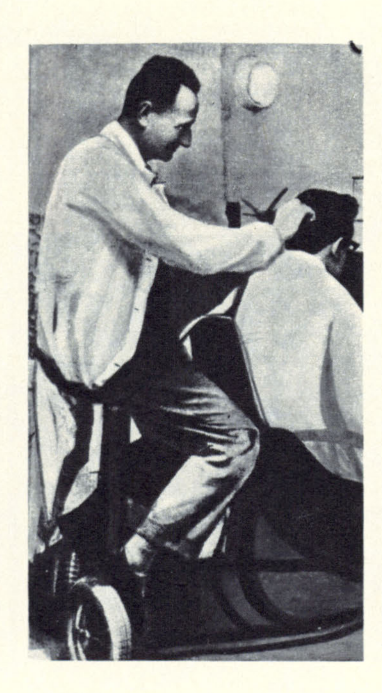
Место этого изверга — на скамье подсудимых. Но до сих пор он не понес никакого наказания.

Наша работа продолжается. И мы сделаем все зависящее от нас, чтобы ни один гитлеровский палач не остался безнаказанным.

Репортаж вели Л. Леров, В. Павлов, Ю. Чернявский.

Тюлень на елке.
Фото Ф. Кубанова.

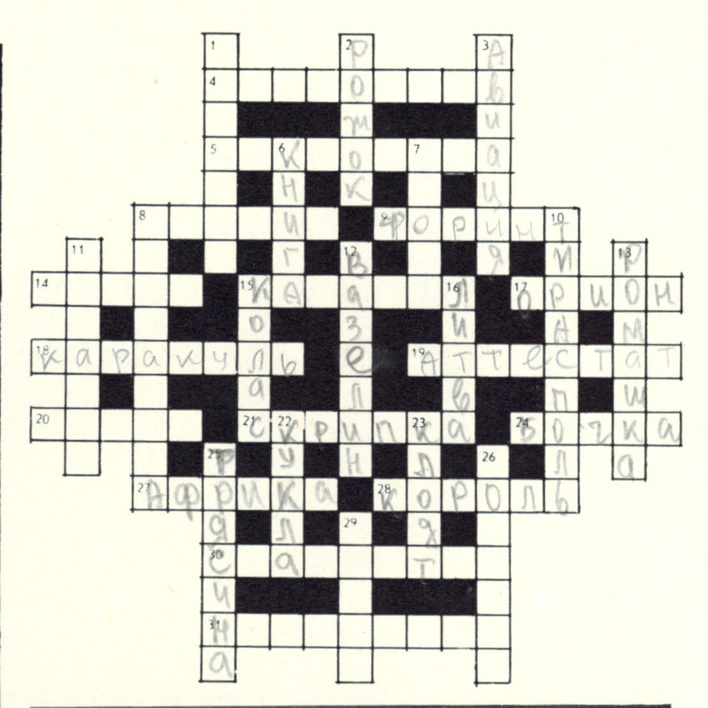
ЦИРЮЛЬНИК НА КОЛЕСАХ

Парикмахер Ян Детмерс из Апелдрона (Нидерланды) сконструировал специальный велосипед, который помогает ему в работе.

ГИГАНТСКИЙ ПЕС

Этот сенбернар, как уверяет его хозяин, самый крупный пес в Великобритании.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Русский этнограф, собиратель и исследователь фольклора. 5. Отрасль геологии. 8. Химический элемент. 9. Денежная единица Венгрии. 14. Лесная птица. 15. Река в Алма-Атинской области. 17. Экваториальное созвездие. 18. Мех. 19. Документ об окончании среднего учебного заведения. 20. Сумма или разность двух алгебраических выражений. 21. Струнный инструмент. 24. Фигура высшего пилотажа. 27. Материк. 28. Шахматная фигура. 30. Итальянский композитор XVII—XVIII веков. 31. Пьеса И. С. Тургенева.

По вертикали: 1. Хищное животное. 2. Охотничья дудочка. 3. Воздушный флот. 6. Печатное издание. 7. Приток Невы. 8. Ценное кормовое растение. 10. Город в Молдавской ССР. 11. Азбука. 12. Мазь, применяемая в медицине и технике. 13. Цветок. 15. Народный поэт Белоруссии. 16. Союзная республика. 22. Роман Б. Пруса. 23. Скульптор, создавший конные группы на Аничковом мосту в Ленинграде. 25. Зыбкое, болотистое место. 26. Сушеный виноград. 29. Дорожка в парке, саду.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 7. «Крыжовник». 8. Куропатка. 9. Граната. 11. Кармин. 12. Вельмо. 14. Точка. 16. Динамик. 18. Синоним. 19. Диалектология. 22. Севрюга. 23. Ташкент. 24. Тавда. 28. Партер. 29. Качели. 30. «Варвары». 31. Почтальон. 32. Гадолиний.

По вертикали: 1. Причастие. 2. Бобрик. 3. Гидрант. 4. Мустафа. 5. Юпитер. 6. Аквамарин. 10. Несчастливцев. 13. «Баядера». 15. «Коляска». 17. Колба. 18. Скотт. 20. Рефрактор. 21. Антология. 24. Тубафон. 25. Абордаж. 26. Бештау. 27. Нагель.

На первой странице обложки: Двадцатишестикратный рекордсмен мира, тяжелоатлет Василий Алексеев с сыновьями Димой и Сережей (см. в номере репортаж «Со штангой и без...»).

Фото Л. Шерстенникова.

На последней странице обложки: Государственный Центральный театр кукол под руководством народного артиста СССР С. Образцова. Сцены из нового спектакля «Солдат и Ведьма» по мотивам сказки Х. К. Андерсена «Огниво».

Фото Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 12/I-71 г. А 00503. Подп. к печ. 26/I-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 209. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 58.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

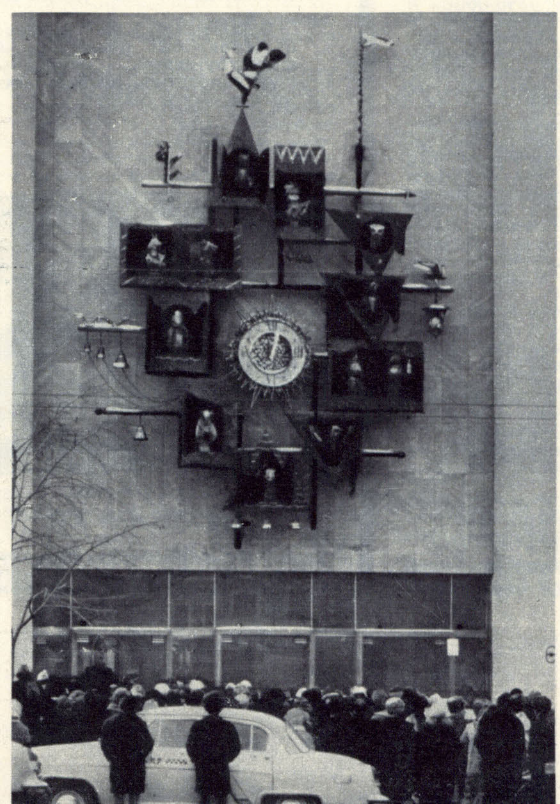

ЧУДЕСА КУКОЛЬНОГО ДОМА

Фото Е. УМНОВА.

Между улицами Каляевской и Самотечной много лет в Москве стояло недостроенное здание странной формы — какая-то коробка с черными глазницами пустых окон. И вдруг москвичи неожиданно услышали от водителей троллейбусов, курсирующих по Садовому кольцу, название новой остановки: «Центральный театр кукол».

Когда-то именно для театра выбрал место это Константин Сергеевич Станиславский; он мечтал, чтобы в Москве возник новый, необыкновенный театр, где показывали бы зрелища чудесные, необыкновенные; в этот особый, новый театр должны ходить новые зрители, и пьесы должны играться новые...

И вот ожил недостроенный дом. Не успели строители положить последний кирпич, а к новому дому уже спешили электрики, радиотехники, краснодеревщики, часовых дел мастера... В просторных, светлых комнатах разместились инженеры, механики, мастера-кукольники, умеющие, как знаменитый папа Карло, сотворить из деревянного полена веселого мальчишку Буратино. Здесь стал жить действительно необыкновенный театр: Кукольный театр С. В. Образцова.

Когда кремлевские куранты на Красной площади бьют двенадцать, оживает сказочное царство часов и над входом в дом кукол на Садовом кольце. Бронзовый петушок кричит «Ку-ка-ре-ку!», распахиваются дверцы двенадцати маленьких причудливых домиков, и навстречу людям выходят сказочные герои, чтобы под перезвон колокольчиков пожелать москвичам и гостям столицы доброго дня.

А теперь войдем за стеклянные двери. В цокольном этаже — просторная гардеробная, потом фойе. Здесь музей театра, и мы оказываемся в удивительном мире кукольных героев, собранных С. В. Образцовым во множестве стран. Вот древний театр теней... Вот японские куклы-красавицы... Вот факиры из Индии... Все разместились просторно

Одно из чудес кукольного дома — сказочный зимний сад. На отполированных ветвях старой яблони, в просторных клетках — канарейки; в аквариумах плещутся рыбки... А дальше ребят ждет новый сюрприз — собственно детский зрительный зал. Здесь даже не умеющему читать малышу легко отыскать место: в руках у него билет того же цвета, что и кресло в зале: желтый, синий, красный, зеленый.

В день открытия этого разноцветного зала куклы показали малышам спектакль «Солдат и ведьма» по андерсеновскому «Огниву».

Широкий лестничный пролет — и мы в главном зрительном зале. Удобные, покойные кресла; уютные деревянные стены. Только, оказывается, что это вовсе не стены, а специальные секторы — ниши, бесшумно раздвигающиеся по сигналу режиссера. В нишах продолжится действие, происходящее на сцене.

Мы назвали три чуда, но их гораздо больше,— увидите сами.

Н. ЗЫБИНА

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.